

LEGAL CONCEPT

2025

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2025
Volume 24. No. 2

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2025
Том 24. № 2

LEGAL CONCEPT
PRAVOVAYA PARADIGMA

2025. Vol. 24. No. 2

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПМ № ФС77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **SciUp** (Russia), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *I.S. Dikarev* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *M.L. Davydova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *A.V. Milikova* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *D.V. Kononenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *G.A. Vasilevich* (Minsk, Belarus); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editor, Proofreader is *U.V. Naumova*

Editor of English texts is *D.A. Novak*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on July 7, 2025.

Date of publication: Nov. 20, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 12.3. Published pages 13.2.

Number of copies 500 (1st printing 1–29 copies).

Order 81. «C» 26.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Posp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Posp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT
ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2025. Т. 24. № 2

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), SciUp (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, доц. И.С. Дикарев – главный редактор (г. Волгоград)

д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова – зам. главного редактора (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. А.В. Миликова – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. Д.В. Кононенко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Г.А. Василевич (г. Минск, Беларусь); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Т.В. Дерюгина (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Д.К. Лабин (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварато (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. А.В. Серебrenникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редактор, корректор У.В. Наумова

Редактор английских текстов Д.А. Новак

Верстка и техническое редактирование О.Н. Ядыкиной

Подписано в печать 07.07 2025 г.

Дата выхода в свет: 20.11 2025 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 12,3.
Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–29 экз.).

Заказ 81. «С» 26.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес: 400062 г. Волгоград,
просп. Университетский, 100. Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>
Англояз. версия сайта журнала:
<https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Полдников Д.Ю. Кодификация в стиле романо-германского права в XIX–XX вв.: от мифологизации к рациональной критике. Часть 1	6
Слеженков В.В. От «умного регулирования» к «умному правоприменению»: что препятствует концептуальной трансформации?	17
Кердан Л.Н. Нетипичные ситуации в правоприменительном процессе: вопросы юридической техники	23
Костюнина О.В. Доверие в системе ценностных и целевых приоритетов России на современном этапе	28
Судденков К.В. Понятие «согласие» в российской правовой доктрине и юридической практике	38
Ситников М.С. К вопросу об охране персональных данных в условиях метавселенной	45

ВОПРОСЫ

ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кайль Я.Я. Установление родителей ребенка, выношенного суррогатной матерью	55
Политкин И.А. Организационная функция гражданско-правовых договоров	62
Александрова М.А. Дефиниция автономии воли и ее значение в международном частном праве	67

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Колобов Р.Ю. Список всемирного наследия как природоохранный инструмент	73
--	----

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Россинский С.Б. Судебное исследование и досудебное «криптоисследование» доказательств по уголовному делу	84
Бирюков С.Ю. Психологические средства деятельности следователя в ситуациях конфликтов	92
Епифанов А.Е. К вопросу о классификации следственных действий и особенностях их производства в уголовном процессе	100
Ромашова М.В. Совершенствование процессуальных механизмов использования познаний специалиста в ходе предварительного расследования	108

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Григорьев И.Б. Зарубежный опыт правового регулирования конституционных ограничений прав и свобод лиц, наделенных специальным правовым статусом, и вопросы его актуализации в России (на примере стран БРИКС)	118
Колосович О.С. Современные тенденции международного сотрудничества по уголовным делам и их правовое регулирование	124

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF STATE LEGAL DEVELOPMENT

- Poldnikov D.Yu.* Codification
in the Romano-Germanic Tradition
in the 19th – 20th Centuries:
From Mythologization to Rational Critique. Part 1 6
- Slezhnikov V.V.* From “Smart Regulation”
to “Smart Law Enforcement”:
What Prevents Conceptual Transformation? 17
- Kerdan L.N.* Atypical Situations
in the Law Enforcement Process:
Issues of Legal Technique 23
- Kostyunina O.V.* Trust in the System
of Value and Target Priorities of Russia
at the Present Stage 28
- Suddenok K.V.* The Concept of “Consent”
in Russian Legal Doctrine and Legal Practice 38
- Sitnikov M.S.* Revisiting Personal Data Protection
in the Context of the Metaverse 45

ISSUES

OF PRIVATE LAW REGULATION: HISTORY AND MODERNITY

- Kayl Ya.Ya.* Identification of Parents of a Child
Carried by a Surrogate Mother 55
- Politkin I.A.* The Organizational Function
of Civil Contracts 62
- Alexandrina M.A.* The Definition
of the Autonomy of the Will
and Its Significance in Private International Law 67

LEGAL PROBLEMS

OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND NATURAL RESOURCES UTILIZATION

- Kolobov R.Yu.* The World Heritage List
as an Environmental Protection Tool 73

PROCEDURAL LAW:

ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

- Rossinsky S.B.* Judicial Examination
and Pre-Trial “Crypto Examination”
of Evidence in a Criminal Case 84
- Biryukov S.Yu.* Psychological Means
of an Investigator’s Activity
in Conflict Situations 92
- Epifanov A.E.* On the Classification
of Investigative Actions and the Specifics
of Their Conducting in the Criminal Process 100
- Romashova M.V.* Improving
the Procedural Mechanisms for Using
an Expert’s Knowledge
During a Preliminary Investigation 108

INTERNATIONAL LAW

AND COMPARATIVE JURISPRUDENCE

- Grigoriev I.B.* Foreign Experience
of the Legal Regulation
of Constitutional Restrictions on the Rights
and Freedoms of Persons with Special Legal Status
and the Issues of Its Actualization in Russia
(Through the Example of the BRICS Countries) 118
- Kolosovich O.S.* Current Trends
in International Cooperation
in Criminal Cases
and Their Legal Regulation 124

www.volsu.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.1>

UDC 34(091):340.5

LBC 67.3

Submitted: 12.03.2025

Accepted: 04.07.2025

CODIFICATION IN THE ROMANO-GERMANIC TRADITION IN THE 19th – 20th CENTURIES: FROM MYTHOLOGIZATION TO RATIONAL CRITIQUE

Part 1

Dmitry Yu. Poldnikov

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: in comparative law, codification of law is conventionally regarded as a unique and arduous achievement of modern Western European legal culture, which in the 19th century defined, and to a significant extent continues to define, the character of the Romano-Germanic legal tradition. Codes are generally recognized as a triumph of a rational perspective on law, underpinning its rational-legal legitimacy. However, is this truly the case? Are there not transcendent elements within codification? The **methodology** of this article entails seeking an answer to this question through functional analysis, that is, by identifying assertions about codified law that do not correspond to reality and lack tangible consequences for the legal system. The **aim** of this article is to identify the legal myths that accompanied the drafting, enactment, interpretation, and application of leading European civil codes (the French Civil Code of 1804 and the German Civil Code of 1896). The author asserts and substantiates that behind the rational facade of codification lie the myths of the “sacral” authority of the code, its completeness and internal consistency, and the superiority of its abstract norms over the casuistry of judge-made law. The **conclusion** of the article is the thesis that these myths served as the ideological source of the statute-centric, holistic legal system of nation-states in Europe from the 19th century onwards and also conditioned the widespread reception of codes in diverse non-Western jurisdictions (excluding common law and customary law countries).

Key words: legal myth, rationality, codification, civil code, authority, comparative law.

Citation. Poldnikov D. Yu. Codification in the Romano-Germanic Tradition in the 19th– 20th Centuries: From Mythologization to Rational Critique. Part 1. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 6-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.1>

УДК 34(091):340.5

ББК 67.3

Дата поступления статьи: 12.03.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

КОДИФИКАЦИЯ В СТИЛЕ РОМАНО-ГЕРМАНСКОГО ПРАВА В XIX–XX вв.: ОТ МИФОЛОГИЗАЦИИ К РАЦИОНАЛЬНОЙ КРИТИКЕ

Часть 1

Дмитрий Юрьевич Полдников

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Введение: отраслевую кодификацию права в компаративистике принято считать уникальным и трудным достижением западноевропейской правовой культуры Нового времени, которое в XIX в. определило и во многом до сих пор определяет стиль романо-германского права. Как правило, кодексы признаны триумфом рационального взгляда на право, опорой его рационально-легальной легитимности. Однако так ли это на самом деле? Нет ли в кодификации трансцендентных элементов? **Методология** статьи подразумевает поиск ответа на данный вопрос с опорой на функциональный анализ, то есть выявление утверждений о кодифицированном законе, которые не соответствуют действительности и лишены реальных последствий для правовой системы. **Целью** настоящей статьи служит выявление правовых мифов, сопутствовавших разработке, принятию, толкованию и применению ведущих гражданских кодексов Европы (Гражданского кодекса Франции 1804 г. и Германского гражданского уложения 1896 г.). Автор утверждает и обосновывает, что за рациональным фасадом кодификации стоят мифы «сакрального» авторитета кодекса, его полноты и непротиворечивости, а также превосходства его абстрактных норм над казуистикой прецедентного права. **Выводом** статьи является тезис о том, что указанные мифы выступали идеологическим источником законоцентричной целостной правовой системы государств-наций в Европе с XIX в., а также обусловили широкую рецепцию кодексов в самых разных незападных юрисдикциях (за исключением стран общего и обычного права).

Ключевые слова: правовой миф, рациональность, кодификация, гражданский кодекс, авторитет, сравнительное правоведение.

Цитирование. Полдников Д. Ю. Кодификация в стиле романо-германского права в XIX–XX вв.: от мифологизации к рациональной критике. Часть 1 // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.1>

Я питаю отвращение к иллюзиям: вот почему я принимаю мир таким, каков он есть.

*Максимумы и мысли узника Святой Елены,
записанные Лас Казом*

Введение

Кодификацию законодательства принято считать наиболее сложной и совершенной (в сравнении с учетом, инкорпорацией, консолидацией) формой систематизации нормативных правовых актов, направленной на «коренную, внутреннюю и внешнюю переработку действующих нормативных правовых актов путем подготовки и принятия нового кодифицированного акта компетентными государственными органами» [10, с. 385]. В указанном смысле кодификация – это уникальное творение правовой культуры Западной Европы Нового времени, которое стало переломным моментом в истории европейского права и до сих пор во многом определяет стиль правового мышления юристов в самой многочисленной правовой семье современности [33, р. 257].

С точки зрения исследователей модернизации европейских и западных обществ, разработка и принятие кодексов высшее правовое выражение рациональности социального действия в ее содержательном и формальном измерении. Первое подразумевает осоз-

нание индивидом своих интересов и выбор адекватных средств их достижения, второе системную оценку поведения по законам логики и причинно-следственной связи [14, т. 3, с. 425]. По М. Веберу, именно такая рациональность наиболее релевантна для анализа права и бюрократии, поскольку предполагает следование формально установленным правилам и процедурам, независимо от конкретного результата или этических соображений [2, с. 56]. Этим объясняется стремление формализовать, подчинить формальной логике, облечь в рамки четкой процедуры все юридически значимые виды деятельности от законотворчества до правоприменения.

Вместе с тем за рациональным фасадом кодификации скрыты трансцендентные феномены, в том числе мифы. На взгляд признанного знатока романистической традиции М.Х. Гарсия Гарридо, «ход истории... от Свода Юстиниана VI в. к гражданским кодексам характеризуется, в числе прочего, длительным процессом мифологизации некоторых принципов и “догматов”, которые считаются неизменными и имеющими универсальную ценность» [3, с. 132], например, признание позитивного права законченным и совершенным настолько, насколько оно является воплощением государства.

Мифы изучаются разными науками неодинаково. Философия трактует их как архай-

ческую форму синкретичного общественно-го сознания, которая воплощает коллективный опыт осмысления жизни (ее смысла, ценностей) поколениями предков, а потому воспринимается на веру, некритично [14, т. 2, с. 581], и в античной цивилизации вытесняется логосом, рациональной формой мышления [9, с. 122]. На языке культурологии мифы предстают специфическими культурными архетипами, моделями поведения, созданными обществом (стихийно или целенаправленно) на основе упорядочения и обобщения социального опыта. Социологи понимают под мифами нарративы, призванные обеспечить социальное единство (идентичность), легитимность порядка, общие ценностные ориентиры, мировоззрение. В политологии миф рассматривается с позиции подмены знания и понимания фактов политики образами, символами, вымыслами [14, т. 2, с. 580].

Мифы правовых систем Нового времени и современности редко становятся предметом изучения правоведов. В основном речь идет о тех, кто склонен к социокультурному подходу, в рамках которого правовая реальность мыслится как система текстуальных, ментальных, праксиологических феноменов, каждый из которых находится во взаимодействии друг с другом [20, с. 76]. В этом контексте миф права предстает как ценностная основа правовой реальности, как «реальность более высокого уровня... эстетически выраженная мечта о справедливости... (которая) рождается в недрах народного духа» [7, с. 1], ключевого метафизического понятия правоведов с подачи исторической школы права Ф. Савиньи.

В отличие от презумпций и фикций в праве, мифы, очевидно, не могут быть опровергнуты формальными средствами доказывания, поскольку опираются на веру, метафизическую основу. Вышедшие из доверия мифы превращаются в *социальные иллюзии*, или неадекватные действительности представления о правовой системе. Научная рациональность правовой системы не исключает потребности в политических и правовых мифах. Последние позволяют приписывать социальным явлениям то или иное ценностное значение (традиционные ценности), а значит, становятся идеологическим источ-

ником позитивного права. Кроме того, они находят свое выражение в презумпциях, фикциях и нормативно закрепленных ритуалах (например, при организации судопроизводства). Вместе с тем соотношение представленных выше понятий в теоретико-правовой науке до сих пор четко не установлено, что затрудняет исследование конкретных мифов кодификации.

В данной статье утверждается, что правовые мифы в указанном смысле сопутствовали кодификациям, основанным как на естественном праве, так и на позитивизме Нового времени, и во многом обусловили их внедрение в Европе, а затем и за ее пределами. Декодификация права и развитие научной рациональности правоведения в XX в. поставили под сомнение соответствие мифов кодификации действительности, а значит, превратили их в социальные *иллюзии*, чреватые утратой кодифицированным правом действенности и легитимности из-за неадекватности потребностям общества, его представлениям о ценностях, материальным условиям жизни.

Акцент исследователей на выражении мифов в правосознании и формах права позволяет использовать для их изучения *функциональный анализ*, разработанный в рамках направления социологической юриспруденции: выявления утверждений о кодифицированном законе, которые не соответствуют действительности и лишены реальных последствий для правовой системы [24, р. 809].

Предмет исследования ограничен кодификацией гражданского права, поскольку именно она определила стиль и теорию отраслевой кодификации романо-германской правовой семьи (*civil law* в англоязычной компаративистике). Акцент сделан на двух великих кодексах: Гражданском кодексе Франции 1804 г. (далее – ФГК) и Германском гражданском уложении 1896 г. (далее – ГГУ), которые не только явились основой национального гражданского законодательства, но и во многом определили теорию отраслевой кодификации в Европе, а также стали наиболее успешными «экспортными» моделями в незападных юрисдикциях во многом благодаря трем мифам, рассмотренным далее.

1. Мифы отраслевой кодификации

1.1. «Сакральный» авторитет кодексов

Несмотря на декларативный разрыв с правом «(феодалного) старого порядка», с введением кодексов в действие французские юристы XIX в. продолжили средневековую традицию написания комментариев на текст Свода Юстиниана, наделяя его почти сакральным авторитетом писаного разума [15, с. 423]. Хотя в данном случае авторитет, или способность определять поведение субъектов без насилия (по М. Веберу), опирался не на традицию, а на формальную рациональность, первые комментарии отличает абсолютное уважение к ФГК, отождествление права с кодексом, буквализм толкования, отсутствие всякой оригинальности, истории права, философских рассуждений и критики [32, р. 69]. Лишь спустя столетие ученые-правоведы осудили «сакрализацию» кодекса «школой экзегезы», раскрыв, помимо воли законодателя, другие важные источники права и обусловленность правотворчества и правоприменения изменчивым социальным контекстом.

Французский миф об авторитете кодекса сопутствовал введению ФГК в действие в оккупированных войсками Франции странах, где затем на его основе были приняты собственные гражданские кодексы (Нидерланды 1838 г., Италия 1865 г., Португалия 1867 г., Испания 1889 г.). Ведущая роль мифотворцев принадлежала законодателю и юридической школе экзегезы. Все основные юридические трактаты были доступны в оригинале или переведены с французского на национальные языки [26, р. 277].

В германских землях Центральной Европы (за исключением Австрийской империи, принявшей ГК 1811 г.) авторитет кодекса обсуждался (А. Тибо, Ц. фон Лингенталь), но уступил авторитету метафизического «народного духа» (Ф. Савиньи) или самой научной доктрины пандектистов (Г. Пухта, Г. Дернбург, Б. Виндшейд и др.). Последняя претендовала на рациональность закрытой системы норм, но критерием истинности суждений о ней являлась логика и системная целостность правил, а не их укорененность в социальной действительности (чего требовал научный пози-

тивизм О. Конта). В результате декларативный отказ от метафизического обоснования норм права ссылкой на «народный дух» (по Ф. Савиньи) или естественный разум породил «небеса юридических понятий», сатирически изображенные Р. Иерингом в одноименном эссе 1884 года. Однако созданный с опорой на достижения научной доктрины кодекс (ГГУ) быстро подчинил ее своему авторитету, породив «текстуальный позитивизм» (по Ф. Виакеру) питательную среду для иных мифов отраслевой кодификации.

1.2. Полнота и непротиворечивость кодекса

Рефлексируя о причинах следующего мифа кодификации, французский теоретик-цивилист К. Атиас отметил: «мечта сменилась мифом, когда современники Гражданского кодекса поверили в то, что он тождествен гражданскому праву и включает его все целиком» (цит. по: [8, с. 169]). Историк несложно связать истоки данного представления с принятой Юстинианом консолидацией «всех нерушимых установлений нашего государства» (по указу «*Omnes*» 533 г.). Это авторитетное утверждение императора дало средневековым схоластам основание именовать результат «Сводом гражданского права», то есть полным его собранием [6]. В «Ординарной глоссе» XIII в. Ф. Аккурсий утверждал: «в своде права можно найти все (необходимое)», а «наука права включает в самой себе и начало, и цель» (*Glossa ad Inst. 1.1*) (цит. по: [15, с. 122]). Сторонники юснатурализма Нового времени заменили полноту Свода полнотой (беспробельностью) предписаний естественного права, выведенных из верных аксиом (принципов). Например, такова позиция С. Пуфендорфа в трактате «О праве природы и народов в восьми книгах» (1672 г.). В его понимании позитивное право требуется лишь для конкретизации предписаний о формальностях сделок, сроках, видах ответственности и т. п. (цит. по: [31, S. 180]).

Составители проектов кодексов Нового времени перенесли это свойство естественного права на позитивный закон и, как следствие, запретили судьям отказывать в правосудии «под предлогом молчания, темноты или

недостаточности закона» (ст. 4 ФГК) [23, с. 18]. Прочие кодексы XIX в. (за исключением буквально переведенных с французского в период правления Наполеона I) не содержали точно такого же предписания, но подразумевали аналогичный запрет, лишая судью возможности отказать в вынесении решения с мотивировкой, аналогичной *non liquet* (лат. «не следует, не ясно») по римскому праву.

При составлении ФГК презюмируемая (а по сути, мифологизированная) полнота закона достигалась за счет системности законотворчества и ясности языка закона, выражающего в нормах «не искусство логики... а здравые понятия простого отца семейства», как советовал Монтескье в кн. XXIX, гл. XVI своего трактата «О духе законов» [13, с. 546].

Разработчики ГГУ опирались на системное видение права в доктрине профессоропандектистов. Начиная с Г. Пухты они ставили системе права высокую планку логической безупречности и непротиворечивости в мельчайших деталях. Любая правовая концепция должна быть включена в общую систему и не противоречить ей. Тем самым исключается принятая в средневековом римско-каноническом праве диалектическая игра между общим правилом и исключениями, а также принятое во французской доктрине количественное соотношение правила и исключений: правило применяется к большинству случаев, тогда как исключение действует лишь в некоторых особых обстоятельствах. Представление Г. Пухты о системе исключает такое сосуществование правила и исключений, подобно правилу Евклида о сумме углов треугольника, всегда равной 180°. Если действительно выявлено исключение из общего правила, то единственный выход – изменить правило.

Вместе с тем ни элегантно-ясный ФГК, ни профессионально отточенное ГГУ не соответствовали мифу полноты правового регулирования своего предмета. Так, несмотря на все усилия разработчиков, уже первая редакция ФГК содержала двусмысленности и пробелы. В их числе:

- неточное значение термина «вещи» (*choses*) в определении права собственности в ст. 544 (только материальные объекты или же все имущество (*biens*), включая права на вещи?);

- неясные критерии определения незаконности (неправомерности) основания договора (*cause licite*), предусмотренного, но не определенного в ст. 1108, 1131, 1133 (судебная практика Франции так и не установила четких критериев, вплоть до исключения данного условия в ходе реформы ФГК 2016 г.);

- неопределенность понятия вины (*faute*) как одного из условий возмещения вреда за правонарушение по ст. 1382.

ГГУ заслуженно считают более последовательным и точным законом. Но при внимательном рассмотрении можно выявить ряд пробелов. Так, в книге 2 обязательственного права [4] отсутствуют:

- предписания насчет преддоговорной ответственности (хотя концепцию *culpa in contrahendo* обосновал еще Р. Иеринг и после реформы 2002 г. она закреплена в § 311 (2), 241 (2) ГГУ);

- нормы насчет скрытых недостатков товара;

- нормы об изменении договорных обязательств в случае существенного изменения обстоятельств (в условиях гиперинфляции после Первой мировой войны этот пробел суды преодолевали со ссылкой на принцип добрых нравов § 242, пока необходимые нормы не были внесены в § 313 в ходе реформы 2002 г.);

- а также не конкретизирован принцип защиты прав из договора третьих лиц (§ 328);

- в положениях об отдельных видах договоров недостаточно подробны нормы о трудовом договоре, несмотря на важность наемного труда (§ 611 не содержал никаких предписаний о рабочем времени, отпуске, порядке увольнения и т. д.).

Пробелы в ведущих моделях гражданских кодексов Европы «мигрировали» вместе с рецепцией кодексов в других государствах. При этом суды и комментаторы XIX в. воздерживались от критики кодексов не из-за невнимательного прочтения, а скорее из уважения к их авторитету и веры в их полноту. Лишь в конце XIX в. французские юристы признали наличие некоторых пробелов в ФГК и попытались их объяснить изменением экономических и социальных условий после 1804 года.

1.3. Превосходство абстрактных норм кодекса над казуистикой судебной практики

Поиск справедливого решения конфликтов в традиционных обществах почти всегда опирается на конкретику дела (казуса) и опыт рассмотрения аналогичных дел судьями. Этот опыт нашел отражение в казуистичном стиле норм источников права «старого порядка» и ранних кодификациях (от «кодекса» Юстиниана до Прусского земского уложения 1794 г.). Причиной тому относительная неразвитость абстрактного мышления знатоков обычаев и прагматичный опыт римских юристов, которые называли нормы (*regula*) кратким изложением существа аналогичных дел (Павел, D.50.17.1) и предупреждали об опасности опрелделений (Яволена D.50.17.202).

Иной подход сложился в ходе кодификации права Европы Нового времени под влиянием теорий естественного права [28]. «Геометрический стиль» рассуждений о праве подразумевал дедуктивное выведение правил из аксиом разума, с тем чтобы составить из них сборник обобщенных правил, применимых к разрешению казусов по модели категорического силлогизма. Именно такой ход мысли позволял прийти к верному результату в любых науках, как предлагал уже Рене Декарт в «Рассуждениях о методе...» 1637 года. Реализация указанного подхода к правосудию предполагала абстрактный стиль норм закона, формализацию их применения, а также запрет судебного прецедента. Все эти требования выполнены в ходе разработки и введения в действие ФГК.

Создатели проекта ФГК воплотили идеал просветителей, найдя компромисс между «демоном казуистики» первых кодексов и крайней абстрактностью трактатов юснатуралистов. По словам Ж.-Э. Порталиса, «назначением законов является установление, широкими мазками, общих правовых максим; следовательно, необходимо определить плодотворные принципы, не опускаясь до мелких вопросов, могущих возникать по каждому поводу» (цит. по: [8, с. 406]).

Законодатель обязал судей указывать основания (мотивы) своих решений (по Закону от 16–24 августа 1790 г.) и запретил им

выносить решения в виде общего распоряжения (ст. 5 ФГК). В сочетании с мифами авторитета и полноты кодекса это породило представление о крайне формальном применении закона путем решения категорического силлогизма, что и выразил краткий стиль решений Кассационного суда Франции с начала XIX и до конца XX в. [12, с. 526].

Школа экзегезы также поддержала миф о судьях – служителях закона («говорящих устах закона», по Монтескье) вместо мифа о судьях – «оракулах права» при «старом порядке». Миф о превосходстве правосудия на основе кодифицированных норм получил распространение в Европе вместе с ФГК. В Германии его поддержала доктрина профессоропандектистов, которые в XIX в. развили представление о системности права, особых приемах его толкования (герменевтики) и применения (алгоритм *Subsumption*). Учение о применении права как дедуктивной (силлогистической) модели превращения общих норм закона в судебные решения, определяющие права и обязанности сторон, создал и объявил важной частью теории частного права Ф. Савиньи [19, т. 4, с. 157]. В его основу положена важная для пандектистов презумпция полноты и непротиворечивости системы права, которую доктрина поддерживала путем толкования явного и скрытого содержания закона [5, с. 87].

Судьям же надлежало «относиться с почтением» к закону и запрещалось «наполнять» текст закона собственным смыслом, ведь пытаться улучшить закон – значит ставить себя выше законодателя [19, т. 1, с. 408]. Концептуальное обоснование подкреплялось ссылкой на римское право указом 529 г. Юстиниан запретил судьям выносить решения «по примерам (то есть судебным решениям), а не по законам» (Кодекс 7.45.13) [11, с. 179]. Напротив, свойственное английскому праву судебское правотворчество подверглось осуждению, поскольку оно «нелогично и пагубно... препятствует более мудрому последующему решению судьи... и служит потребностям ленивого судьи... Прецедентное право существует там, где нет никакого научного знания или теории, чтобы обогатить и направлять юридическую практику и законодательство» [25, р. 29]. Однако миф о превосходстве абстракт-

тных норм кодекса над казуистикой прецедентов задавал высокий стандарт системной целостности и взаимосвязи всех видов юридической деятельности, которому все сложнее было соответствовать в XX веке [29].

Три рассмотренных мифа содействовали становлению «законоцентричных» национальных правовых систем, а те, в свою очередь, способствовали укреплению сильных национальных государств и развитию индустриальных капиталистических обществ, которые в XIX в. подтолкнули модернизацию одних незападных обществ и колонизовали другие.

2. Мифы кодификации и ее рецепция в ходе модернизации правовых систем

В XIX–XX вв. отраслевая кодификация права стала важным фактором расширения влияния романо-германской правовой семьи в ходе модернизации незападных обществ. Кодексы распространялись в незападном мире не только путем экспансии права европейских метрополий в их колониях, но и при проведении реформ в (полу)зависимых странах, где правящие элиты признавали традиционное право препятствием прогрессивному развитию, а кодифицированное право цивилизованным средством его ускорения. Предметом кодификации чаще всего становились пять-шесть профилирующих отраслей права конституционное, гражданское (иногда с выделением торгового), уголовное и процессуальное. Принятие кодекса по европейской модели влекло за собой обращение к опыту его доктринального толкования и судебного применения, а вместе с тем и заимствование рассмотренных выше мифов кодификации.

Мир иберо-американского права. Не менее половины стран Латинской Америки, несмотря на обретение независимости, в XIX в. кодифицировали свое право по образцу бывших метрополий. В частноправовой сфере они преимущественно опирались на ФГК и подражавший ему ГК Чили 1855 года. Так принятие новых кодексов повлекло за собой рецепцию иностранных комментариев к кодификационным положениям. Это, в свою очередь, обусловило сближение юридического мышления многих латиноамериканских юристов и

судей с их европейскими современниками [30, р. 133–142].

В частности, разработчик ГК Чили 1855 г. Андрес Белло выступал за кодификацию в Чили (и других странах Латинской Америки) в первую очередь для установления правовой определенности, содействия национальному единству и модернизации общества после обретения независимости от Испании. Он считал, что хорошо структурированный и доступный кодекс может заменить сложный и часто противоречивый свод колониального права, способствуя созданию более справедливой и предсказуемой правовой среды [30, р. 137].

Аналогичных взглядов придерживался разработчик ГК Аргентины 1869 г. профессор Далмасио Велес Сарсфилд. С его подачи ст. 22 ГК предусматривала: «То, что прямо или косвенно не указано в какой-либо статье настоящего Кодекса, не может иметь силу закона в гражданском праве, даже если такое положение ранее действовало либо в силу общего закона, либо в силу специального закона» [27, р. 151]. При этом кодекс в XIX в. носил скорее символическое значение для аграрного общества с уровнем грамотности не выше 20 %.

На исламском Ближнем Востоке кодекс как форма права считался чуждым шариату вплоть до реформ Танзимата в Османской империи, частью которых стала масштабная кодификация торгового, уголовного, процессуального права, в основном по французскому образцу. Своеобразием отличался свод предписаний (Маджалла) обязательственного и процессуального права 1876 г.: по форме он соответствовал отраслевому кодексу, но по содержанию обобщал исламское право (фикх).

Маджалла ввел в исламское право миф авторитетного кодекса для светских судов и обобщающий стиль правовых норм (правил, дефиниций, принципов), выведенных из казуистики ведущих юристов Ханафитской школы специалистами Высшего судебного совета. На выражение в кодексе стандартов цивилизованного права указывал руководитель кодификационной комиссии в 1860–1876 гг. Ахмед Джевдет-паша: «Как известно Вашему Высочеству, та часть шариата, которая касает-

ся мирских вопросов, делится на три категории: вопросы брака и семьи, сделки в целом и уголовное право. Право всех цивилизованных народов подтвердило эти три раздела, из которых посвященный сделкам называется гражданским правом» (цит. по: [16, с. 576]). Однако в отличие от ФГК Маджалла не претендовал на полноту регулирования и формализм применения. Он не регулировал семейные и наследственные отношения, а также допускал толкование норм по методу предпочтения (*истихсан*) лучшего решения с учетом мнения знатоков шариата.

Указанный прием позволил обосновать соответствие шариату кодексов в других исламских странах. Так, мусульманские правоведы (факихи) университета Аль-Азхар пришли к заключению, что большинство норм ГК Египта 1883 г., следующего ФГК, в той или иной форме уже зафиксированы различными толками фикха, не противоречат императивным положениям шариата и отвечают общим интересам мусульман [21, с. 112].

В Восточной Азии эру кодификации открыли буржуазные реформы Мэйдзи последней трети XIX в., в ходе которых правительство реализовало программу принятия пяти кодексов, подготовленных на основе сравнительного изучения законов ведущих европейских стран. Разработка и принятие ГК 1896 г. не обошлись без дискуссий о совместимости индивидуализма норм частного права с «азиатскими ценностями» (почтительности к родителям и властям, моральных обязанностей *гири* индивида перед группой), но это не мешало мифологизации кодекса. Один из разработчиков проекта профессор гражданского права университета Токио Нобушигэ Ходзуми в начале XX в. доказывал, что японское право стало частью романо-германской правовой семьи [16, с. 379].

Японский опыт кодификации восприняли правительства поздней империи Цин (без особых успехов), Китайской республики (ГК 1929–1931 г.) и единственного независимого королевства Юго-Восточной Азии – Сиам (Таиланд, ГК 1925 г.). Историки обоснованно ставят вопрос о значительном расхождении «права в кодексе» и «права в жизни» с учетом особого контекста (Юго-Восточной Азии). Но оно не влияло на обращение к мифам кодификации.

Даже в Британской Индии введение прямого правления короны по Акту об управлении Индией 1858 г. ознаменовалось принятием серии консолидированных актов и Уголовного кодекса 1860 г., которые превратили англо-индусское право, по мнению современников, в «(упорядоченный) космос» по сравнению с «хаосом» прецедентного права метрополии. При этом специфика юридической техники кодификации (консолидации) не исключала общности мифов авторитета и полноты консолидированных актов, которые позволяли всего за несколько часов прочтения получить весьма полное и точное представление о позитивном праве [22, с. 22].

Обретя независимость во второй половине XX в., большинство стран европейских метрополий сохранили и реформировали кодексы вместо возврата к доколониальному традиционному праву.

Даже в социалистических странах, несмотря на идеологический разрыв с буржуазным правом, народные правительства активно использовали форму кодификации. Силь во многом определили кодификации Советской России первой волны в 1920-е гг., затем в 1950-е. Советская теория права в 1960-е гг. провела четкое различие между формами систематизации права. С.Н. Братусь четко назвал кодификацию «сам(ой) высш(ей) форм(ой) систематизации, поскольку кодекс – единственный нормативный акт (закон), построенный по определенной системе и регулирующий либо всю совокупность однородных общественных отношений, то есть определенный их вид, либо по крайней мере основную, важнейшую часть таких отношений» [18, с. 3]. Мифы авторитета и полноты кодекса, по признанию В.В. Лазарева, препятствовали доктринальному обсуждению пробелов в советском праве [17, с. 429].

По примеру РСФСР кодексы принимали или реформировали как республики Союза ССР, так и государства социалистической ориентации. В народных демократиях Восточной Европы модель советской кодификации наложилась на «буржуазную» благодаря общности трех рассмотренных мифов.

КНР, напротив, отличалась поздней кодификацией права. Первые кодексы были приняты лишь в период реформ Дэн Сяопина (на-

чая с УК и УПК 1979 г.). Причиной тому сомнения руководства КНР в целесообразности управления страной на основе принципа законности. Мао Цзэдун не без оснований связывал с законностью и рационально-легальной легитимностью рост бюрократии и ослабление революционного порыва. В конце XX в. реформаторы сделали ставку на консолидацию гражданского права [1, с 422].

Лишь политический курс на завершение строительства социалистической правовой системы с китайской спецификой открыл дорогу принятию ГК в 2020 году. Председатель КНР Си Цзиньпин в докладе 15 июня 2020 г. приветствовал принятие ГК КНР как «крупное достижение в развитии социалистического верховенства закона в новую эпоху» и важную веху, которая «систематически интегрирует гражданско-правовые нормы, разработанные на основе многолетней практики в течение более чем 70 лет [строительства] Нового Китая» [27, р. 202].

Столь высокая оценка отраслевого кодекса в XXI в. благоприятствует мифологизации его достоинств учеными и практиками, но уже не выглядит бесспорной с учетом западноевропейского опыта неизбежной декодификации права и более реалистичного взгляда правоведов на порожденные кодификацией мифы или иллюзии в XX веке.

Продолжение следует...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван, Чжихуа. Революции и кодификация китайского гражданского законодательства / Чжихуа Ван // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3. – С. 422–432. – DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.311>
2. Вебер, М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 3. Право / М. Вебер. – М. : ИД ВШЭ, 2018. – 331 с.
3. Гарсиа-Гарридо, М. Х. Римское частное право / М. Х. Гарсиа-Гарридо. – М. : Статут, 2005. – 812 с.
4. Германское право: Гражданское уложение. Ч. 1 / науч. ред. В. В. Залесский. – М. : МЦФЭР, 1996. – 552 с.
5. Дернбург, Г. Пандекты / Г. Дернбург. – М. : Унив. тип., 1906. – Т. 1. – 481 с.
6. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2005. – Т. 7, полут. 2, кн. 48–50. – 564 с.
7. Исаев, И. А. Мифологемы закона: право и литература / И. А. Исаев. – М. : Проспект, 2016. – 303 с.
8. Кабрияк, Р. Кодификации / Р. Кабрияк. – М. : Статут, 2007. – 474 с.
9. Кессиди, Ф. Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии / Ф. Х. Кессиди. – 2-е изд. – СПб. : Алетей, 2003. – 360 с.
10. Кодан, С. В. Акты систематизации законодательства: юридическая природа и место в системе источников российского права / С. В. Кодан // Антиномии. – 2008. – № 8. – С. 385–401.
11. Кодекс Юстиниана: пер. с лат. / отв. ред. А. В. Копылов. – М. : Статут, 2022. – 278 с.
12. Леже, Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Р. Леже. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 529 с.
13. Монтескье, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. – М. : РИПОЛ, 2019. – 690 с.
14. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / науч. ред. В. С. Степин [и др.]. М. : Мысль, 2001. – Т. 2. – 636 с. ; Т. 3. – 694 с.
15. Полдников, Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права : учебник. В 2 т. Т. 1. Правовые традиции Древности и Средневековья / Д. Ю. Полдников. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 544 с.
16. Полдников, Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права : учебник. В 2 т. Т. 2. Современные правовые традиции. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 624 с.
17. Проблемы общей теории права и государства : учебник / под ред. В. С. Нерсисянца. – М. : Норма, 2005. – 814 с.
18. Развитие кодификации советского законодательства / науч. ред. С. Н. Братусь, К. П. Горшенев, П. Ф. Елисейкин. – М. : Юрид. лит., 1968. – 247 с.
19. Савиньи, Ф. К. фон. Система современного римского права. В 8 т. Т. 4 / Ф. К. фон Савиньи. М. : Статут, 2016. 480 с.
20. Скоробогатов, А. В. Правовой миф как ценностная основа правовой реальности России / А. В. Скоробогатов, А. В. Краснов // Российский журнал правовых исследований. – 2019. – Т. 6, № 4 (21). – С. 75–87. – DOI: 10.17816/RJLS19096
21. Сюкияйнен, Л. Р. Исламское право и диалог культур в современном мире / Л. Р. Сюкияйнен. – М. : ИД ВШЭ, 2021. – 684 с.
22. Трикоз, Е. Н. Сравнительное уголовное право (Индия) : учеб. пособие / Е. Н. Трикоз. – М. : Юрайт, 2020. – 178 с.
23. Французский гражданский кодекс 1804 г. С позднейшими изменениями до 1939 г. – М. : НКЮ СССР, 1941. – 471 с.

24. Cohen, F. S. Transcendental Nonsense and the Functional Approach / F. S. Cohen // Columbia Law Review. – 1935. – Iss. 35 (6). – P. 809–827.
25. Engelmann, W. Die Wiedergeburt der Rechtskultur in Italien durch die wissenschaftliche Lehre / W. Engelmann. – Leipzig : Koehler, 1938. – 585 S.
26. Gambaro, A. Le droit de l'Occident et d'ailleurs / A. Gambaro, R. Sacco, L. Vogel. – Paris : LGDJ, 2011. – 455 p.
27. The Making of the Civil Codes: A Twenty-First Century Perspective / ed. by M. Graziadei, L. Zhang. – Singapore : Springer Nature, 2022. – 412 p.
28. Halpérin, J.-L. Five Legal Revolutions Since the 17th Century: An Analysis of a Global Legal History / J.-L. Halpérin. – Cham : Springer, 2014. – 294 p.
29. Irti, N. L'età della decodificazione venti anni dopo / N. Irti. – 4th ed. – Milan : Giuffrè, 1998. – 220 p.
30. Mirow, M. C. Latin American Law: A History of Private Law and Institutions in Spanish America / M. C. Mirow. – University of Texas Press, 2004. – 343 p.
31. Schröder, J. Recht als Wissenschaft / J. Schröder. – Dritte Auflage. – Munich : CH BECK, 2020. – Bd. 1. – 512 S.
32. Van Caenegem, R. C. European Law in the Past and the Future: Unity and Diversity over Two Millennia / R. C. Van Caenegem. – Cambridge University Press, 2002. – 175 p.
33. Wieacker, F. A History of Private Law in Europe: with Particular Reference to Germany / F. Wieacker, T. Weir, R. Zimmermann. – Oxford University Press, 1996. – 509 p.

REFERENCES

1. Wang Zhihua. Revolyutsii i kodifikatsiya kitajskogo grazhdanskogo zakonodatelstva [Revolutions and Codification of Chinese Civil Legislation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 2018, no. 3, pp. 422–432. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2018.311>
2. Veber M. *Khozyajstvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchej sotsiologii. V 4 t. T. 3. Pravo* [Economy and Society. Essays on Understanding Sociology. In 4 Vols. Vol. 3. Law]. Moscow, ID VShE, 2018. 331 p.
3. Garcia-Garrido M.Kh. *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow, Statut Publ., 2005. 812 p.
4. Zalesskiy V.V., ed. *Germanskoe pravo: Grazhdanskoe ulozhenie. Ch. 1* [German Law: Civil Code. Pt. 1]. Moscow, MTsFER, 1996. 552 p.
5. Dernburg G. *Pandekty* [Pandects], vol. 1. Moscow, Univ. tip., 1906. 481 p.
6. Kofanov L.L., ed. *Digesty Justiniana* [Digest of Justinian]. Moscow, Statut Publ., 2005, vol. 7, half-vol. 2, books 48–50. 564 p.

7. Isaev I.A. *Mifologemy zakona: pravo i literatura* [Mythologems of Law: Law and Literature]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 303 p.
8. Kabriyak R. *Kodifikatsii* [Codifications]. Moscow, Statut Publ., 2007. 474 p.
9. Kessidi F.Kh. *Ot mifa k logosu. Stanovlenie grecheskoj filosofii* [From Myth to Logos. The Formation of Greek Philosophy]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2003. 360 p.
10. Kodan S.V. Akty sistematizatsii zakonodatelstva: yuridicheskaya priroda i mesto v sisteme istochnikov rossijskogo prava [Acts of Systematization of Legislation: Legal Nature and Place in the System of Sources of Russian Law]. *Antinomii*, 2008, no. 8, pp. 385–401.
11. Kopylov A.V., ed. *Kodeks Justiniana: per. s lat.* [Code of Justinian: Trans. from Latin]. Moscow, Statut Publ., 2022. 278 p.
12. Lezhe R. *Velikie pravovye sistemy sovremennosti: sravnitelno-pravovoj podkhod* [Great Legal Systems of Modernity: A Comparative Law Approach]. Moscow, Volters Kluver, 2011. 529 p.
13. Monteskiye Sh.L. *O dukhe zakonov* [The Spirit of the Laws]. Moscow, RIPOL Publ., 2019. 690 p.
14. Stepin V.S. et al., eds. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Philosophical Encyclopedia. In 4 Vols.]. Moscow, Mysl Publ., 2001, vol. 2. 636 p.; vol. 3. 694 p.
15. Poldnikov D.Yu. *Sravnitel'naya istoriya zarubezhnogo prava: uchebnik. V 2 t. T. 1. Pravovye traditsii Drevnosti i Srednevekovya* [Comparative History of Foreign Law. Textbook. In 2 Vols. Vol. 1. Legal Traditions of Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2023. 544 p.
16. Poldnikov D.Yu. *Sravnitel'naya istoriya zarubezhnogo prava: uchebnik. V 2 t. T. 2. Sovremennye pravovye traditsii* [Comparative History of Foreign Law. Textbook. In 2 Vols. Vol. 2. Modern Legal Traditions]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2024. 624 p.
17. Nersesyants V.S., ed. *Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva: uchebnik* [Problems of General Theory of Law and State. Textbook]. Moscow, Norma Publ., 2005. 814 p.
18. Bratus S.N., Gorshenin K.P., Yeliseykin P.F., eds. *Razvitie kodifikatsii sovetskogo zakonodatelstva* [Development of Codification of Soviet Legislation]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1968. 247 p.
19. Savinyi F.K. fon. *Sistema sovremennogo rimskogo prava. V 8 t. T. 4* [System of Modern Roman Law. In 8 Vols. Vol. 4]. Moscow, Statut Publ., 2016. 480 p.
20. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. *Pravovoj mifik tsennostnaya osnova pravovoj realnosti Rossii* [Legal Myth as a Value Basis of the Legal Reality]

of Russia]. *Rossiiskij zhurnal pravovykh issledovanij*, 2019, vol. 6, no. 4 (21), pp. 75-87. DOI: 10.17816/RJLS19096

21. Syukiyaynen L.R. *Islamskoe pravo i dialog kultur v sovremennom mire* [Islamic Law and Dialogue of Cultures in the Modern World]. Moscow, ID VShE, 2021. 684 p.

22. Trikoz E.N. *Sravnitelnoe ugovnoe pravo (Indiya): ucheb. posobie* [Comparative Criminal Law (India). Textbook]. Moscow, Yurajt Publ., 2020. 178 p.

23. *Frantsuzskij grazhdanskij kodeks 1804 goda. Spozdnejshimi izmeneniyami do 1939 g.* [French Civil Code of 1804. With Later Amendments Until 1939]. Moscow, NKYu SSSR, 1941. 471 p.

24. Cohen F.S. Transcendental Nonsense and the Functional Approach. *Columbia Law Review*, 1935, iss. 35 (6), pp. 809-827.

25. Engelmann W. *Die Wiedergeburt der Rechtskultur in Italien durch die wissenschaftliche Lehre*. Leipzig, Koehler, 1938. 585 S.

26. Gambaro A., Sacco R., Vogel L. *Le droit de l'Occident et d'ailleurs*. Paris, LGDJ, 2011. 455 p.

27. Graziadei M., Zhang L., eds. *The Making of the Civil Codes: A Twenty-First Century Perspective*. Singapore, Springer Nature, 2022. 412 p.

28. Halpérin J.-L. *Five Legal Revolutions Since the 17th Century: An Analysis of a Global Legal History*. Cham, Springer, 2014. 294 p.

29. Irti N. *L'eta della decodificazione venti anni dopo*. Milan, Giuffrè, 1998. 220 p.

30. Mirow M.C. *Latin American Law: A History of Private Law and Institutions in Spanish America*. University of Texas Press, 2004. 343 p.

31. Schröder J. *Recht als Wissenschaft*. Dritte Auflage. Munich, CHBECK, 2020, Bd. 1. 512 S.

32. Van Caenegem R.C. *European Law in the Past and the Future: Unity and Diversity over Two Millennia*. Cambridge University Press, 2002. 175 p.

33. Wieacker F., Weir T., Zimmermann R. *A History of Private Law in Europe: With Particular Reference to Germany*. Oxford University Press, 1996. 509 p.

Information About the Author

Dmitry Yu. Poldnikov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Professor, Department of Legal Theory and Comparative Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, poldnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2872-4540>

Информация об авторе

Дмитрий Юрьевич Полдников, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, poldnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2872-4540>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.2>

UDC 340.12

LBC 67.1(0)6

Submitted: 02.04.2025

Accepted: 04.07.2025

FROM “SMART REGULATION” TO “SMART LAW ENFORCEMENT”: WHAT PREVENTS CONCEPTUAL TRANSFORMATION?

Vladimir V. Slezhnikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: although the concepts of “high-quality (“smart,” “better”) law enforcement” have been introduced into academic discourse, their conceptual development has progressed much more slowly compared to the related idea of “high-quality regulation.” Analyzing the factors that hinder the advancement of this theoretical field is of significant scientific interest, given the novelty and contentious nature of these issues, as well as their fragmented treatment in Russian jurisprudence. **Methods:** the methodological framework for the research consists of the general scientific, dialectical, formal legal, historical and comparative law, logical-syntactic, and semantic methods of cognition, as well as the methods of cause-effect analysis, forecasting, synthesis, and analysis. **Results:** the study describes the main ideas of “high-quality law enforcement,” shows the features of their formation in various legal systems, and analyzes the problems of conceptualization. The paper substantiates the **conclusions** regarding the relationship of new approaches to regulation with the development of both “classical” law enforcement and alternative dispute resolution tools, as well as possible prospects for relevant processes.

Key words: “smart regulation”, best regulation, law enforcement, “smart law enforcement”, best solution.

Citation. Slezhnikov V.V. From “Smart Regulation” to “Smart Law Enforcement”: What Prevents Conceptual Transformation? *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 17-22. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.2>

УДК 340.12

ББК 67.1(0)6

Дата поступления статьи: 02.04.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

ОТ «УМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ» К «УМНОМУ ПРАВОПРИМЕНЕНИЮ»: ЧТО ПРЕПЯТСТВУЕТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ?

Владимир Владимирович Слеженков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: несмотря на введение в зарубежный научный оборот в последние годы идей «качественного (“умного”, “лучшего”) правоприменения», их концептуализация, в особенности с процессуальной точки зрения, осуществляется существенно медленнее в сравнении с сопутствующими идеями «качественного регулирования», уже достаточно широко известными в нашей стране. Анализ различных факторов, препятствующих современному развитию соответствующего направления теоретической мысли, представляет значительный научный интерес в силу новизны и дискуссионного характера соответствующей проблематики, ее междисциплинарности, а также фрагментарности освещения в российской юриспруденции. **Методы:** методологическую основу исследования составляют общенаучный диалектический, формально-юридический, историко- и сравнительно-правовой, логико-синтаксический, семантический методы познания, а также методы причинно-следственного анализа, прогнозирования, синтеза и анализа. **Результаты:** в исследовании рассмотрены и охарактеризованы основные идеи «качественного правоприменения», показаны особенности их становления в различных правовых системах, проанализированы современные проблемы концептуализации и соотношения со сложившимися правоприменительными подходами, проиллюстрирована специфика практической реализации. Автором подчеркивается взаимосвязь рассматриваемых концептов с исследованиями пределов эффективности традиционных правоприменительных моделей. В статье обосновываются **выводы** относительно взаимосвязи новых подходов к регуляторике и правоприменительной деятельности.

сти как с трансформацией «классического» правоприменения, так и с расширением системы альтернативных средств разрешения споров, а также с технологическим прогрессом. По итогам исследования также прогнозируются возможные перспективы развития соответствующих процессов.

Ключевые слова: «умное регулирование», лучшее регулирование, правоприменение, «умное правоприменение», лучшее решение.

Цитирование. Слеженков В. В. От «умного регулирования» к «умному правоприменению»: что препятствует концептуальной трансформации? // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 17–22. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.2>

Введение

Развитие и утверждение в правовой доктрине в последние десятилетия идей «качественного»¹ («умного», «лучшего», «ответственного» и т. д.) регулирования со временем с необходимостью должно было повлечь осмысление специфики сопутствующего изменения правоприменительной деятельности. Вместе с тем, несмотря на постепенное появление новой терминологии («умное правоприменение», «лучшее [судебное] решение»), до настоящего момента в рассматриваемой сфере наблюдается определенное «запаздывание» развития теоретической мысли, имеют место лишь фрагментарные попытки ее концептуализации. В отечественной юриспруденции указанные вопросы только начинают получать освещение, хотя законодательству известен ряд правовых средств, которые могут быть ассоциированы с «умным правоприменением». При этом отмеченные сложности универсальны: они наблюдаются и в континентально-европейской, и в англо-американской правовой традиции, отмеченной исторически приоритетной разработкой «умного регулирования», несмотря на присущие ей прагматизм и практико-процессуальную ориентированность. Таким образом, актуальность обращения к данной тематике предопределена ее теоретической новизной и очевидным проблемным характером вкпе с наличием значительного потенциала для развития соответствующих идей.

Социально-правовой контекст генезиса идей качественной регуляtorики и концептуальные рамки их развития

Специфика развития и трансформации идей «умного регулирования» в значительной мере опосредована обстоятельствами их воз-

никновения. Как известно, генезис данных взглядов связан с американским теоретическим дискурсом, последующее распространение они получили прежде всего в системе общего права, а за ее рамками – в государствах, отличающихся своеобразием правового развития, в том числе ориентиром последнего на эксперименты (скандинавские страны, Нидерланды). Это предопределило такие особенности «умного регулирования», как междисциплинарная природа, деэтикетский характер, прагматизм, сравнительная аксиологическая амбивалентность, что, в свою очередь, обусловило проблематику сопряжения со сложившимися в континентально-европейской традиции идеями и практиками социально-правовой государственности [2, с. 11–12]. Аналогичная линия развития характерна и для идей «умного правоприменения» (так, предтечей риск-ориентированных подходов считаются разработки 80-х гг. XX в. американских авторов Б. Бардаха и К. Кагана [5, р. 102]). В результате «умное регулирование» в определяющей мере складывалось по отчасти экспериментальной линии применения конкретных методик, имеющих непосредственный правоприменительный эффект (анализ «затраты-выгоды» в американской практике [9], оценка регулирующего и фактического воздействия в европейской, риск-ориентированный подход, таргетирование в обеих). Тем самым в исследованиях «умного регулирования» делается акцент не столько на возможность оптимизации правоприменения с учетом нового, сколько на специфику позиций практики, связанных с оценкой соответствующих средств (в данном разрезе приходится говорить не о формировании на базе их применения новых регулятивных методов, а о комбинаторике имеющихся). В этой связи целостная теоретическая модель, сочетающая все аспекты «умной» реализации права с новыми подходами к ре-

гулированию, в настоящее время еще не сложились; в практической же плоскости одной из иллюстраций такого положения выступает явный дисбаланс между материальными и процессуальными аспектами «умной» регуляторики.

Основные концепты «качественного правоприменения»

Генезис идей «умного правоприменения» (*smart enforcement*) связывается не только с концептуализацией «умного регулирования» (1998 г.), но и с результатами ряда исследований, доказывающих пределы эффективности традиционных правоприменительных моделей: «сдерживания» / «устрашения» (*deterrence model*) и «сотрудничества» / «соисполнения» (*cooperative enforcement*). Обобщенно проблематика применения первой из названных моделей может заключаться в отсутствии целенаправленности и необоснованности принуждения, способствующих развитию своего рода «культуры сопротивления регулированию»; кроме того, данная практика ведет к необоснованным затратам ресурсов и не учитывает специфику непреднамеренных правонарушений, например, в силу дефицита информации, сложности ориентирования в динамично меняющемся нормативном материале и правоприменительной практике. В свою очередь, контрпродуктивность второй модели (проблематизированная позже), как правило, опосредуется различиями между субъектами правоотношений, в частности наличием у крупных компаний ряда возможностей «обхода» установленных норм (так, соавтор концепции «умного регулирования» Н. Ганнингем оперирует термином «согласованное несоблюдение» (цит. по: [5, р. 83])). Более того, речь идет не только о недостаточной эффективности отдельной практики, но и о возможных пределах действенности комплексного использования приведенных правоприменительных подходов (например, сочетания командно-контрольных и экономических инструментов [1, с. 41]).

Соответственно, «умное правоприменение», как отмечают Ф. Блан и М. Форэ, предполагает такие особенности, как ориентир на мотивирование соблюдения регулятивных тре-

бований субъектами правоотношений, учет их информированности, «процедурной справедливости», рационализации затрат и выгод всех участников правоприменительного процесса [4, р. 1408]. Центральное значение в данном контексте приобретают категории риска (пропорциональность которого коррелирует с оценкой «разумности» правоприменительных мер) и таргетинга (выбор правоприменительной стратегии в зависимости от комплекса факторов, позволяющих дифференцировать различные целевые группы регулируемого сообщества, как рискованных, так и связанных с результатами деятельности подконтрольных субъектов). Такой подход предполагает анализ тех сфер, где нарушения будут наиболее серьезными, и, следовательно, можно получить наибольшую выгоду от мониторинга и инспекций. Рассмотренные идеи в последние годы формализуются как в ряде национальных юрисдикций, так и на международном уровне (примечательным примером выступают, в частности, документы ОЭСР [10]).

Идеи «лучшего (судебного) решения» (*better adjudication*), развиваемые с конца 2010-х гг., со своей стороны, в большей мере отражают практико-процессуальные аспекты и проблематику «качественного правоприменения» (в отношении которых, как уже отмечалось, наблюдается сравнительно более медленное развитие нормативной базы).

Использование указанного концепта исходно связано с обобщениями судебной практики наднационального уровня (Суда ЕС). Это обуславливает и особенности терминологии: в нормотворчестве ЕС «умное регулирование» характеризуется как своего рода ребрендинг «лучшего» [6]. Примечательно, что авторы приведенного термина Ю. Новаг и К. Груссо отмечают взаимосвязь «лучшего регулирования» и «лучшего решения» в ракурсе желаемого, подчеркивая проблемы формирования соответствующей практики в свете сложившихся институциональных и функциональных критериев баланса властей [9]. Применение рассматриваемого концепта связано с анализом отдельных аспектов «умного регулирования», прежде всего оценки регулирующего воздействия в контексте (для ЕС) принципов пропорциональности, субсидиарности, верховенства права. Однако подобная практика

имеет тенденции к расширению – так, в деятельности Суда ЕС последних лет возникли прецеденты применения критериев такой оценки не только в отношении подзаконных, но и законодательных актов: характерны упомянутые теми же авторами термины «процессуализация субсидиарности» и «состязательная законность» (*adversarial legalism*).

Иные (неконцептуализированные) идеи. В разрезе национальных практик «лучшего решения» особо стоит выделить разработки германского ученого У. Карпена. Исследователь отмечает, что Конституционный Суд Германии в своей практике сформулировал ряд критериев для оценки законодательных актов не только на предмет соответствия конституции, но и с позиций содержательных предпосылок «лучшего регулирования»: юридическую рациональность; прозрачность процедуры и результатов; соответствие законодательства текущим реалиям (что опосредует обязанность законодателя эффективно контролировать соответствующий корпус актов) [3, с. 84]. Тем самым суд участвует в процессе разработки законодательных актов как «квазизаконодательное учреждение» (далее же соответствующие правовые положения будут наполняться более конкретным содержанием в общей судебной практике) [7].

Наконец, еще одной знаковой тенденцией в данном контексте выступает развитие альтернативных средств разрешения споров (в широком смысле речь идет и о применении новых технических средств и процедур). Хотя соответствующие идеи не концептуализированы, подобные практики также дискуссионно рассматриваются в оптике «качественного регулирования / правоприменения»: например, видится уместным указать на их совместимость с расширенной трактовкой «умного регулирования» как всех исходящих прямо или косвенно от государства или иных общественных структур мер социального контроля и измерения поведения [8, р. 79].

Проблемы развития идей «качественного правоприменения»

Характеризуя сложности развития концептов «качественного правоприменения», следует подчеркнуть наличие ряда не вполне

очевидных, на первый взгляд, препятствий к их универсализации. Так, помимо указанной выше специфики исходного формирования данных идей (и качественной регуляtorики вообще) в реалиях системы общего права (что до настоящего времени предопределяет некоторый дисбаланс внедрения практик «умного правоприменения», например, в Великобритании и континентально-европейских странах), стоит отметить, что в отдельных правовых традициях риск-ориентированные подходы считаются создающими нормативные конфликты (например, с идеей управления, основанного на безопасности, а не на риске, во Франции или в разрезе соблюдения конституционных принципов в Германии [11]; необходимо упомянуть и о различиях сложившихся в тех или иных государствах моделей правоприменительной дискреции). Таким образом, можно говорить о трудностях интеграции новых моделей правоприменения в социально- и политико-правовой контекст не только с позиций правовых систем, но и на национальном уровне (очевидно, этим объясняется и опережающее развитие вышеуказанных практик в наднациональном аспекте, где подобные ограничения отсутствуют).

Другой комплекс проблем касается критического осмысления новых идей, свидетельствующего о том, что они не могут рассматриваться в качестве безусловной альтернативы «классическим», а требуют использования в сочетании с последними. В частности, отдельными авторами отмечается ограничение «умного правоприменения» вследствие существенной составляющей вероятностных расчетов, тогда как регуляторы часто имеют дело с неопределенностью. С этим связан риск так называемой модельной близорукости (*model myopia*) [5, р. 101]: склонности игнорировать более низкие уровни риска, которые, будучи распространенными, могут включать кумулятивные опасности.

Наконец, необходимо подчеркнуть и взаимосвязь соответствующих проблем с исходными ограничениями, характеризующими эффективность правоприменения вообще, в свете чего стоит упомянуть сложности систематизации «провалов» нерыночных институтов, регламентации нетипичного правоприменения, определения пределов правоприменительной

дискреции, сравнительное «запаздывание» развития правоприменительных техники и технологий в сравнении с правотворческими и т. д. В результате имеет место и методологическая проблематика «качественного регулирования / правоприменения»: в настоящее время уместно говорить о наличии новых правовых средств, вариативности их сочетания друг с другом и с «классическими» средствами (гибридизации), но не о формировании каких-либо новых методов.

Выводы

Идеи «качественного правоприменения», теоретические предпосылки которых восходят еще к началу 80-х гг. XX в. как попытка преодолеть пределы эффективности традиционных правоприменительных моделей («сдерживания» / «устрашения» и «сотрудничества» / «соисполнения»), в последние годы концептуализируются по двум основным направлениям: «умное правоприменение» и «лучшее [судебное] решение»; прочие разработки в данной сфере фокусируются на уровне национальных моделей либо применительно к новым технологиям альтернативного разрешения споров. В данной сфере множатся примеры как международных и наднациональных (в частности, ОЭСР, ЕС), так и внутригосударственных практик, связанных и с формулированием новых стандартов оценки «классического» регулирования, и с формированием позиций, иллюстрирующих переход практик «умного регулирования» в правоприменительную плоскость. При этом «умные» аспекты могут относиться к различным моментам в цепочке исполнения, что опосредует преимущественно проактивный, а не реактивный характер правоприменения, нацеленность последнего не только на поиск нарушений, но и на более эффективное решение социально-правовых проблем. Сложности современного развития концептов «качественного правоприменения» прежде всего сопряжены с неоднородностью соответствующих процессов как на уровне национальных юрисдикций, так и по линии материального / процессуального регулирования. В то же время большинство выявленных в данном контексте ограничений касается не исключительно новых концептов, а проблема-

тики правоприменения в принципе, что свидетельствует о необходимости не только разработки новой правоприменительной политики, но и ее соотнесения с более широким контекстом анализа правовых явлений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В силу определенного параллелизма как в теоретическом развитии, так и в контексте формализации ряда рассматриваемых идей (в частности, «умного» и «лучшего» регулирования), распространенности синонимичного использования сопутствующей терминологии, для их обобщенного упоминания в литературе достаточно часто используется термин «качественное регулирование». По аналогии представляется возможным и использование термина «качественное правоприменение» для обобщения имеющихся в данной сфере концептов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зыков, Д. В. Концепция «Smart Regulation» как инструментальная составляющая устойчивого развития / Д. В. Зыков // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 38–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.5>
2. Правовые средства умного регулирования в условиях больших вызовов : монография / под ред. М. Л. Давыдовой. – М. : РУСАЙНС, 2024. – 242 с.
3. Слеженков, В. В. Судебное правоприменение в контексте теории «умного регулирования»: проблемы концептуализации / В. В. Слеженков // *Вестник Евразийской академии административных наук*. – 2023. – № 4 (65). – С. 82–85.
4. Blanc, F. Smart Enforcement in the EU / F. Blanc, M. Faure // *Journal of Risk Research*. – 2020. – № 23 (11). – P. 1405–1423. – DOI: 10.1080/13669877.2019.1673800
5. Blanc, F. Smart Enforcement. Theory and Practice / F. Blanc, M. Faure // *European Journal of Law Reform*. – 2018. – № 20 (4). – P. 78–103. – DOI: 10.5553/EJLR/138723702018020004004
6. European Guide on Standards and Regulation – Better Regulation Through the Use of Voluntary Standards – Guidance for Policy Makers. Ed. 1, 2015-06. – URL: <https://www.cencenelec.eu/media/Guides/CEN-CLC/cenclguide30.pdf>
7. Karpen, U. Regulatory Impact Assessment (RIA) by Independent Bodies / U. Carpen. – URL: <https://www.eca.europa.eu/sites/regulatory-impact-analysis-conference/EN/Documents/Article%20KARPEN.pdf>
8. Kennedy, R. E-regulation and the Rule of Law: Smart Government, Institutional Information

Infrastructures, and Fundamental Values / R. Kennedy // *Information Polity*. – 2016. – Vol. 21. – P. 77–98. – DOI: 10.3233/IP-150368

9. Nowag, J. From Better Regulation to Better Adjudication? Impact Assessment and the Court of Justice's Review / J. Nowag, X. Groussat // *The EU Better Regulation Agenda: a Critical Assessment* / eds. S. Graben, I. Govaere. – Hart Publishing Ltd, 2018. – 185 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3024039

10. OECD Best Practice Principles for Regulatory Policy. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2014/05/regulatory-enforcement-and-inspections_g1g3b1b4/9789264208117-en.pdf

11. Rothstein, H. Risk and the Limits of Governance: Exploring Varied Patterns of Risk-Based Governance Across Europe / H. Rothstein, O. Borraz, M. Huber // *Regulation & Governance*. – 2013. – Vol. 7, № 2. – P. 215–235. – DOI: 10.1111/j.1748-5991.2012.01153.x

REFERENCES

1. Zykov D.V. Konceptiya «Smart Regulation» kak instrumentalnaya sostavlyayushchaya ustojchivogo razvitiya [The Concept of “Smart Regulation” as an Instrumental Component of Sustainable Development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 38–44. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.5>

2. Davydova M.L., ed. *Pravovye sredstva umnogo regulirovaniya v usloviyah bolshih vyzovov: monografiya* [Legal Means of Smart Regulation in the Context of Major Challenges. Monograph]. Moscow, RUSAINS Publ. 242 p.

3. Slezhnikov V.V. Sudebnoe pravoprimenenie v kontekste teorii «umnogo regulirovaniya»: problemy konceptualizatsii [Judicial Enforcement in the Context of the Theory of “Smart Regulation”: Problems of

Conceptualization]. *Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnykh nauk* [Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences], 2023, no. 4 (65), pp. 82–85.

4. Blanc F., Faure M. Smart Enforcement in the EU. *Journal of Risk Research*, 2020, no. 23 (11), pp. 1405–1423. DOI: 10.1080/13669877.2019.1673800

5. Blanc F. Smart Enforcement. Theory and Practice. *European Journal of Law Reform*, 2018, no. 20 (4). pp. 78–103. DOI: 10.5553/EJLR/138723702018020004004

6. *European Guide on Standards and Regulation – Better Regulation Through the Use of Voluntary Standards – Guidance for Policy Makers. Ed. 1, 2015–06*. URL: <https://www.cencenelec.eu/media/Guides/CEN-CLC/cenclguide30.pdf>

7. Karpen U. *Regulatory Impact Assessment (RIA) by Independent Bodies*. URL: <https://www.eca.europa.eu/sites/regulatory-impact-analysis-conference/EN/Documents/Article%20KARPEN.pdf>

8. Kennedy R. E-regulation and the Rule of Law: Smart Government, Institutional Information Infrastructures, and Fundamental Values. *Information Polity*, 2016, vol. 21, pp. 77–98.

9. Nowag J., Groussat X. From Better Regulation to Better Adjudication? Impact Assessment and the Court of Justice's Review. Graben S., Govaere I., eds. *The EU Better Regulation Agenda: A Critical Assessment*. Hart Publishing Ltd, 2018. 185 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3024039

10. OECD Best Practice Principles for Regulatory Policy. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2014/05/regulatory-enforcement-and-inspections_g1g3b1b4/9789264208117-en.pdf

11. Rothstein H., Borraz O., Huber M. Risk and the Limits of Governance: Exploring Varied Patterns of Risk-Based Governance Across Europe. *Regulation & Governance*, 2013, vol. 7, no. 2, pp. 215–235. DOI: 10.1111/j.1748-5991.2012.01153.x

Information About the Author

Vladimir V. Slezhnikov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetskyy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, slezhenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2863-6014>

Информация об авторе

Владимир Владимирович Слеженков, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, Университетский просп., 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, slezhenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2863-6014>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.3>

UDC 340.142

LBC 67.06

Submitted: 30.04.2025

Accepted: 04.07.2025

ATYPICAL SITUATIONS IN THE LAW ENFORCEMENT PROCESS: ISSUES OF LEGAL TECHNIQUE

Lidiya N. Kerdan

Gorodishchensky District Court of the Volgograd region, Gorodishche, Russian Federation

Introduction: atypical situations in law enforcement are currently a common occurrence, with both objective and subjective causes. These causes are connected to the specific nature of normativity or factuality, which influences how particular situations are resolved in the context of the dynamic development of legal relations. At the same time, these situations have not been fully explored in legal doctrine, receiving fragmented and controversial coverage, which also applies to their technical and legal aspects. Given the complex and multidimensional character of modern law enforcement transformation, it appears that legal technique should be focused on filling the gaps in this area. **Methods:** the methodological basis of the study is represented by a set of methods characteristic of modern jurisprudence: general scientific, dialectical, formal legal, comparative legal, logical-syntactic, semantic, forecasting, analysis, and synthesis. **Results:** the study identified the essence of atypical law enforcement, characterized its causes and conditions, and analyzed the technical and legal issues involved in relevant law enforcement situations. The author emphasizes the current challenges of potential quantitative growth, as well as the qualitative uniqueness of atypical law enforcement situations, due to factors such as the revision of classical scientific approaches, the development of technological progress, the increasing role of atypical law enforcement entities, legal experimentation, and the expansion of alternative dispute resolution practices. Based on the results of the study, the author formulates **conclusions** containing technical and legal recommendations for law enforcement practitioners regarding atypical situations. The author emphasizes the importance of ensuring conformity (compatibility) between the techniques and technologies of “classical” and atypical law enforcement, stating that law enforcement discretion remains a decisive factor.

Key words: law enforcement act, law enforcement, legal technique, law enforcement technique, law enforcement technology, atypical situations in law enforcement.

Citation. Kerdan L.N. Atypical Situations in the Law Enforcement Process: Issues of Legal Technique. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 23-27. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.3>

УДК 340.142

ББК 67.06

Дата поступления статьи: 30.04.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

НЕТИПИЧНЫЕ СИТУАЦИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Лидия Николаевна Кердан

Городищенский районный суд Волгоградской области, р. п. Городище, Российская Федерация

Введение: нетипичные ситуации в процессе правоприменения в настоящее время выступают далеко не редким явлением, имеющим как объективные, так и субъективные причины. Речь идет о специфике нормативности либо фактичности, опосредующих, в свою очередь, особенности разрешения конкретных ситуаций в контексте динамики развития правоотношений. В то же время данные ситуации, получающие фрагментарное и дискуссионное освещение, не в полной мере изучены в правовой доктрине, что относится и к их технико-юридической составляющей. С учетом сложных и многоаспектных современных реалий трансформации правоприменения представляется, что юридическая техника должна быть ориентирована на восполнение пробелов в данной сфере. **Методы:** методологическая основа исследования представлена комплексом методов, характерных для современной юриспруденции: общенаучным диалектическим, формаль-

но-юридическим, сравнительно-правовым, логико-синтаксическим, семантическим, прогнозирования, анализа и синтеза. **Результаты:** в рамках проведенного исследования выявлена сущность нетипичного правоприменения, охарактеризованы его причины и условия, проанализирована технико-юридическая проблематика соответствующих правоприменительных ситуаций. Автором акцентировано внимание на современной проблематике возможного количественного роста, а также качественного своеобразие ситуаций нетипичного правоприменения в силу влияния таких факторов, как пересмотр классических научных подходов, развитие технического прогресса, повышение роли нетипичных субъектов правоприменения, правовое экспериментирование, расширение практик альтернативного разрешения споров. По итогам работы автором формулируются **выводы**, содержащие технико-юридические рекомендации для правоприменителей в отношении нетипичных ситуаций. Подчеркивается значимость обеспечения соответствия (совместимости) между техникой и технологией «классического» и нетипичного правоприменения, в свете чего решающим фактором, по мнению автора, остается роль правоприменительной дискреции.

Ключевые слова: правоприменительный акт, правоприменение, юридическая техника, правоприменительная техника, правоприменительная технология, нетипичные ситуации в правоприменении.

Цитирование. Кердан Л. Н. Нетипичные ситуации в правоприменительном процессе: вопросы юридической техники // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 23–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.3>

Введение

Феномен нетипичного правоприменения неизменно сопровождает юридическую практику. В то же время вопросы его исследования получают фрагментарное освещение в науке, в том числе и в плоскости технико-юридической компоненты. Так, в отечественной юриспруденции комплексные исследования данной проблематики правоприменения носят единичный характер [5]; через призму юридической техники в таком контексте рассматриваются, как правило, частные вопросы. Безусловно, это может быть объяснено как сложностями осмысления и систематизации подобной практики, так и преимущественным акцентом разрабатываемых рекомендаций на традиционных, часто распространенных ситуациях, предполагающих нормальный ход реализации правовых норм. В свою очередь, хотя действия правоприменителя в нетипичной ситуации и должны быть совместимы с базовыми процедурами, техниками, алгоритмами, последние не всегда эффективны в специфических условиях. Кроме того, в современных реалиях указанная проблема становится более острой, что предопределено комплексом факторов, опосредующих развитие как правоприменения, так и юридической техники и смежных правовых явлений. Перечисленные обстоятельства обуславливают значимость научного анализа технико-юридической составляющей нетипичных правоприменительных ситуаций.

Понятие, сущность и причины нетипичных ситуаций в правоприменении

Нетипичные правоприменительные ситуации традиционно трактуются в юридической науке как проявление сложности правовой жизни [4, с. 35]. Согласно дефиниции, предлагаемой Н.Н. Вопленко, нетипичное правоприменение «...с точки зрения правовой основы или по своему фактическому составу содержит элементы, отклоняющиеся от идеальной модели правоприменения, и связано с необходимостью затраты дополнительных поисковых усилий при разрешении конкретного дела...» [1, с. 40]. Таким образом, в обобщенном виде речь идет о нескольких компонентах, характеризующих соответствующие ситуации: специфике нормативности либо фактичности, опосредующей, в свою очередь, особенности их разрешения в контексте динамики развития правоотношений.

Подобного рода ситуации могут быть характерны для различных отраслей права: прежде всего гражданского, предпринимательского (что опосредовано характером социально-экономических явлений) и уголовного (ввиду различий обстоятельств совершения конкретных преступлений, невозможности применения аналогии закона). В свою очередь, это предопределяет и специфику правоприменения в рамках соответствующих процессуальных форм. В качестве причин рассматриваемой «нетипичности» в научной ли-

температуре, как правило, выделяются коллизии, пробельность, нестабильность, новизна, смысловая неопределенность нормативного регулирования и практических обобщений, рискованный характер деятельности [5, с. 13–14], наличие казусов и ошибок правоприменителя (данное основание часто рассматривается отдельно [10, с. 332], однако видится возможным отметить, что ошибки могут быть как причинами, так и следствиями нетипичности правоприменительных ситуаций). Таким образом, нетипичность правоприменения предопределяется многообразием и неординарностью жизненных ситуаций в целом.

Технико-юридические аспекты нетипичного правоприменения

Характеризуя проблематику пробельности технико-юридических рекомендаций для нетипичных правоприменительных ситуаций, следует прежде всего подчеркнуть, что правоприменительная техника в целом выступает менее разработанной в сравнении с творческой или правоинтерпретационной, однако в то же время отличается и относительно большим разнообразием средств (безусловно, относительно сложностей правоприменения стоит говорить и о тесной взаимосвязи упомянутых видов юридической техники). Помимо этого, важно отметить, что техника и технологии нетипичного правоприменения, по справедливой оценке И.В. Колесник, могут функционировать только в сочетании с базовыми [3, с. 14]; в данном разрезе важно обеспечивать соответствие или, во всяком случае, «совместимость» между ними. С учетом данных обстоятельств основное внимание в русле рассматриваемой проблематики в науке уделяется вопросам правоприменительной конкретизации [2; 6], связанной, в частности, с использованием технико-юридических конструкций, как имеющих определенную нормативную основу (например, при применении оценочных понятий, проведении аналогии), так и возникающих безотносительно таковой.

В свою очередь, решающим в данном контексте будет усмотрение правоприменителя, степень которого может быть дифференцирована в зависимости как от субъективных (индивидуальный опыт, стиль), так и от объек-

тивных факторов (вид и уровень правоприменительного акта, область правового регулирования и процессуальная форма, деловые обыкновения и т. д.). Например, в отношении технико-юридических особенностей судебных актов показательным примером может выступать существенно большее распространение ссылок на судебную практику в арбитражном процессе (что, однако, не регламентируется и не выступает обязательным элементом каждого решения); иными словами, типичное в рамках одной процессуальной формы может быть нетипичным для другой, но оправданным в конкретной ситуации. В то же время акты нетипичного правоприменения могут отличаться от «типичных» по форме и содержанию; так, не вполне типичными в ряде ситуаций могут выступать акты-действия. В этой связи следует отметить, что в правовой доктрине предпринимаются попытки обоснования и концептуализации так называемого «ситуационного подхода» к правоприменению, предполагающего выработку определенных моделей действий правоприменителя как в стандартных, так и в нетипичных ситуациях, с тем чтобы предотвратить возможные практические проблемы (тогда как в реальности принятию оптимальных решений могут препятствовать процедурные рамки, дефицит времени и т. п.).

Стоит помнить и о том, что средства правоприменительной техники имеют пределы формализации и отличаются специфическим балансом универсальных, нормативных, доктринальных и случайных правил; очевидно, что в нетипичных ситуациях роль последних будет более значимой, хотя сами такие ситуации в целом далеко не случайны, а имеют вполне закономерные причины возникновения.

Юридическая техника в контексте современной трансформации правоприменения

В современных реалиях рассматриваемые нетипичные ситуации, как и правоприменение в целом, испытывают определенные изменения: в частности, возрастает «удельный вес» таких факторов, как действия нетипичных субъектов правоприменения (в развитии практик саморегулирования, сорегулиро-

вания и т. д.), правовой эксперимент, активное использование альтернативных средств разрешения споров, некоторые из которых сложно (а в ряде ситуаций и непродуктивно) формализовать, прежде всего переговоры и медиацию. Развитие правовой системы ставит на повестку дня и вопрос о том, можно ли рассматривать в качестве нетипичного так называемое «качественное» («лучшее», «умное») правоприменение, концептуализация которого пока только складывается, особенно в процессуальной сфере [8, с. 84; 9, с. 15–16; 11]; равным образом сказанное можно отнести и к правоприменению, сопряженному с задействованием новых технических средств и процедур [7]. При этом анализ формирующейся практики применения последних (смарт-контракты, цифровые платформы разрешения споров, онлайн-арбитраж и т. д.) свидетельствует, что данную деятельность невозможно в полной мере алгоритмизировать (в том числе из-за уже упомянутой типичной проблематики, например, необходимости учета ряда динамически меняющихся условий, использования оценочных категорий).

Развитие указанных процессов и явлений, создающее для правоприменителя некоторые новые проблемы, с другой стороны, позволяет минимизировать многие характерные для данной сферы сложности традиционного свойства, создавая, во всяком случае, возможности для «разгрузки» классических систем разрешения споров. Это относится и к технико-юридическим аспектам рассматриваемых вопросов: так, «шаблонизация» столь различных ситуаций, безусловно, представляет значительную сложность, но вместе с тем технический прогресс позволяет создать ряд типичных конструкций и алгоритмов, опосредующих их выбор; в то же время одной из сопутствующих проблем может выступать «конкурирующее» понимание эффективности и целесообразности применимых средств. Особую роль в данном контексте приобретает комплексное использование средств правоприменительной и правоинтерпретационной техники.

Выводы

Подводя итог изложенному, необходимо подчеркнуть, что нетипичное правоприменение

выступает специфическим и вместе с тем закономерным феноменом правовой действительности. В современных реалиях его «удельный вес» не стремится к снижению в свете пересмотра классических подходов к правоприменению, технического прогресса, в частности, повышения роли нетипичных субъектов правоприменения, правового эксперимента, практик альтернативного разрешения споров. В технико-юридическом аспекте речь идет о сложности (а отчасти и непродуктивности) формализации задействуемых в данном контексте средств, специфическом балансе правил (универсальных, нормативных, доктринальных и случайных), значимости комплексного использования возможностей правоприменительной и правоинтерпретационной техники, в том числе в русле разработки ситуационного подхода к правоприменению. При этом важно обеспечивать соответствие или, во всяком случае, «совместимость» между техникой и технологией «классического» и нетипичного правоприменения, в свете чего решающим фактором остается роль правоприменительной дискреции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопленко, Н. Н. Реализация права : учеб. пособие / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. – 48 с.
2. Колесник, И. В. Правотворческая и правоприменительная конкретизация / И. В. Колесник // *Философия права*. – 2011. – № 3. – С. 23–27.
3. Колесник, И. В. Теоретическая модель правоприменительной технологии : дис. ... д-ра юрид. наук / Колесник Ирина Валентиновна. – М., 2014. – 437 с.
4. Лазарев, В. В. Избранные труды. В 3 т. Т. I. Закон. Законность. Применение права / В. В. Лазарев. – М. : Новая юстиция, 2010. – 648 с.
5. Логинов, А. Л. Нетипичные ситуации в правоприменительном процессе и их разрешение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Логинов Анатолий Леонидович. – М., 1994. – 22 с.
6. Репьев, А. Г. Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») / А. Г. Репьев // *Журнал российского права*. – 2021. – № 10. – С. 20–34. – DOI: 10.12737/jrl.2021.120
7. Рожкова, М. А. Онлайн-арбитраж, онлайн-урегулирование споров и блокчейн-арбитраж: новые правовые явления или разновидности уже существующих? / М. А. Рожкова // *Хозяйство и право*. – 2018. – № 5. – С. 47–60.

8. Слеженков, В. В. Судебное правоприменение в контексте теории «умного регулирования»: проблемы концептуализации / В. В. Слеженков // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2023. – № 4 (65). – С. 82–85.

9. Слеженков, В. В. Теория «умного регулирования»: идейно-исторический контекст формирования / В. В. Слеженков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – № 3. – С. 12–17. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.3.2

10. Францифоров, Ю. В. Противоречия уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук / Францифоров Юрий Викторович. – Н. Новгород, 2007. – 569 с.

11. Blanc, F. Smart Enforcement. Theory and Practice / F. Blanc, M. Faure // European Journal of Law Reform. – 2018. – № 20 (4). – P. 78–103. – DOI: 10.5553/EJLR/138723702018020004004

REFERENCES

1. Voplenko N.N. *Realizacija prava: ucheb. posobie* [Implementation of Law. Textbook]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2001. 48 p.

2. Kolesnik I.V. Pravotvorcheskaja i pravoprimeritel'naja konkretizacija [Legislative and Law Enforcement Specification]. *Filosofija prava* [Philosophy of Law], 2011, no. 3, pp. 23–27.

3. Kolesnik I.V. *Teoreticheskaja model pravoprimeritel'noj tehnologii: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Theoretical Model of Law Enforcement Technology. Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2014. 437 p.

4. Lazarev V.V. *Izbrannye trudy: v 3 t. T. I. Zakon. Zakonnost. Primenenie prava* [Selected Works: In 3 Vols. Vol. 1. Law. Legality. Application of Law]. Moscow, Novaja justicija Publ., 2010. 648 p.

5. Loginov A.L. *Netipichnye situacii v pravoprimeritel'nom processe i ih razreshenie:*

avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Atypical Situations in the Law Enforcement Process and their Resolution. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 1994. 22 p.

6. Repyev A.G. Konkretizacija pravovoj normy posredstvom tehniko-juridicheskoy ogovorki (na primere slovosochetanija «v sluchae») [Specification of a Legal Norm by Means of a Technical-legal Clause (Using the Example of the Phrase “In Case”)]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2021, no. 10, pp. 20–34. DOI: 10.12737/jrl.2021.120

7. Rozhkova M.A. Onlajn-arbitrazh, onlajn-uregulirovanie sporov i blokchejn-arbitrazh: novye pravovye javlenija ili raznovidnosti uzhe sushhestvujushhih? [Online Arbitration, Online Dispute Resolution and Blockchain Arbitration: New Legal Phenomena or Variations of Existing Ones?]. *Hozjajstvo i pravo* [Economy and Law], 2018, no. 5, pp. 47–60.

8. Slezenkov V.V. Sudebnoe pravoprimerenie v kontekste teorii «umnogo regulirovanija»: problemy konceptualizacii [Judicial Enforcement in the Context of the Theory of “Smart Regulation”: Problems of Conceptualization]. *Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk* [Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences], 2023, no. 4 (65), pp. 82–85.

9. Slezenkov V.V. Teoriya «umnogo regulirovanija»: idejno-istoricheskij kontekst formirovanija [“Smart Regulation” Theory: Ideological and Historical Context of Formation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, no. 3, pp. 12–17. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.3.2

10. Franciforov Ju.V. *Protivorechija ugovolnogo sudoproizvodstva: dis... d-ra jurid. nauk* [Contradictions in Criminal Proceedings. Dr. jurid. sci. diss.]. Nizhniy Novgorod, 2007. 569 p.

11. Blanc F., Faure M. Smart Enforcement. Theory and Practice. *European Journal of Law Reform*, 2018, no. 20 (4), pp. 78–103. DOI: 10.5553/EJLR/138723702018020004004

Information About the Author

Lidiya N. Kerdan, Chairman of Gorodishchensky District Court of the Volgograd region, Chuikova St, 9, 403003 Gorodishche, Russian Federation, lkerdan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1216-4697>

Информация об авторе

Лидия Николаевна Кердан, председатель Городищенского районного суда Волгоградской области, ул. Чуйкова, 9, 403003 р. п. Городище, Российская Федерация, lkerdan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1216-4697>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.4>

UDC 340.114

LBC 67.0

Submitted: 17.04.2025

Accepted: 04.07.2025

TRUST IN THE SYSTEM OF VALUE AND TARGET PRIORITIES OF RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

Olga V. Kostyunina

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation;

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the scientific paper deals with a rather urgent and acute problem – trust in the system of value and target priorities of Russia at the present stage of development. It highlights the issue of public trust in the state and law as a necessary basis for the formation of values and spiritual and moral attitudes of the individual. The **scientific novelty** of the research, based on the conclusions of not only public law sciences, is manifested in the fact that trust, being a category of economic, social, and psychological sciences, acquires its own significance and form in law. The author proves that the experience of social evolution has shown the possibility of trust at different levels of cognitive attitudes of the individual and confirmed its status as an independent universal value worthy of being included in the target priorities of the state. **Methods:** the methodological framework for the research is made up of the general scientific methods of cognition used in social sciences in general, including in law. They form a system of general, special, and private methods of scientific research. Among the most significant general methods of cognition, the metaphysical method, the formal logical method, and the methods of analysis, induction, deduction, and consistency are used. The special and private methods are represented mainly by the legal-dogmatic (formal-legal) and comparative law methods. **Results:** during the analysis of scientific papers, the author turned to the fundamental works of renowned foreign scientists and modern scholars of legal doctrine in the field of the phenomenon of trust. It is revealed that the value-oriented priorities of the state are closely related to trust and have a formal legal basis. Trust acts as the basis of an individual's worldview and the value orientations of society and the state, supported by the tradition of the legal doctrine of the Russian state. It is established that the category of trust, in relation to the state legal system, manifests itself in the form of generalized trust based on the social solidarity of citizens, manifested in the history of the evolution of Russian statehood through collectivism, social responsibility of the individual, mutual assistance, and other traditional values.

Key words: trust, trust in law, spiritual and moral values, legal values, generalized trust, target priorities of Russia, social solidarity.

Citation. Kostyunina O. V. Trust in the System of Value and Target Priorities of Russia at the Present Stage. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 28-37. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.4>

УДК 340.114

ББК 67.0

Дата поступления статьи: 17.04.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

ДОВЕРИЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТНЫХ И ЦЕЛЕВЫХ ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ольга Владиславовна Костюнина

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация;

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Актуальность исследования: научная статья посвящена довольно актуальной и острой проблеме – доверия в системе ценностных и целевых приоритетов России на современном этапе развития. В статье актуализируется вопрос о доверии общества к государству и праву как необходимом базисе, способствующем формированию ценностей, духовно-нравственных установок личности. **Научная новизна** проведенно-

го исследования, основанного на выводах не только государственно-правовых наук, проявилась в том, что доверие, будучи категорией экономической, социальной и психологической наук, приобретает в праве свою значимость и свои формы. Автор доказывает, что опыт социальной эволюции показал возможность существования доверия на разных уровнях когнитивных установок личности, подтвердил его статус как самостоятельной универсальной ценности, достойной быть включенной в целевые приоритеты государства. **Методологическую основу** исследования составили общенаучные методы познания, применяемые в общественных науках в целом, в том числе и в юридической. Они образуют систему общих, специальных и частных методов научного исследования. Среди наиболее значимых общих методов познания применяются метафизический метод, формально-логический метод, методы анализа, индукции, дедукции, системности. Специальные и частные методы представлены в основном юридико-догматическим (формально-юридическим) и сравнительно-правовым методами. **Результаты исследования:** в ходе работы над темой автор обратился к фундаментальным трудам именитых зарубежных деятелей науки и современных ученых юридической доктрины в области феномена доверия. Выявлено, что ценностно-целевые приоритеты государства тесно связаны с доверием и имеют формально-юридическое закрепление. Доверие выступает как основа мировоззрения личности, ценностных ориентиров общества и государства, поддерживаемая традицией правовой доктрины Российского государства. Установлено, что категория доверия применительно к государственно-правовой системе формализует себя в виде генерализированного доверия, опирающегося на социальную солидарность граждан, проявляющуюся в истории эволюции российской государственности через коллективизм, социальную ответственность личности, взаимопомощь и другие традиционные ценности.

Ключевые слова: доверие, доверие в праве, духовно-нравственные ценности, правовые ценности, генерализированное доверие, целевые приоритеты России, социальная солидарность.

Цитирование. Костюнина О. В. Доверие в системе ценностных и целевых приоритетов России на современном этапе // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 28–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.4>

Введение в вопрос исследования

Ключевыми настройками, предопределяющими жизнь человека и то, что он создает, являются ценности и цели. Вопрос о предопределении одного другим напоминает логический парадокс: «Что было раньше – курица или яйцо?» Понимая, что цели и ценности взаимосвязаны, есть необходимость в установлении причинно-следственных связей, вытекающих из онтологии вопроса. Основательную генеалогию вопроса о возникновении ценностей мы находим в труде Х. Йоаса. Мысль, лежащая в основе его исследования, объясняет появление ценностей в опыте формирования и трансценденции самости [7, с. 240]. Вместе с тем он приводит четыре трактовки возникновения ценностей: провозглашение ценности в истории впервые; отстаивание ценности группой с нарастанием последователей; возникновение приверженности к уже существующим ценностям (обращение); оживление забытых ценностей или утративших свой мотивационный потенциал [7, с. 241–242]. Гносеология вопроса возникновения, возрождения, отстаивания или отказа от ценностей неотделима от человека и тех социальных

институтов, которые создаются им, образуя многослойную систему субъективных и интерсубъективных ценностных отношений и ориентиров.

Определяя человека в виде *homo sapiens* – человека разумного, мы наделяем его и качеством одушевленного. В аутентичном переводе с латинского это значит как человек мудрый, рассудительный, благоразумный¹. Природа дала ему в руки оружие – интеллектуальную и моральную силу; по утверждению Аристотеля, человек без нравственных устоев оказывается существом самым нечестивым и диким [2, с. 407]. Восприятие человека не только через призму разумности открывает понимание природы последнего с учетом его практической деятельности, созидającego начала, рождающего общие смыслы, образующие преемственность и сохраняющиеся в культурных традициях того или иного общества. Существо человеческой природы предопределило коллективность и солидарность как необходимое условие успешного выживания. Иронизируя в своей книге «Краткая история человечества», Ю. Харари пишет: «Хотите или не хотите, мы – члены большого шумного семейства обезьян (высших приматов)» [23, с. 9].

Научное объяснение предлагает понимание нравственного прогресса через две крайние позиции: первая раскрывает постепенное преодоление эгоизма с помощью разума, а вторая – постепенное расширение способности людей симпатизировать и доверять [20, с. 8]. С одной стороны, невозможно игнорировать индивидуальные отличия каждого из нас и те ценностные мотивы, которые мы внутренне ощущаем, разделяем или опровергаем. С другой стороны, опыт социальной эволюции доказал необходимость согласования личных ценностных установок с универсальными ценностями и институциональными приоритетами. Цивилизация и культура позволили социуму выйти на универсальные объяснительные схемы, создать нормативный социальный порядок. Залогом перспективной системы социального взаимодействия, по мнению А. Селигмена, являются стабильные и взаимные доверительные отношения между социальными субъектами [21, с. 8].

Подтверждая свой статус существа социального, человек образовал государство, вдохнул в него жизнь и доверил ему свою. Он наделил государство собственной ценностью и значимостью для общества и личности. Вместе с тем, вырастая из межличностного уровня, доверие проецируется и на социальные институты, в том числе на государство и право. Без доверия невозможно обеспечить эффективное функционирование публичной власти, опирающееся на ее социокультурное принятие гражданами и развитие гражданского общества [19, с. 20; 4, с. 14], вставшего под защиту позитивного права и взаимно возложившего на него свои ожидания по сохранению главных ценностей: свободы, равенства и справедливости. В этой связи неминуемо возникающий вопрос о доверии как стержне культуры правовой коммуникации различных субъектов (государств, юридических лиц, граждан) связан с правом как наднациональным, универсальным и наиболее эффективным регулятором общественных отношений. А само доверие – показатель ее высокого, совершенного, продвинутого уровня [19, с. 17].

В рамках правовой доктрины кризис базового доверия исследуется как кризис основы культуры человеческих связей. Вопрос искренних, честных отношений населения и

государства позиционируется как важный и исторически преемственный [19, с. 19], глубоко связанный с культурной традицией. Традиционные ценности, с одной стороны, фундаментализируют общезначимые элементы культуры нации, оказывая влияние на формирование человека, с другой – должны быть соотносимы и согласовываться с ценностями личности [10, с. 22], неотделимыми от среды ее (личности) эволюции. В книге «Сто сорок бесед с Молотовым» приведена цитата Сталина в отношении поступка солдата: «Как жаль, что у нас нет награды за честность!», вполне подтверждающая степень значимости общечеловеческих ценностей для всех сторон публично-правовых отношений [24, с. 79].

Не вдаваясь в тонкости подходов к сущности государства, подчеркнем, что цели современных цивилизованных государств одновременно должны быть когерентны целевым ценностям государственно-политической власти и культурно-ценностным традициям общества. По меткому высказыванию Ф. Аквинского, в любых вещах, направленных к цели, необходимо руководство, при помощи которого цель будет достигнута. Метафорично Аквинат сравнивает государство с кораблем, который не пришел бы к намеченной цели, если бы не направлялся к гавани трудами кормчего. Люди, продолжает схоласт, продвигаются к намеченной цели различными путями из-за различий человеческих наклонностей и действий. Следовательно, человек нуждается в чем-либо направляющем его к цели [1, с. 97–98].

Обсуждение вопроса исследования.

Ценностные ориентиры целевых приоритетов

Интеграция знаний философии, психологии и физиологии человека в сферу государственно-правовых явлений вносит больше ясности в осознание связанности прошлого, настоящего и будущего как для каждой отдельно взятой личности, так и для социальной общности, объединенной под флагом государства.

Отступив немного от академичности текста и смысла, обратимся к научно-популярному жанру А.В. Курпатова, вместе с тем

не умаляя его научной и методической содержательности². Его гипотеза о том, что «мы завязли в какой-то странной, парадоксальной темпоральности, которую он назвал «складкой времени», есть попытка объяснить, почему свое прошлое мы уже не вполне себе представляем (в виде целостной и понятной картины), а будущее естественным образом из него не вытекает, в связи с чем и настоящее обесмысливается [12, с. 23]. Так, если нет будущего, нет и настоящего, ввиду того что война нарративов на макроуровне препятствует формированию общепонятного представления о происходящем и кроит национальную и общемировую историю как лоскутное одеяло. В итоге недоверие к прошлому и неопределенность будущего возлагают на государство обязанность взять ответственность за формирование образа будущего своей страны и своего народа, предпринять шаги к формированию объединяющих идей и связанных с ними ценностей и целей.

Развитие и функционирование отечественного государства на современном этапе идет в направлении обнародования, поддержания и возрождения традиционных ценностей, характерных для российского общества с присущими ему особенностями. На государственном уровне предпринята попытка законодательно продемонстрировать стратегию сочетания государственных интересов с тенденциями интересов общества в новых, довольно противоречивых условиях. Несмотря на то что ст. 13 Конституции России устанавливает запрет на «единообразие идеологии» в государстве и невозможность закрепления какой-то идеологии в качестве обязательной, важно понимать картину ценностных ориентиров граждан, общественной и социально-групповой идеологии. Понимание того, что важно для каждого и всех вместе, поможет прогнозировать и основные векторы их политического поведения, оказывать эффективное противодействие негативным тенденциям в социально-политической сфере [8, с. 19].

В юридической доктрине набирает оборот идея солидарности, единения, актуализируется уважение к традиции и исторической памяти, важность преодоления личностной отчужденности, осознание нашей внутренней

идентичности. Вспоминается цитата «И дым отечества нам сладок и приятен».

Одним из первых проблему значимости «социального капитала», вырастающего из привычки к сотрудничеству на основе взаимных моральных обязательств, оживил Ф. Фукуяма. Социальный капитал как потенциал общества или его части возникает в результате наличия доверия между его членами. Базисом его создания и преемственности являются ценности таких культурных механизмов, как религия, традиция, обычаи. История русско-российского государства в разные периоды своей эволюции очевидно демонстрирует тенденцию к коллективизму и общинной коммуникации как форм солидарности общества [22, с. 189].

Сегодня интегральной идеей, характеризующей состояние общественного согласия и доверия, по мнению профессора В.Д. Зорькина, выступает именно солидарность, базирующаяся на общественном доверии. Понимание природы такого доверия, источников и механизмов его защиты крайне важно в текущей ситуации [6, с. 13, 54]. Возникая на личностном уровне, развиваясь в системе межличностных отношений, доверие генерализируется на уровне общества. Довольно подробное обоснование социально-психической связи доверия и генерализированного сотрудничества можно увидеть в статье В.Ю. Перова. Им обосновывается возможность сотрудничества на уровне государственных институтов только при наличии некоего исходного чувства «единения», которое также является своеобразным эмоциональным аттитюдом доверия [15, с. 159].

Верификация доверия на макроуровне представляет определенные трудности. Такое доверие с легкой руки Э. Гидденса и А. Селигмена принято именовать «институциональным», или доверием к «абстрактным системам», оно обращено прежде всего к публичным и иным социальным институтам и проявляет себя больше как феномен общественных, а не исключительно индивидуальных отношений (цит. по: [15, с. 153]).

Государство как публичный институт, источником власти которого является народ, выступает «доверенным лицом», в руках которого сосредоточен источник жизни позитив-

ного права. Доверие как оплот единения нации является проекцией взаимности доверия между народом, национальным бизнесом и властью, которое может быть достигнуто только на основе права [6, с. 174]. Несмотря на глубокое уважение к высказанной позиции о праве как единственной основе доверия в виде источника единения нации, в полной мере разделить ее не можем. Природа доверия, связанная с взаимным согласованием интересов и имея социальные корни, уходит в существо человеческой сущности, поскольку имманентна психологии человека. Поэтому следует предположить, что базовые формы доверия в праве являются продолжением доверия социально-природного порядка, и такое доверие можно рассматривать как «санкционированное доверие» в праве. Санкционированное доверие не только является продолжением межличностного, социального доверия, но и приобретает собственно правовые формы его выражения.

Нормативно-правовые основы доверия в системе ценностно-целевых приоритетов

Конституция Российской Федерации [11] закрепила доверие как элемент ценностной основы государства, включила в сферу конституционно-правового мировоззрения. Высший орган конституционного правосудия Российской Федерации вводит в аргументацию ссылки на принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, тем самым способствуя созданию условий взаимного доверия государства и общества [17]. В свою очередь, общезначимые, традиционные ценности российского (в первую очередь русского) народа учитывают доверие как одну из добродетелей, обеспечивающих формирование и действие других, таких как честность, уважение, поддержка, сотрудничество (сотворчество) и иные. Телеологическое толкование нормативных положений Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 (далее – указ № 309) заложено в тексте его преамбулы, в которой, провозглашая указанные в ней цели, подчеркивается обеспечение их достижения, в том числе на основе честной конкуренции в экономической сфе-

ре, открытости внешнему миру. К примеру, категория честности имеет место в позитивном праве преимущественно в предпринимательской деятельности, в других сферах частного права. Представляется это неслучайным, так как исторически честность была залогом доверия субъектов договорных отношений, прежде всего купечества, для которых доверие обладало высокой ценностью. Логично предположить, что в современном праве честность и доверие имплементировались в том числе в смысловой объем принципа добросовестности.

Представители разных наук, изучающие феномен доверия, поднимают вопрос о снижении уровня базового доверия граждан к институтам госвласти. Поэтому значимо иной сферой интересов с приоритетами социального единства, обеспечивающего легитимность власти за счет доверия населения, являются публичные отношения. Для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц нашего государства, включая оценку результатов достижения субъектами Российской Федерации национальных целей, закреплён перечень показателей, первым пунктом которого указан критерий доверия к власти.

Глубоким по смыслу и актуальным по времени представляется высказывание В.Д. Зорькина как главы Конституционного Суда России. Подчеркивая роль права как части культурной традиции России, он возлагает на него смысловую ответственность откликаться на потребности развития России, ожидания нации, ее представления о справедливом и должном [6, с. 17–18].

Закрепление в правовых актах Российской Федерации национальных целей – это значимый шаг государства навстречу своему народу. Это «открытый диалог» между государством и его гражданами, предполагающий взаимную включенность, открытость и доверие сторон отношений. Постановка ясных целей, а также легализация путей их достижения – это путь победы над государственно-правовой аномией. Утверждение основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей способствует в масштабе страны устранению рассогласования социально одобряемых целей и государственно-правовых средств их достижения.

Угрозами для стабильности общества являются новые вызовы, с которыми столкнулась Россия на современном этапе развития, формирующие как ограничения, так и новые возможности. «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее – Единый план) [5] определил стратегические приоритеты и характеризующие их показатели. Национальные цели развития отвечают на эти вызовы, а Единый план определяет конкретные действия в рамках такого ответа. В качестве валентности выполнения показателей Единого плана названо доверие граждан деятельности органов государственной власти. В развитие указа главы государства разработан и принят органами исполнительной власти Российской Федерации пакет нормативно-правовых документов, которые базируются на положениях правовой доктрины, формирующей фундамент стратегических приоритетов нашей страны. Реализация стратегических приоритетов осуществляется прежде всего Правительством, утверждающим государственные программы. Кроме того, особая значимость отдельных направлений реализации государственных программ выделена в самостоятельные национальные проекты, включающие в состав специальные федеральные проекты.

Сравнительно-правовой анализ системы законодательства в области стратегических приоритетов и национальных целей позволяет сделать вывод о направленности и стремлении государства сформировать общенациональное мировоззрение, которое, в свою очередь, приведет к пониманию человеком его идентичности с государством и своим народом. Показательным примером в этом направлении можно назвать Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года [18; 16]. В данном документе подчеркивается, что его действие направлено на консолидацию усилий публичных институтов власти с институтами гражданского общества по укреплению традиционных семейных ценностей, качества жизни семей с учетом национальных и социокультурных особенностей. В развитие положений Конституции положения раздела II упо-

мянутого документа об укреплении института семьи, сохранении и продвижении в обществе традиционных семейных ценностей напрямую связаны с ценностями уважения и доверием между поколениями. Разные поколения могут быть неодинаковы в производных и инструментальных ценностях, что может порождать конкуренцию приоритетов. Смысл пластичности легализации национальных целей и духовно-нравственных ориентиров позволяет сохранить преемственность на основе финальных ценностей и не игнорировать интересы настоящего поколения.

Общемировая тенденция консолидации усилий всего человечества для решения вопросов экологии, миграции, демографии не исключает идентификации общества с государством в рамках национальной правовой системы с учетом поддержания жизненных ценностей, принципов, идеалов, сложившихся в процессе их исторического жизненного опыта. Представляется, что баланс геополитических и национальных стратегий России придаст больше определенности и стабильности жизни каждого россиянина, прояснит смысл, задаст цель и сформирует образ позитивного будущего. Важность представления и понимания будущего предопределяет вопрос о смысле жизни для каждого. Без четкого ответа на вопрос о национальной идее государства, его цели, ценностях жизненная энергия, успех становятся труднодостижимыми для большинства граждан [9, с. 250].

Следует обратить внимание, что свидетельством вышеназванных факторов, раскрывающих их связь с доверием, является ряд нормативных положений указа № 309. Так, качество целевых показателей и задач достижения национальных целей по реализации потенциала и развития каждого человека, воспитанию в нем патриотизма и социальной ответственности коррелирует с верой в возможность самореализации молодых людей в своем государстве (подп. «г» п. 3 указа № 309).

Во исполнение национальных целей развития определяются и основные направления деятельности Правительства как органа исполнительной власти, непосредственно призванного реализовывать планово-стратегические мероприятия в соответствии с генеральными целями. Паспорт федерального проек-

та «Семейные ценности и инфраструктура культуры» [13], утвержденного Правительством РФ, включает в мероприятия (результаты) данного проекта общенациональную информационно-коммуникационную кампанию, направленную на повышение мотивации семей к рождению детей, формирование положительных семейных установок и позитивного образа многодетной семьи.

В настоящий момент действует более 120 правовых актов-спутников [14], изданных на основании и во исполнение указа № 309.

Значимым в контексте формирования доверия на уровне всего общества, укрепления доверия между обществом и государством является Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 (далее – указ № 809), утверждающий основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Обозначенный выше аспект важности социального доверия для стабильности общества и государства отражен в п. 17 указа № 809. Более того, формирование мировоззрения граждан России сопряжено с такими традиционными ценностями, как гражданское и народное единство, взаимопомощь и взаимоуважение, а также коллективизм, которые имеют в виду доверие как ценностный источник.

Еще на один существенный момент следует обратить внимание в указе № 809. Основы являются документом стратегического планирования, определяющим систему целей и ценностей по реализации национальных приоритетов. Более того, в нем предусмотрены сценарии развития и ожидаемые результаты реализации государственной политики в регулируемом направлении. Правовые положения пунктов указа, на наш взгляд, характеризуются неполнотой регулирования, однако факт их включения в нормативный правовой акт говорит об аспекте доверия государства гражданам и обществу в части оправданности заложенных в нем взаимных ожиданий. Без доверия нет образа будущего. Люди не могут прогнозировать свою жизнь. Не доверяют друг другу, государству и его системам. Доверие – это всегда про ожидание. Строя планы, человек предполагает, презюмирует, что есть то, что он желает и к каким целям он идет, и это

дает основание, исходя из предшествующего опыта, прогнозировать развитие дальнейших событий. Стратегии планирования связывают реализацию потребностей с целями, удовлетворением законных интересов посредством осуществления правовых притязаний. Доверие для человека – это основа, как почва под ногами, установка на позитивный образ будущего.

Проанализированная выше правовая политика нашего государства позволяет говорить о вкладе последнего в формирование моделей будущего. Как следствие, система формируемых им ценностных и целевых ориентиров основана на взаимном доверии общества и государства, включает доверие, вызывает доверие, а вместе с тем повышает собственную ценность государства и права.

Выводы

Во-первых, доверие как социальная ценность и доверие как правовая ценность взаимосвязаны. Доверие в праве продолжает доверие социального порядка. Таким образом, несмотря на особенности механизмов действия доверия в праве, отличающие его от межличностного доверия, доверия в рамках социальных общностей и корпораций, базовые побудительно-ценностные начала во многом едины. Прежде всего таким связующим звеном выступают фундаментальные ценности, существующие в социокультурном пространстве и отражающие духовно-нравственный опыт. Бытие вообще видится сгустком «ценностно-целевых» инкарнаций, где «мир взвешивается ценностями» [3, с. 27], одной из которых, несомненно, является и само доверие.

Во-вторых, доверие, обеспеченное формальными правовыми механизмами, становится частью правовых ценностей, включается в ценностно-целевые ориентиры, позволяющие сформировать образ ожидаемого будущего для страны. Открытость, прогнозируемость и определенность способствуют стабильности и уверенности человека в настоящий момент, генерируют возможности для удовлетворения потребностей и достижения целей в будущем. Таким образом, степень доверия и уровень правовых притязаний личности взаимосвязаны.

В-третьих, отвечая на вызовы времени, приоритетные формы доверия в обществе и государстве могут меняться. Применительно к государственно-политической системе сегодня на первый план выходит востребованность генерализированного доверия. Доверие в своей социальной форме требует от гражданина, корпорации и общества доверия институциональным системам, государству и праву как общезначимым ценностям, которые соединяют начала индивидуальной свободы и социальной солидарности. Потому что и то, и другое – это имманентные составляющие природы человека, сочетающей личное и общественное [6, с. 13].

В-четвертых, идея солидаризации как фактор подкрепления социального доверия не выражена как самостоятельная ценность в Едином плане. Вместе с тем указание в законодательстве на значимость традиционных ценностей россиян, основанных на коллективизме, социальной ответственности личности, взаимопомощи и других, ставших частью правовой доктрины, духовно-нравственными основами приоритетов национальных целей развития России.

В-пятых, доверие включено в систему ценностных и целевых приоритетов России. Доверие, являясь ценностью для общества и личности, формируется и проявляется на субъективном и intersubъективном уровнях, стратегически утверждается в праве как часть правовой доктрины национальной правовой системы государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Latin definition for sapiens. URL: <https://latin-dictionary.net/definition/34056/sapiens-sapientis>

² В его работе можно ознакомиться с естественно-научным взглядом на процессы взаимодействия физиологии работы мозга и психических процессов личности при формировании субъективно-ценностного восприятия мира. На наш вкус, А. Курпатов – один из ведущих интеллектуалов современности и выдающийся популяризатор когнитивной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аквинский, Ф. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей / Ф. Аквинский // Социологическое обозрение. – 2016. – Т. 15, № 2. – С. 96–128. – DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-96-128

2. Антология мировой философии. В 4 т. Т. 1. Философия древности и средневековья, ч. 2 / редкол.: В. В. Соколов [и др.]. – М.: Мысль, 1969. – 936 с.

3. Бабенко, А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью: дис. ... д-ра юрид. наук / Бабенко Андрей Николаевич. – М., 2002. – 395 с.

4. Бляхман, Б. Я. О социальной ценности государства / Б. Я. Бляхман // Сибирский юридический вестник. – 2003. – № 4. – С. 8–14.

5. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года. – URL: <http://static.government.ru>

6. Зорькин, В. Д. Лекции о праве и государстве / В. Д. Зорькин. – СПб.: Конституционный Суд Российской Федерации, 2024. – 352 с.

7. Йоас, Х. Возникновение ценностей / Х. Йоас. – СПб.: Алетейя, 2014. – 311 с.

8. Карнаушенко, Л. В. Ценностное восприятие государства в контексте проблемы политического поведения граждан / Л. В. Карнаушенко // Закон и право. – 2019. – № 6. – С. 15–19. – DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10232

9. Касюк, А. Я. Духовно-нравственные ценности и идеалы как элементы национальной безопасности государства / А. Я. Касюк // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2020. – № 7 (836). – С. 242–254.

10. Ковалев, А. А. Духовно-нравственные ценности как объект деструктивного воздействия / А. А. Ковалев // Социально-политические исследования. – 2023. – № 4 (21). – С. 19–32. – DOI: 10.20323/2658_428X_2023_4_21_19

11. Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.)] // Российская газета. – 2020. – 4 июля.

12. Курпатов, А. Складка времени / А. Курпатов. – М.: Капитал, 2022. – 336 с. – URL: <https://bookzip.club/b/51576-skladka-vremeni-suschnost-i-kriterii/reader>

13. Паспорт федерального проекта «Семейные ценности и инфраструктура культуры». – URL: <https://mintrud.gov.ru>

14. Перечень государственных программ, национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов в Российской Федерации. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Перов, В. Ю. Проблемы морального доверия / В. Ю. Перов, П. А. Тазенкова // Дискурсы эти-

ки : альманах / под ред. В. Ю. Перова. – СПб. : Изд-во РХГА, 2012. – С. 152–170.

16. План основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи от 26 декабря 2023 г. № 21515-П45-ТГ. – URL: <http://static.government.ru/media/files/an2QCdQNdApxg3AFBO2ZqO4a3uAjoEI5.pdf>

17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2022 г. № 34-П // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207250003>

18. Правительство утвердило Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 года. – URL: <http://government.ru/news/54573/>

19. Репьев, А. Г. Кризис доверия в праве и государстве: возрастающие риски / А. Г. Репьев // LegalTech: научные решения для профессиональной юридической деятельности : сб. докл. IX Моск. юрид. форума. В 4 ч. Ч. 1. Москва, 14–16 апреля 2022 г. – М. : МГЮА, 2022. – С. 16–20.

20. Рорти, Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти. – М. : Рус. феноменолог. о-во, 1996. – 282 с.

21. Селигмен, А. Проблема доверия / А. Селигмен. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 254 с.

22. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ : Ермак, 2004. – 730 с.

23. Харари, Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари. – М. : Синдбад, 2016. – 520 с.

24. Чуев, Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым: второй после Сталина / Ф. И. Чуев. – М. : Родина, 2019. – 654 с.

REFERENCES

1. Aquinas Th. O korolevskoj vlasti k korolyu Kipra, ili O pravlenii knyazej [On the Royal Power to the King of Cyprus, or On the Rule of Princes]. *Sociologicheskoe obozrenie* [The Sociological Review], 2016, vol. 15, no. 2, pp. 96–128. DOI: 10.17323/1728-192X-2016-2-96-128

2. Sokolov V.V. et al., eds. *Antologiya mirovoj filosofii. V 4 t. T. 1. Filosofiya drevnosti i srednevekovya, ch. 2* [Anthology of World Philosophy. In 4 Vols. Vol. 1. Philosophy of Antiquity and the middle Ages, Pt. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1969. 936 p.

3. Babenko A.N. *Pravovye cennosti i osvoenie ih lichnostyu: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Values and Their Personal Development. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2002. 395 p.

4. Blyahman B.Ya. O socialnoj cennosti gosudarstva [About the Social Value of the State]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian Law Herald], 2003, no. 4, pp. 8–14.

5. *Edinyj plan po dostizheniyu nacionalnyh celej razvitiya Rossijskoj Federacii do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda* [A Unified Plan to Achieve the National Development Goals of the Russian Federation Until 2030 and for the Future Until 2036]. URL: <http://static.government.ru>

6. Zorkin V.D. *Lekcii o prave i gosudarstve* [Lectures on Law and the State]. Saint Petersburg, Konstitutsionny Sud Rossiyskoy Federatsii, 2024. 352 p.

7. Joas H. *Vozniknovenie cennostej* [The Emergence of Values]. Saint Petersburg, Alethea Publ., 2014. 311 p.

8. Karnaushenko L.V. Cennostnoe vospriyatie gosudarstva v kontekste problemy politicheskogo povedeniya grazhdan [The Value Perception of the State in the Context of the Problem of Political Behavior of Citizens]. *Zakon i pravo* [Justice and Law], 2019, no. 6, pp. 15–19. DOI: 10.24411/2073-3313-2019-10232

9. Kasyuk A.Ya. Duhovno-nravstvennye cennosti i idealy kak elementy nacionalnoj bezopasnosti gosudarstva [Spiritual and Moral Values and Ideals as Elements of National Security of the State]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnyye nauki»* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], 2020, no. 7 (836), pp. 242–254.

10. Kovalev A.A. Duhovno-nravstvennye tsennosti kak obyekt destruktivnogo vozdeystviya [Spiritual and Moral Values as an Object of Destructive Influence]. *Socialno-politicheskie issledovaniya* [Social and Political Researches], 2023, no. 4 (21), pp. 19–32. DOI: 10.20323/2658_428X_2023_4_21_19

11. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenar. golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g. (s izm., odobr. v hode obshcheros. golosovaniya 1 iyulya 2020 g.). [Constitution of the Russian Federation: Adopted by Nationwide Vote on December 12, 1993 (As Amended and Approved During the Nationwide Vote on July 1, 2020)]. *Rossiyskaya gazeta*, 2020, July 4.

12. Kurpatov A. *Skladka vremeni* [The Fold of Time]. Moscow, Kapital Publ., 2022. 336 p. URL: <https://bookzip.club/b/51576-skladka-vremeni-suschnost-i-kriterii/reader>

13. *Pasport federalnogo proekta «Semejnye cennosti i infrastruktura kultury»* [Passport of the Federal Project “Family Values and Cultural Infrastructure”]. URL: <https://mintrud.gov.ru>

14. Perechen gosudarstvennyh programm, nacionalnyh i federalnyh proektov, prioritetnyh

programm i proektov v Rossijskoj Federacii [List of State Programs, National and Federal Projects, Priority Programs and Projects in the Russian Federation]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

15. Perov V.Yu., Tazenkova P.A. Problemy moralnogo doveriya [Problems of Moral Trust]. Perov V. Yu., ed. *Diskursy etiki: almanah* [Discourses of Ethics. An Almanac]. Saint Petersburg, Izd-vo RHGA, 2012, pp. 152-170.

16. *Plan osnovnyh meropriyatij po provedeniyu v Rossijskoj Federacii Goda semyi ot 26 dekabrya 2023 g. № 21515-P45-TG* [The Plan of Main Events for the Year of the Family in the Russian Federation Dated December 26, 2023 No. 21515-P45-TG]. URL: <http://static.government.ru/media/files/an2QCdQNdApxg3AFBO2ZqO4a3uAjoEI5.pdf>

17. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 21 iyulya 2022 g. № 34-P [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 34-P Dated July 21, 2022]. *Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii* [The Official Internet Portal of Legal Information]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207250003>

18. *Pravitelstvo utverdilo Strategiyu dejstvij po realizacii semejnoy i demograficheskoy politiki do 2036 goda* [The Government Has Approved an Action Strategy for the Implementation of Family and

Demographic Policy Until 2036]. URL: <http://government.ru/news/54573/>

19. Repyev A.G. Krizis doveriya v prave i gosudarstve: vozrastayushchie riski [Crisis of Trust in Law and the State: Increasing Risks]. *LegalTech: nauchnyye resheniya dlya professionalnoy yuridicheskoy deyatel'nosti: sb. dokl. IX Mosk. yurid. foruma. V 4 ch. Ch. 1. Moskva, 14–16 aprelya 2022 g.* [LegalTech: Scientific Solutions for Professional Legal Activity: Collection of Reports of the 9th Moscow Legal Forum. In 4 Parts. Part 1. Moscow, April 14–16, 2022]. Moscow, MGYuA, 2022, pp. 16-20.

20. Rorti R. *Sluchajnost, ironiya i solidarnost* [Chance, Irony and Solidarity]. Moscow, Rus. fenomenolog. o-vo, 1996. 282 p.

21. Seligmen A. *Problema doveriya* [The Problem of Trust]. Moscow, Idea-Press Publ., 2002. 254 p.

22. Fukuyama F. *Doverie: socialnye dobrodeteli i put k процветанию* [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. Moscow, AST Publ., Ermak Publ., 2004. 730 p.

23. Harari Yu.N. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva* [Sapiens. A Brief History of Mankind]. Moscow, Sindbad Publ., 2016. 520 p.

24. Chuev F.I. *Sto sorok besed s Molotovym: vtoroj posle Stalina* [One Hundred and Forty Conversations with Molotov. The Second After Stalin]. Moscow, Rodina Publ., 2019. 654 p.

Information About the Author

Olga V. Kostyunina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Legal Studies, Baikal State University, Lenina St, 11, 664003 Irkutsk, Russian Federation; Associate Professor, Department of Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk State University, Ulan-Batorskaya St, 10, 664082 Irkutsk, Russian Federation, mayolgak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2715-9068>

Информация об авторе

Ольга Владиславовна Костюнина, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института правовых исследований, Байкальский государственный университет, ул. Ленина, 11, 664003 г. Иркутск, Российская Федерация; доцент кафедры конституционного права и теории права, Иркутский государственный университет, ул. Улан-Баторская, 10, 664082 г. Иркутск, Российская Федерация, mayolgak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2715-9068>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.5>

UDC 347.441.141

LBC 67.404.201

Submitted: 03.03.2025

Accepted: 04.07.2025

THE CONCEPT OF “CONSENT” IN RUSSIAN LEGAL DOCTRINE AND LEGAL PRACTICE

Kristina V. Suddenok

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
Nizhny Novgorod Regional Bar Association, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: the constant changes in all areas of life in the Russian Federation make the issue of consent incredibly relevant. This is due to the complex interplay of objective and subjective factors. The state is actively reforming social relations and restructuring the interaction between society and the government. This process is accompanied by significant changes in legislation. A vast number of regulations governing various aspects of life, from the interaction between citizens to the relationship between individuals and the state, touch on the issue of obtaining consent to some extent. Almost every fundamental branch of Russian law (civil, family, criminal, administrative, international, constitutional, and many others) is based on the concept of consent. However, despite the widespread presence of this concept in the legal system, there is still no in-depth theoretical analysis of consent. This creates certain challenges in law enforcement and lawmaking. Given that issues related to consent, despite their practical prevalence in all areas of law, have not received adequate theoretical research, and given the significance of the “consent” phenomenon in regulating a wide range of social relations, the author aims to define the concept of consent. **The goal** is also to identify the relationship between consent and related concepts, the most common of which are consensus and agreement. **Methods:** the methodological framework of this study is based on a combination of scientific methods, including a systematic approach, analysis, and comparative legal method. **Results:** the paper presents various approaches to the definition of consent, consensus, and agreement, identifies key approaches to the relationship between these concepts, and differentiates them based on legal analysis. **Conclusions:** the paper provides an author’s definition of the concept of “consent.”

Key words: consent, consent in law, consensus, reconciliation, process, legal act, document act.

Citation. Suddenok K.V. The Concept of “Consent” in Russian Legal Doctrine and Legal Practice. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 38-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.5>

УДК 347.441.141

ББК 67.404.201

Дата поступления статьи: 03.03.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

ПОНЯТИЕ «СОГЛАСИЕ» В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Кристина Васильевна Судденок

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация;
Нижегородская областная коллегия адвокатов,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Введение: постоянные изменения во всех сферах жизни Российского государства делают вопрос согласия невероятно актуальным. Это обусловлено сложным переплетением объективных и субъективных факторов. Государство активно реформирует общественные отношения, перестраивая взаимодействие между обществом и властью. Этот процесс сопровождается значительными изменениями в законодательстве. Огромное количество нормативных актов, регулирующих самые разнообразные аспекты жизни – от взаимодействия граждан между собой до отношений между человеком и государством, в той или иной степени

затрагивают вопрос получения согласий. Практически каждая фундаментальная отрасль российского права (гражданское, семейное, уголовное, административное, международное, конституционное и многие другие) в своей основе опирается на концепцию согласия. Однако несмотря на повсеместное присутствие этого понятия в правовой системе, его глубокий общетеоретический анализ до сих пор отсутствует. Это создает определенные сложности в правоприменении и правотворчестве. Учитывая, что вопросы, связанные с согласием, невзирая на их практическую распространенность во всех отраслях права, не получили должного общетеоретического исследования, а также само значение феномена «согласие» в регулировании большого количества общественных отношений, автором поставлена цель определения дефиниции согласия. **Целью** также является выявление соотношения согласия со смежными понятиями, наиболее распространенными из которых являются консенсус и согласование. **Методы:** методологическая основа представленного исследования опирается на комплекс научных методов познания, где центральное место занимают системный подход, анализ и сравнительно-правовой метод. **Результаты:** в работе представлены различные подходы к определению согласия, консенсуса и согласования, выявлены ключевые подходы к соотношению указанных понятий, на основании правового анализа проводится их дифференциация. **Выводы:** разработано авторское определение понятия «согласие».

Ключевые слова: согласие, согласие в праве, консенсус, согласование, процесс, правовой акт, акто-документ.

Цитирование. Судденко К. В. Понятие «согласие» в российской правовой доктрине и юридической практике // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 38–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.5>

Согласие представляет собой обязательный компонент правового регулирования, а также уникальный феномен правовой системы общества. Понятие «согласие» не является специальным юридическим термином, в связи с чем некоторым может показаться, что оно считается понятным и не требующим углубленного научного осмысления. Вместе с тем понятие «согласие» играет фундаментальную роль во множестве правовых институтов. Несмотря на его повсеместное использование, российское законодательство лишено единого, официального определения согласия. Это отсутствие четкой дефиниции создает определенные сложности при правоприменении и требует глубокого анализа согласия как общеправового феномена.

Помимо термина «согласие» в законодательстве часто встречаются понятия «консенсус», «согласование», «согласительные процедуры», «соглашение» и другие, которые могут при определенных обстоятельствах рассматриваться как синонимы. С учетом того, что удвоение терминологии не свойственно юридической технике, важное значение имеет рассмотрение степени тождественности употребляемых терминов, а также последствий их применения. В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть соотношение терминов «согласие», «консенсус» и «согласование».

Одним из наиболее часто упоминаемых синонимов согласия является понятие «консенсус», что в переводе (от лат. *consensus*) означает согласие, сочувствие, единодушие. Но являются ли понятия консенсуса и согласия полностью идентичными?

Стоит отметить, что на каждом этапе исторического развития имелись различные подходы не только к пониманию, но и к применению термина «консенсус». Большое количество работ, связанных с изучением консенсуса, представлено в области политологии и социологии. Впервые данное понятие было введено в науку О. Контом, который представляет консенсус в качестве формы социальной солидарности. Работы современных отечественных ученых Ю.Г. Капраловой и О.И. Юдиной посвящены роли консенсуса в построении демократического государства и институтов гражданского общества. Диссертация Н.И. Каргапольцевой «Консенсус в правовом регулировании» посвящена комплексному изучению консенсуса как правового явления. Общетеоретическому анализу категория «консенсус» подвергается в исследованиях И.П. Кожокаря и Е.А. Самойлова. И.П. Кожокарь определяет правовой консенсус как «основанное на нормах действующего законодательства согласие участников правовых отношений, выраженное в консенсуальном правовом акте, направленное на поиск взаимоприемлемого

результата, достигаемое путем согласования воли праводееспособных субъектов, удовлетворения их прав и законных интересов в целях устранения противоречий между ними» [1].

Е.А. Самойлов делает вывод о том, что «консенсус <...> следует рассматривать как состояние согласия между субъектами в отношении объекта, представляющего обоюдный интерес. Кроме того, консенсус может быть представлен и, как правило, определяется в качестве способа разрешения социально-правовых коллизий» [6].

Исходя из вышеуказанных определений можно констатировать, что консенсус определяется в следующих значениях: во-первых, как способ принятия решений; во-вторых, как механизм согласования интересов сторон; в-третьих, как инструмент разрешения конфликтов.

При рассмотрении его как механизма согласования интересов сторон и как инструмента разрешения конфликтов консенсус всегда предполагает достижение согласия. В данной связи согласие является целью консенсуса. С другой стороны, консенсус подразумевает достижение единого, единодушного, абсолютного согласия. Консенсус считается достигнутым, когда выявлено общее согласие среди лиц, чье согласие является требуемым. Обозначенное подразумевает, что в определенных ситуациях консенсус является разновидностью согласия, характеризующейся единогласным совпадением воли всех сторон.

При этом не всякое согласие является единогласным. В частности, в законодательстве существуют примеры, когда согласие считается достигнутым при отсутствии единогласного мнения всех сторон. К примеру, если более 50 % участников общества с ограниченной ответственностью проголосуют за назначение того или иного кандидата на должность единоличного исполнительного органа, решение считается принятым. Подобное решение свидетельствует о достижении согласия большинством участников, однако не о достижении консенсуса, то есть единодушия. Указанное подтверждается возможностью голосовавших против избрания назначенного кандидата обжаловать принятое реше-

ние при соблюдении определенных условий. И в данной связи можно говорить о достижении компромисса. Как отмечает А.В. Парфенов, «правовой компромисс – закрепленная в праве разновидность юридически значимого компромисса, отражающая полученную на основе взаимных уступок степень достижения баланса интересов субъектов посредством тех или иных видов юридической деятельности, влекущая юридические последствия» [4, с. 59]. Более того, достижение согласия путем компромисса допустимо лишь в случае, когда правовое регулирование предусматривает возможность такого разрешения конфликта, в частности, когда степень общественной опасности возникшего конфликта не слишком высока, в связи с чем у сторон при наличии взаимной заинтересованности существует возможность прийти к компромиссному решению. Так, положениями ст. 20 УПК РФ предусмотрено, что уголовные дела частного обвинения подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. При этом дела частного обвинения не обладают высокой степенью общественной опасности, что дает возможность обвиняемому и потерпевшему прийти к согласию через достижение компромисса по возникшему спору путем уступок. В данном случае достижение компромисса возможно путем проведения согласительных процедур, в связи с чем при изучении понятия «согласие» необходимо подвергнуть анализу соотношение с таким понятием, как согласование.

Согласование – это совокупность действий по выработке и достижению согласия, процесс достижения или принятия решения. Таким образом, для получения согласия необходимо согласование. При этом процедурные действия по согласованию могут привести к различным результатам – либо согласию, либо несогласию.

В отдельных отраслевых законодательных актах имеются определения терминов «согласование» и «согласие». Так, в Законе города Москвы указано, что «согласование – процедура <...>, в ходе которого Дума и/или Мэр выражают свое согласие или несогласие на назначение кандидатуры на должность или освобождение от должности должностного лица» [3]. Под согласием понимается одоб-

рение назначения кандидатуры на должность или освобождения от должности должностного лица.

Приведенные определения позволяют сделать вывод о том, что согласованием является процесс, который в результате устранения всех противоречий приводит к согласию.

По мнению О.Н. Раченковой, «с одной стороны, согласование представляет собой совместную деятельность нескольких лиц по выработке (формированию) и принятию единого решения <...>. С другой стороны, согласование сводится к деятельности отдельного уполномоченного лица (лиц), направленной на одобрение (неодобрение) действий иного лица (лиц)» [5, с. 14–15].

Безусловно, под согласованием имеется в виду деятельность, в результате которой происходит волевая оценка субъектом / субъектами согласования определенных действий или юридических актов. В процессе согласования субъекты согласования осуществляют комплексный анализ факторов, способных повлиять на принятие решения, в связи с чем согласование может представлять собой достаточно растянутый во времени процесс. При этом согласование предполагает возможность взаимодействия между субъектом, который осуществляет согласование, и субъектом, которому согласование требуется. Говоря о категории «согласование», следует отметить, что значение имеет не только результат согласования, но и сама процедура. «Процедурный аспект согласительных мероприятий имеет самостоятельное значение, позволяя обеспечить выполнение таких функций права, как воспитательную и оценочную, в долгосрочной перспективе указанная категория позволяет обеспечить большую вовлеченность субъектов в участие в формировании системы права государства» [7, с. 111].

Природа согласования различается в зависимости от заинтересованности субъекта согласования в достигаемом результате: когда субъект заинтересован в достигаемом результате, когда субъекту юридически безразличны последствия согласования или несогласования, когда субъекта обязывают получить согласование. Указанное влияет на внешнюю форму согласования, которое может быть выражено в электронной форме, путем

визирования, или оформления юридического документа, или совершения конклюдентных действий.

Согласование как процесс, желаемым результатом осуществления которого является получение согласия, имеет несколько стадий. Лицо, которому необходимо получить согласие, обращается за получением согласия. Лицо, выдающее согласие, рассматривает указанное обращение. В процессе рассмотрения обращения, то есть в процессе согласования и формирования отношения к поступившему запросу, могут возникать дополнительные вопросы, в связи с чем процесс формирования отношения к запросу (согласие / несогласие) также может меняться, как и форма согласования – различаться. Представляется, что допустимо говорить о внутреннем и внешнем согласовании, ведь с того момента, как у конкретного уполномоченного лица сформировалось отношение к поступившему запросу (то есть произошло внутреннее согласование, в результате которого выработалось отношение – согласие / несогласие), до момента выражения внешнего отношения может пройти значительный промежуток времени. Более того, часто процедура согласования включает необходимость получения согласования несколькими субъектами. В таком случае согласование может осуществляться различными способами, а именно: параллельное согласование (когда требуется получить согласие нескольких субъектов и процедура согласования начинается одновременно – «параллельно»); последовательное согласование (когда для получения согласования требуется поэтапное согласование несколькими субъектами); комбинированное согласование (сочетает два вышеобозначенных способа). Существуют ситуации, когда отсутствие согласования со стороны одного субъекта будет означать отказ в получении согласия (к примеру, отказ профильного департамента администрации муниципального образования в согласовании проекта нормативного правового акта главы администрации о выдаче согласия на сдачу в субаренду арендованного муниципального имущества приведет к отказу в выдаче согласия даже в ситуации получения согласования правового департамента и департамента финансов). И в данном случае согла-

сие будет достигнуто только в случае получения согласования от всех субъектов.

Нередко термин «согласие» смешивается с термином «согласование». Так, к примеру, в Федеральном законе «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (далее – ФЗ № 161-ФЗ) указывается на согласие собственника имущества при распоряжении предприятием вкладом (долей) в уставном капитале общества, акциями, продаже и сдаче в аренду недвижимого имущества и т. д. [2]. При этом очевидно, что формой получения согласия служит правоприменительный акт, издаваемый органом государственной власти или местного самоуправления. В частности, примером такого акта может стать распоряжение органа государственной власти. Вместе с тем ФЗ № 161-ФЗ предусмотрено, что собственник имущества унитарного предприятия в отношении указанного предприятия согласовывает прием на работу главного бухгалтера унитарного предприятия (ст. 20 ФЗ № 161-ФЗ), создание филиалов и открытие представительств унитарного предприятия (ст. 5 ФЗ № 161-ФЗ) и др. Такое «согласование» также будет выражено в виде документа – приказа или распоряжения уполномоченного органа. Пример иллюстрирует, что часто законодатель, используя термины «согласие» и «согласование», не проводит четких различий при употреблении этих терминов.

В свою очередь, при анализе взаимосвязи между «согласием» и «согласованием» важно учитывать, что данные концепции могут быть соотнесены следующим образом:

- согласие выступает итогом процесса согласования;
- согласие в виде акта-документа может служить внешним проявлением процедуры согласования;
- внутреннее согласие субъекта, осуществляющего согласование, с объектом согласования является базой для успешного согласования.

Доктринальный анализ соотношения терминов «согласие», «консенсус» и «согласование» в праве позволяет выделить следующие признаки согласия:

- согласие в сфере права всегда характеризуется специальным субъектным составом,

это означает, что согласие на совершение юридически значимых действий может быть выражено / дано только субъектом, чье согласие необходимо, в чьих полномочиях есть такая компетенция;

- согласие может быть запрошено / получено только субъектом, имеющим на это право и обладающим специальными квалифицирующими признаками;

- согласие в любом виде деятельности представляет собой волеизъявление лица;

- цель согласия заключается в предоставлении субъектам права возможности совершения определенных действий по согласованию (возможно, осуществляемых через достижение компромисса);

- внешняя форма согласия должна соответствовать особым технико-юридическим требованиям, в том числе установленной форме объективации, требуемому сроку выдачи и действия согласия, закреплённой процедуре выражения согласия.

Для единообразного понимания согласия необходимо закрепить общее понятие данного термина в общеправовом смысле. Представляется возможным в самом общем виде определить *согласие как зафиксированный в предусмотренном законодательством порядке акт волеизъявления управомоченного субъекта относительно собственных деяний или деяний третьих лиц, проявляющийся и формализующийся с учетом специальных технико-юридических требований в специальных формах юридического документа, правового акта, действиях по согласованию (возможно, осуществляемых через достижение компромисса) либо в правомерном бездействии.*

Очевидно, что отличие терминов «согласие», «консенсус» и «согласование» не получило комплексного теоретического осмысления и отражения в национальной правовой доктрине и законодательстве, что детерминирует как прямо, так и опосредованно проблемы властной и невластной реализации права. Для позитивного разрешения ситуации необходимо обоснованное, системное, унифицированное, корректное использование этих понятий в нормативных правовых актах и правовых актах в целом. Для достижения этой цели тре-

буется полноценное научное осмысление, разработка доктринальных и законодательных дефиниций, повышение качества юридической техники принимаемых нормативных правовых актов, что в конечном итоге приведет к повышению эффективности современной юридической практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожокар, И. П. Правовой консенсус: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кожокар Игорь Петрович. – Саратов, 2005. – 26 с.
2. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 48. – Ст. 4746.
3. О порядке согласования назначения кандидатур на должность и освобождения от должности отдельных должностных лиц в городе Москве : закон г. Москвы от 20 декабря 2000 г. № 45 // Тверская, 13. – 2001. – № 5 (31 янв. – 6 февр.).
4. Парфенов, А. В. К вопросу об условиях правового компромисса / А. В. Парфенов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 3 (51). – С. 57–64. – DOI: 10.36511/2078-5356-2020-3-57-64
5. Раченкова, О. Н. Согласование юридических актов как общеправовое понятие / О. Н. Раченкова // Юристь-Правоведь. – 2017. – № 1 (80). – С. 11–15.
6. Самойлов, Е. А. Консенсуальные правоотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Самойлов Евгений Александрович. – СПб., 2004. – 25 с.
7. Шабашов, Е. А. Юридическое согласование: ценностно-правовой аспект / Е. А. Шабашов // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 108–113. – DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-108-113

REFERENCES

1. Kozhokar I.P. *Pravovoj konsensus: obshcheteoreticheskij analiz: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal Consensus: General Theoretical Analysis. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2005. 26 p.
2. O gosudarstvennykh i munitsipalnykh unitarnykh predpriyatiyakh: feder. zakon ot 14 noyabrya 2002 g. № 161-FZ [On State and Municipal Unitary Enterprises. Federal Law No. 161-FZ of 14.11.2002]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 48, art. 4746.
3. O poryadke soglasovaniya naznacheniya kandidatur na dolzhnost i osvobozhdeniya ot dolzhnosti otelnykh dolzhnostnykh lits v gorode Moskve: zakon g. Moskvyy ot 20 dekabrya 2000 g. № 45 [On the Procedure for Coordinating the Appointment of Candidates to Positions and Dismissal from Positions of Individual Officials in the City of Moscow. Law of the City of Moscow of December 20, 2000, No. 45]. *Tverskaya, 13*, 2001, no. 5 (Jan. 31 – Feb. 6).
4. Parfenov A.V. K voprosu ob usloviyakh pravovogo kompromissa [On the Issue of the Conditions of a Legal Compromise]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 3 (51), pp. 57-64. DOI: 10.36511/2078-5356-2020-3-57-64
5. Rachenkova O.N. Soglasovaniye yuridicheskikh aktov kak obshchepравovoye ponyatiye [Coordination of Legal Acts as a General Legal Concept]. *Jurist-Pravoved*, 2017, no. 1 (80), pp. 11-15.
6. Samojlov E.A. *Konsensualnye pravootnosheniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Consensual Legal Relations. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2004. 25 p.
7. Shabashov E.A. Yuridicheskoye soglasovaniye: tsennostno-pravovoy aspekt [Legal Coordination: Value and Legal Aspect]. *Iuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 4, pp. 108-113. DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-4-108-113

Information About the Author

Kristina V. Suddenok, Postgraduate Student, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603022 Nizhny Novgorod, Russian Federation; Lawyer, Law Firm No. 2, Nizhny Novgorod Regional Bar Association, Rodionova St, 23/1, 603093 Nizhny Novgorod, Russian Federation, k.suddenok@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-8617-3479>

Информация об авторе

Кристина Васильевна Судденок, аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603022 г. Нижний Новгород, Российская Федерация; адвокат адвокатской конторы № 2, Нижегородская областная коллегия адвокатов, ул. Родионова, 23/1, 603093 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, k.suddenok@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-8617-3479>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.6>

UDC 34.096

LBC 67.4

Submitted: 14.05.2025

Accepted: 04.07.2025

REVISITING PERSONAL DATA PROTECTION IN THE CONTEXT OF THE METAVERSE

Maxim S. Sitnikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: it is impossible to imagine a full-fledged life of a modern person outside of his communication with the digital space. Today, an innovative phenomenon of immersive digital space, the metaverse, is at the stage of scientific and practical comprehension. The creation of a secure infrastructure for the functioning of the metaverse should provide an effective mechanism for legal regulation. The issue of protecting users' personal data in the metaverse finds the greatest response among Russian and foreign scientists. The lack of a clearly defined position on the issue does not allow talking about the further development of the legal regulation of the metaverse sphere. The Russian legal doctrine contains few large-scale scientific papers on the issue of personal data in the context of the metaverse. This area is often mentioned only indirectly as one of the promising areas of legal regulation. The **purpose** of the study is to identify the problematic areas of ensuring the protection of users' personal data within the metaverse based on Russian law. **Methods:** the methodological system of research is formed by such methods as, in particular, formal legal analysis, synthesis, forecasting, and dialectical materialism. **Results:** the innovative information objects in the metaverse (digital avatar, iris) are identified, which can be considered as personal data of users; one of the possible solutions for ensuring the protection of personal data within the metaverse is identified through increasing digital literacy in managing one's own data.

Key words: metaverse, personal data, virtual reality, digital avatar, gaze tracking, confidentiality of identity, digital literacy, information security.

Citation. Sitnikov M.S. Revisiting Personal Data Protection in the Context of the Metaverse. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 45-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.6>

УДК 34.096

ББК 67.4

Дата поступления статьи: 14.05.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ МЕТАВСЕЛЕННОЙ

Максим Сергеевич Ситников

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: полноценную жизнь современного человека невозможно представить вне его коммуникации с цифровым пространством. Сегодня на стадии научно-практического осмысления находится инновационный феномен иммерсивного цифрового пространства – метавселенная. Создание безопасной инфраструктуры для функционирования метавселенной должно обеспечиваться через эффективный механизм правового регулирования. Наибольший отклик у российских и зарубежных ученых находит вопрос охраны персональных данных пользователей в метавселенной. Отсутствие четко обозначенной позиции по данному вопросу не позволяет говорить о дальнейшем развитии правового регулирования сферы метавселенной. В российской правовой доктрине представлено немного масштабных научных работ по проблематике персональных данных в контексте метавселенной. Нередко эта сфера упоминается лишь косвенно как одно из

перспективных направлений правового регулирования. **Цель исследования:** определить проблемные участки обеспечения защиты персональных данных пользователей внутри метавселенной с опорой на российское право. **Методология:** методологическую систему исследования образуют такие методы, как формально-юридический, анализ, синтез, прогнозирование, диалектический материализм. **Результаты:** выявлены инновационные информационные объекты в метавселенной (цифровой аватар, радужная сетчатка глаза), которые можно рассматривать в качестве персональных данных пользователей; определен один из возможных вариантов решения об обеспечении защиты персональных данных в рамках метавселенной через повышение цифровой грамотности по управлению собственными данными.

Ключевые слова: метавселенная, персональные данные, виртуальная реальность, цифровой аватар, отслеживание взгляда, конфиденциальность личности, цифровая грамотность, информационная безопасность.

Цитирование. Ситников М. С. К вопросу об охране персональных данных в условиях метавселенной // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 45–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.6>

Введение

С приходом в жизнь общества цифровых технологий тематика защиты персональных данных приобрела новые краски актуальности. В этой связи ученых интересуют следующие вопросы об особенностях: применения искусственного интеллекта при обработке персональных данных [5], правовой защиты персональных данных в сфере здравоохранения [21], взаимосвязи между законодательством о защите данных и законодательством о цифровой торговле [22], правовой защиты персональных данных в сфере банковской деятельности [4; 11], а также рассмотрение тематики персональных данных в контексте больших данных [13] и др. Вместе с тем наименее изученной областью соприкосновения с тематикой персональных данных является метавселенная.

Относительно юридического характера метавселенной стоит сказать, что сегодня наметилось два подхода к пониманию данного феномена: узкий и широкий. При узком подходе метавселенная трактуется как информационная система, в рамках которой возможен оборот цифровых прав [3, с. 54]. В широком подходе о метавселенной следует говорить как «о виртуальном информационном пространстве, имитирующем реальную действительность и созданном с использованием средств электронно-вычислительной техники и информационных технологий, в рамках которого обеспечивается возможность реализации тех или иных потребностей и интересов субъектов посредством использования аватаров и

иных цифровых профилей и моделей» [7, с. 96]. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, однако автор данной работы полагает, что более подходящим по объему является широкий подход к пониманию метавселенной. В общем виде ее можно представить как иммерсивное виртуальное онлайн-пространство со встроенными механизмами социально-экономического взаимодействия.

В современных реалиях модель метавселенной не имеет своего полноценного воплощения ввиду пока еще недостаточных технологических мощностей. Вместе с тем нельзя отрицать успешность некоторых существующих прототипов метавселенных – к примеру, это касается игровой платформы Roblox, аудитория которой исчисляется сотнями миллионов людей. Это является причиной интеграции многих индустрий в мир Roblox. Кроме этого, ряд государств проявляет внимание к развитию метавселенной. В этой связи интересен опыт Китая, где принята стратегия развития национальных метавселенных. Относительно Китая ученые говорят о необходимости правовой трансформации отдельных правовых институтов, один из которых связан с охраной персональных данных пользователей [2, с. 157].

Персональные данные в метавселенной: миф или недалекая реальность?

С возрастанием внимания к тематике метавселенной одна из самых упоминаемых учеными проблем сводится к защите персональных данных. Коллектив зарубежных ученых пришел к выводу о необходимости соблю-

дения человекоориентированного подхода при введении в действие идентификации в метавселенной и предложил возможный вариант по данному вопросу через использование модели самоуправляемой идентификации [25]. Специалисты из Великобритании обратили внимание на вопрос об особенностях применения технологий искусственного интеллекта при работе с персональными данными в метавселенной [30]. Азиатские ученые полагают, что объектом защиты конфиденциальности являются не сами данные, а автономия и целостность построения цифровой идентичности пользователя в метавселенной [31]. В ряде российских исследований подчеркивается важность совершенствования законодательства о персональных данных при развитии направления метавселенной. Так, Э.И. Лескина указывает, что при интеграции метавселенной в общественную жизнедеятельность возникают новые угрозы, связанные с особенностями сбора и обработки персональных данных, а также их утечкой [6, с. 6]. В свою очередь И.А. Филипова допускает возможность закрепления права на защиту персональных данных на конституционном уровне, в том числе по причине возрастающего уровня погружения в метавселенную [10, с. 18]. Кроме того, существуют исследования, в которых проблематика защиты персональных данных раскрывается через призму конкретной сферы использования метавселенной. В данном случае особый интерес вызывает публикация А.В. Минбалева и Е.В. Титовой, посвященная вопросам проведения спортивных мероприятий в метавселенной в контексте права. Один из рассматриваемых учеными вопросов сводится к защите персональных данных [8, с. 139].

В период с 2021 по 2023 г. при Международном союзе электросвязи ООН функционировала особая фокус-группа по вопросам развития метавселенной, которая включала в себя 9 подгрупп в зависимости от специфики тематики вопросов. Группой № 6, работающей над вопросами информационной безопасности, был выпущен отчет, посвященный обеспечению контроля за информацией, позволяющей идентифицировать личность при разработке метавселенной. Общий вывод таков: при развитии метавселенной один из главных вопросов ее безопасного функционирования

сводится к созданию эффективной модели защиты конфиденциальных данных пользователей, которая будет основана на децентрализованных протоколах, управляемых самими пользователями¹.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ под персональными данными следует понимать любую информацию, относящуюся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу. При обращении к тематике персональных данных в контексте метавселенной целесообразно начать с исследования вопроса о том, какую информацию следует считать персонализированной. В этой связи предлагается обратиться к правовой природе цифрового аватара, в образе которого пользователь представлен в метавселенной.

Безусловный интерес вызывает точка зрения Б.Ч. Чонга, согласно которой цифровой аватар нельзя приравнять к традиционному понятию личности. Им аргументируется позиция о необходимости создания отдельной искусственной личности. Б.Ч. Чонг предлагает придать цифровым аватарам отдельный правовой статус – юридического лица [18, р. 493–494]. Более амбициозным выглядит другое исследование автора, где были проанализированы правовые особенности цифровых аватаров в метавселенной, созданных искусственным интеллектом. Отмечается, что «по мере того как ИИ-аватары становятся все более сложными, автономными и развиваются как неотъемлемая часть функционирования метавселенной, крайне важно создать четкие рамки для их правового статуса, прав и обязанностей» [12, с. 873]. На сегодняшний день трудно комплексно оценить предлагаемые ученым варианты дальнейшего развития концепции цифрового аватара в метавселенной. Стоит сказать, что некоторые исследователи разделяют позицию относительно правосубъектности цифрового аватара. Так, С.М.Р. Новаль полагает, что идея предоставления аватарам юридической личности является интересной концепцией, поскольку она может расширить толкование правовых отношений между пользователями и владельцами аватаров при выполнении ими своих действий в метавселенной [27, р. 254].

В научном сообществе имеются в корне противоположные позиции. Так, Л.М. Арисменди Менгуаль отмечает, что сегодня между субъектной и вещной природой цифрового аватара в метавселенной превалирующее значение должно отдаваться последней [16, р. 129]. С упором на российское законодательство правовой режим цифровых аватаров в метавселенной рассматривают В.В. Саркисян и И.В. Федорова, которые придерживаются позиции о трактовке цифрового аватара через призму особого объекта цифрового права [9, с. 116].

В условиях метавселенной поведение пользователя проецируется в цифровом аватаре. В этой связи возникает возможность реализации противоправных актов внутри метавселенной. Данное обстоятельство уже имеет место на практике. Так, весьма интересен случай виртуального харассмента через «ощупывание» цифрового аватара². Несмотря на кажущуюся абсурдность приведенного примера, тематика интересует некоторых ученых. Так, О. Беллини указала, что криминализация сексуального насилия с использованием цифрового аватара является универсальным решением, с учетом того что последствия виртуального сексуального насилия негативным образом отражаются на психическом здоровье. Преступление в этой сфере в метавселенной должно включать в себя следующие элементы: виртуальный сексуальный контакт или поведение, отсутствие согласия и эмоциональный вред [17, р. 113]. Несколько схожим образом выглядит позиция К. Макглинн и К. Риготти, которые полагают, что концепция метаизнасилования становится вызовом для защиты потенциальных жертв через совершенствование действующего законодательства [24, р. 29]. Стоит сказать, что помимо преступлений сексуального характера нетрудно смоделировать ситуации с другого рода правонарушениями (буллинг, диффамация и др.).

Наличие возможности совершения противоправных деяний в метавселенной ставит во главу угла проблему идентификации и аутентификации пользователей, что, по мнению ученых, возможно сделать через собственного аватара в метавселенной [20, р. 25–28]. Для реализации этой идеи необходимо обеспечить идентифицируемость цифрового аватара по

отношению к конкретному пользователю, то есть определить индивидуальные признаки цифрового аватара, которые позволяют отождествить его с пользователем. Ввиду этого возникает явная и недвусмысленная связь со сферой персональных данных. Здесь весьма уместно использование собирательной категории «цифровой образ». Как указывает В.О. Демкин, цифровой образ личности представляет собой совокупность персональных данных, составляющих слепок личности [19, р. 525]. При рассмотрении цифрового образа аватара в качестве персональных данных стоит учитывать, что, по всей вероятности, в нем должны сочетаться элементы физического, то есть реального образа человека. В этом контексте под физическим образом человека можно понимать объективные представления о его внешних характеристиках: форме головы, тела, лица, ушей, особенностях голоса и др. Таким образом, целесообразным выглядит предположение о том, что цифровой аватар пользователя должен содержать его важнейшие внешние характеристики.

Существующий инструментарий в отдельных многопользовательских играх позволяет сформировать лицо игрового персонажа через сканирование физического образа лица. Не исключено, что с течением времени эта функция будет доступна в метавселенной. При таком подходе вполне возможно признать цифровой аватар в метавселенной как одну из составляющих персональных данных. Стоит заметить, что здесь может возникнуть проблема подлинности сканируемого лица. Сегодня успешно применяется модель оплаты приобретаемой продукции через сканирование лицевого образа человека («Сбер» – оплата улыбкой). Разработчики заявляют, что подменить личность, например через предоставление видео или фото другого человека, нельзя. В этой связи думается, что данная технологическая новация, вероятно, станет основой создания человеческого образа цифрового аватара метавселенной.

Выше были приведены точки зрения различных ученых относительно правового режима аватара в метавселенной. Ученые полагают, что аватар может иметь признаки оборотоспособного объекта. Возникает явная конфронтация, поскольку при интеграции в

«тело» цифрового аватара индивидуализирующих признаков пользователя его нельзя рассматривать в качестве оборотоспособного объекта. В таком случае об аватаре следует говорить не как об обычном игровом персонаже, а как о части личности, существующей в цифровом пространстве.

Избежать столкновения позиций возможно через предоставление пользователю права изменять правовой режим собственного аватара. Если пользователь изъявит желание сделать аватар «по своему подобию», отсканировав собственное лицо, то, следовательно, изменится режим аватара с обычного и оборотоспособного на персонифицированный и необоротоспособный. Об этом обстоятельстве пользователь должен быть прямо и недвусмысленно уведомлен при совершении акта цифровой трансформации своего аватара.

Возникает вопрос о причинах возникновения желания у пользователя идентифицировать аватар через сканирование собственного лица. Здесь стоит сказать, что кроме психологических причин, к которым относится в том числе демонстративное желание показать собственную индивидуальность, можно выделить и другие, как кажется, более значимые мотивы. Развитие направления метавселенной в перспективе будет иметь широкий финансовый потенциал. Речь идет о возможности приобретения различной продукции внутри виртуального пространства. В этой связи для подтверждения факта оплаты можно использовать самого аватара, данные о котором будут закреплены в банке, деятельность которого будет распространяться на метавселенную. Можно привести другой пример. В Южной Корее в качестве бета-эксперимента был запущен проект Metaverse Seoul, одна из функций которого предполагает получение государственных услуг внутри этого цифрового пространства. В настоящее время трудно найти данные об успехе реализации подобной инициативы, однако, обращаясь к заголовкам официальных ведомств трех-четырёхлетней давности, можно обнаружить информацию об общем порядке обозначенного процесса. Так, отмечается, что на одной из локаций Metaverse Seoul должно было базироваться виртуальное здание государственной службы, официальные аватары которой помогают посетителям в

консультации и подаче жалобы³. В данном случае допускается ситуация, что для получения какой-то государственной услуги пользователь может идентифицировать себя через собственного аватара.

Следующая форма проявления информации выражена в сетчатке глаза. Известно, что сетчатка глаза у каждого человека имеет собственные индивидуальные черты. В этой связи не должно возникать сомнений относительно ее правового режима.

Уже не первый год в науке исследуется вопрос о возможности и практической полезности отслеживания взгляда при использовании гарнитуры виртуальной реальности. Так, немецкие ученые отметили, что гарнитура виртуальной реальности HTC Vive Pro Eye является эффективным устройством для отслеживания движения глаз. Это в дальнейшем позволит проводить эксперименты в виртуальных средах [29]. Американские ученые на основе анализа литературы установили, что отслеживание движения глаз таит в себе большие возможности, связанные с идентификацией и аутентификацией, улучшением пользовательского опыта и диагностикой лечения. В этой связи они полагают, что отслеживание движения глаз может стать стандартной функцией для потребительских VR-гарнитур [15, р. 1499].

Одним из важнейших свойств метавселенной является иммерсивность, обеспечиваемая за счет применения гарнитуры виртуальной / дополненной реальности. Разумеется, на сегодняшний день оборот рынка гарнитуры виртуальной / дополненной реальности не показывает высоких цифр, однако благодаря уникальному опыту ее использования можно допустить мысль, что в ближайшее время объемы продаж и, следовательно, производства вырастут.

Нельзя исключать благоприятных последствий отслеживания движения глаз в условиях метавселенной – улучшение пользовательского опыта (работа с интерфейсом, переключение виртуальных локаций, поиск нужной информации, снижение давления на глаза и др.). Кроме того, исследование сетчатки глаза в условиях метавселенной может привести к успешным результатам в офтальмологии. На это указали в своем исследовании американские ученые Дж. Онг, С.М. Харип-

расад и Дж. Чаблани [28, р. 599]. Вместе с массовым распространением гарнитуры виртуальной / дополненной реальности возрастет необходимость в создании безопасной среды по обороту информации о радужной сетчатке глаза. В этой связи весьма интересным представляется исследование Р. Коха, где им было отмечено, что технология отслеживания движения глаз будет иметь важное значение для реализации полного потенциала погружения в метавселенную: использоваться в виртуальной реальности (через гарнитуру виртуальной / дополненной реальности) для улавливания эмоций и реакций с возможностью их перевода в анимацию аватара. Р. Кох говорит, что главные флагманы, занимающиеся разработками метавселенной, смогут собирать огромное количество персонифицированной информации через отслеживание сетчатки глаза [23, р. 121–125].

Возможность отслеживания движения глаз позволяет выявить еще один вопрос, связанный с защитой персональных данных. В этом случае автор хочет сказать о таком феномене, как cookie-файлы. По своей сущности cookie-файлы представляют собой текстовую информацию о посещаемых пользователями веб-сайтах в сети Интернет. Помимо общих сведений, среди которых выделяются, например, время входа на сайт, просматриваемая информация, географическое расположение пользователя, сведения об устройстве, cookie-файлы могут содержать личную информацию, оставленную на просторах Всемирной паутины: номер мобильного телефона, Ф. И. О., место работы / учебы и др. Поскольку в своей совокупности cookie-файлы позволяют идентифицировать пользователя, то видится весьма обоснованным считать их персональными данными. Все пользователи волей-неволей при использовании различных интернет-порталов сталкиваются с всплывающими окнами, в которых их просят дать разрешение на сбор cookie-файлов.

Ввиду явной необходимости в правовой защите процесса сбора и обработки cookie-файлов учеными предлагаются различные варианты совершенствования данного процесса. Преимущественно к настоящей работе определен интерес вызывает точка зрения голландских исследователей, которые при-

шли к выводу о возможности развития грамотности самих пользователей в предоставлении согласия на сбор cookie-файлов [26]. Целесообразность упоминания данной позиции в настоящем исследовании обуславливается возможностью распространения обозначенной позиции в рамках метавселенной.

Результаты

Ученым коллективом, частью которого стал автор данной работы, была установлена возможность развития института финансовой грамотности в метавселенной: «Мы полагаем, что достижение поставленного результата будет выражаться в создании условий, при которых лицо сможет ощутить всю необходимость постоянного совершенствования собственных финансовых компетенций и формирования финансовой культуры. Если говорить несколько конкретнее, то было бы отлично смоделировать конкретную ситуацию или их совокупность, где за счет игровых механик и самостоятельных решений человека будет зависеть исходный результат» [1, с. 272]. Аналогичным образом можно было бы в самой метавселенной / ее прототипах реализовывать программы по повышению грамотности пользователей по защите собственных данных. В этом случае стоит обратить внимание на такое явление, как цифровая грамотность, под которой понимается наличие необходимых компетенций в безопасном и эффективном использовании человеком инфраструктуры цифрового пространства.

В доктрине отмечается, что с 2013 г. увеличивается массив литературы, посвященной разным аспектам цифровой грамотности, что, вероятнее всего, объясняется развитием цифровых технологий. Один из ключевых выводов исследования предполагает выработку отдельных тематик проявления цифровой грамотности ввиду комплексного характера данного феномена – к примеру, цифровая грамотность при использовании искусственного интеллекта и дронов [14]. В этой связи видится возможной разработка направления цифровой грамотности, подразумевающей формирование у человека знаний и компетенций в отношении защиты собственных персональных данных. Стоит учитывать, что аудитория су-

существующих прототипов метавселенных (например, в Roblox, согласно информации от немецкой корпорации Statista, возраст подавляющей части пользователей не превышает 24 года⁴) представлена молодыми поколениями Z и альфа, которые в силу своих психологических особенностей не всегда уделяют внимание защите своих данных.

Выработка у молодого поколения необходимых знаний и компетенций в управлении своими данными в метавселенной позволит реализовать идею интеграции децентрализованных протоколов, которая, по указанному ранее мнению фокус-группы, является одним из возможных вариантов решения проблематики защиты персональных данных.

Выводы

Несмотря на несколько снижавшийся ажиотаж вокруг феномена метавселенной, ученые продолжают его активное исследование. Одна из самых актуальных проблем, которая вызывает наибольший интерес среди ученых, сводится к защите персональных данных пользователей метавселенной. Выявлено два ключевых объекта, которые в условиях метавселенной можно рассматривать в качестве персональных данных: цифровой аватар пользователя при условии наличия у аватара персонифицированных признаков пользователя и радужная сетчатка глаза. Кроме того, автором установлено, что отслеживание движения глаз в метавселенной с помощью функциональности гарнитуры виртуальной реальности позволяет по-новому взглянуть на защиту cookie-файлов.

Из отчета фокус-группы по метавселенным при Международном союзе электросвязи ООН следует, что возможный вариант обеспечения защиты персональных данных в метавселенной заключается в создании и функционировании децентрализованных протоколов данных. Поскольку предполагаемая аудитория метавселенной (поколения Z и альфа) часто не обладает необходимыми знаниями и компетенциями в управлении собственными персональными данными, представляется необходимым развивать программы по цифровой грамотности внутри метавселенной / ее прототипов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Embedding Safety Standards and the User Control of Personally Identifiable Information (PII) in the Development of the Metaverse (2023). URL: <http://handle.itu.int/11.1002/pub/822e22ae-en>

² The Metaverse Has a Groping Problem Already. A Woman Was Sexually Harassed on Meta's VR Social Media Platform. She's not the First and Won't be the Last (2021). URL: <https://www.technologyreview.com/2021/12/16/1042516/the-metaverse-has-a-groping-problem/>

³ Власти Сеула предложат новую концепцию госуслуг (2021). URL: <https://rg.ru/2021/11/15/vlasti-seula-predlozhat-novuiu-koncepciiu-gosuslug.html>

⁴ Distribution of Roblox Audiences Worldwide as of December 2024, by Age Group (2024). URL: <https://www.statista.com/statistics/1190869/roblox-games-users-global-distribution-age/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боков, Ю. А. Финансовая грамотность цифровых граждан в метавселенных: фантастика или недалекое будущее? / Ю. А. Боков, С. М. Миронова, М. С. Ситников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». – 2025. – Т. 29, № 1. – С. 255–279. – DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-1-255-279

2. Будник, Р. А. Правотворческий импульс метавселенной Китая / Р. А. Будник, А. А. Тедеев, Ч. Чжань // Государство и право. – 2024. – № 12. – С. 146–159. – DOI: 10.31857/S1026945224120146

3. Евсиков, К. С. Метавселенные как новый объект регулирования для информационного права / К. С. Евсиков // Труды по интеллектуальной собственности. – 2023. – Т. 44, № 1. – С. 47–57. – DOI: 10.17323/tis.2023.16880

4. Казаченок, О. П. Воздействие цифровых технологий на правовой режим защиты персональных данных в банковской деятельности / О. П. Казаченок // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 99–104. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.15

5. Ковалева, Н. Н. Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта / Н. Н. Ковалева, Н. А. Жирнова // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 7. – С. 109–121. – DOI: 10.61205/S160565900027561-1

6. Лескина, Э. И. Метавселенная и задачи в области правового регулирования данных / Э. И. Лескина // Юрист. – 2023. – № 3. – С. 2–7. – DOI: 10.18572/1812-3929-2023-3-2-7

7. Минбалева, А. В. Понятие и правовая природа метавселенной / А. В. Минбалева // Вестник

Московского университета. Серия 26, Государственный аудит. – 2023. – № 3. – С. 88–98. – DOI: 10.55959/MSU2413-631X-26-14-3-08

8. Минбалеев, А. В. Правовые проблемы и риски проведения спортивных мероприятий в метавселенной / А. В. Минбалеев, Е. В. Титова // Человек. Спорт. Медицина. – 2023. – Т. 23, № S1. – С. 136–142. – DOI: 10.14529/hsm23s119

9. Саркисян, В. В. К вопросу о правосубъектности аватара в метавселенной / В. В. Саркисян, И. В. Федорова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 114–119. – DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-1-13

10. Филипова, И. А. Создание метавселенной: последствия для экономики, социума и права / И. А. Филипова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 7–32. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.1

11. Цокур, Е. Ф. Влияние цифровизации на институт персональных данных в банковской сфере / Е. Ф. Цокур // Банковское право. – 2023. – № 4. – С. 64–68. – DOI: 10.18572/1812-3945-2023-4-64-68

12. Чонг, Б. Ч. Возникновение аватаров на основе искусственного интеллекта: юридическая субъектность, права и обязанности в развивающейся метавселенной / Б. Ч. Чонг // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 4. – С. 857–885. – DOI: 10.21202/jdtl.2024.42

13. Чурилов, А. Ю. Проблемы правового регулирования Больших данных / А. Ю. Чурилов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 155–160. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.3.23

14. A Systematic Review on Digital Literacy / H. Tinmaz, Y.-T. Lee, M. Fanea-Ivanovici, H. Baber // Smart Learning Environments. – 2022. – Vol. 9, № 1. – P. 21. – DOI: 10.1186/s40561-022-00204-y

15. Adhanom, I. B. Eye Tracking in Virtual Reality: aBroad Review of Applications and Challenges / I. B. Adhanom, P. MacNeilage, E. Folmer // Virtual Reality. – 2023. – Vol. 27, № 2. – P. 1481–1505. – DOI: 10.1007/s10055-022-00738-z

16. Arismendy Mengual, L. M. Legal Status for Avatars in the Metaverse from a Private Law Perspective / L. M. Arismendy Mengual // InDret. – 2024. – № 2. – P. 102–135. – DOI: 10.31009/InDret.2024.i2.03

17. Bellini, O. Virtual Justice: Criminalizing Avatar Sexual Assault in Metaverse Spaces / O. Bellini // Mitchell Hamline L. Rev. – 2024. – Vol. 50. – P. 75–115.

18. Cheong, B. C. Avatars in the Metaverse: Potential Legal Issues and Remedies / B. C. Cheong // International Cybersecurity Law Review. – 2022. – Vol. 3, № 2. – P. 467–494. – DOI: 10.1365/s43439-022-00056-9

19. Demkin, V. O. Digital Identity and Digital Image of an Individual: Legal Characteristics and the Place

in the System of Related Categories // RUDN Journal of Law. – 2024. – Vol. 28, № 3. – P. 512–527. – DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527

20. Ebers, M. Avatars and the Protection of Digital Identities in the Metaverse : Research Paper # 3 / M. Ebers // MetaverseUA Chair. – URL: <https://metaversechair.ua/es/working-papers/>

21. Gerybaite, A. Exploring Regulatory Interplay in the Health Internet of Everything: Digital Health Technologies, Data Protection and Cybersecurity / A. Gerybaite // European Journal of Health Law. – 2023. – Vol. 30, № 5. – P. 533–549. – DOI: 10.1163/15718093-bja10110

22. Gyanchandani, V. Cross-Border Flow of Personal Data (Digital Trade) Ought to Have Data Protection / V. Gyanchandani // Journal of Data Protection & Privacy. – 2024. – Vol. 7, № 1. – P. 61–79. – DOI: 10.69554/FNCP3521

23. Koch, R. What Are You Looking at? Emergency Privacy Concerns with Eye Tracking in Virtual Reality / R. Koch // Colorado Technology Law Journal. – 2023. – Vol. 21. – P. 109–140.

24. McGlynn, C. From Virtual Rape to Meta-Rape: Sexual Violence, Criminal Law and the Metaverse / C. McGlynn, C. Rigotti // Oxford Journal of Legal Studies. – 2025. – Vol. 20, № 20. – P. 1–29. – DOI: 10.1093/ojls/gqaf009

25. Metassi: a Framework for Personal Data Protection, Enhanced Cybersecurity and Privacy in Metaverse Virtual Reality Platforms / F. Fiaz, S. M. Sajjad, Z. Iqbal [et al.] // Future Internet. – 2024. – Vol. 16, № 5. – P. 176. – DOI: 10.3390/fi16050176

26. No to Cookies: Empowering Impact of Technical and Legal Knowledge on Rejecting Tracking Cookies / J. Strycharz, E. G. Smit, N. Helberger, G. van Noort // Computers in Human Behavior. – 2021. – Vol. 120. – P. 106750. – DOI: 10.1016/j.chb.2021.106750

27. Noval, S. M. R. Metaverse, Avatar and Illusion of Lawless World: Rethinking Boundaries in Virtual World / S. M. R. Noval // Proceedings of the International Seminar on Border Region (INTSOB 2023). [S. l.] : Atlantis Press. – 2024. – P. 249–258. – DOI: 10.2991/978-2-38476-208-8_29

28. Ong, J. Into the Retinaverse: A New Frontier of Retina in the Metaverse / J. Ong, S. M. Hariprasad, J. Chhablani // Ophthalmic Surgery, Lasers and Imaging Retina. – 2022. – Vol. 53, № 11. – P. 595–600. – DOI: 10.3928/23258160-20221017-01

29. Schuetz, I. Eye Tracking in Virtual Reality: Vive pro Eye Spatial Accuracy, Precision, and Calibration Reliability / I. Schuetz, K. Fiehler // Journal of Eye Movement Research. – 2022. – Vol. 15, № 3. – P. 15. – DOI: 10.16910/jemr.15.3.3

30. Simoes, S. AI and Personal Data in the Metaverse: a Risk Assessment / S. Simoes, J. M. Del Rincyn, G. McWilliams // 2024 IEEE Smart World Congress. – 2024. – P. 2230–2237. – DOI: 10.1109/SWC62898.2024.00340

31. Wu, H. Digital Identity, Privacy Security, and Their Legal Safeguards in the Metaverse / H. Wu, W. Zhang // Security and Safety. – 2023. – Vol. 2. – P. 2023011. – DOI: 10.1051/sands/2023011

REFERENCES

1. Bokov Yu.A., Mironova S.M., Sitnikov M.S. Finansovaya gramotnost tsifrovyykh grazhdan v metavselennykh: fantastika ili nedalekoe budushchee? [Financial Literacy of Digital Citizens in the Metaverse: Reality or Fiction?]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki»* [RUDN Journal of Law], 2025, vol. 29, no. 1, pp. 255-279. DOI: 10.22363/2313-2337-2025-29-1-255-279
2. Budnik R.A., Tedeev A.A., Zhan Ch. Pravotvorcheskiy impuls metavselennoy Kitaya [The Lawmaking Impulse of China's Metaverse]. *Gosudarstvo i pravo*, 2024, no. 12, pp. 146-159. DOI: 10.31857/S1026945224120146
3. Evsikov K.S. Metavselennyye kak novyy obyekт regulirovaniya dlya informatsionnogo prava [Metaverses as a New Object of Regulation for Information Law]. *Trudy po intellektualnoy sobstvennosti* [Works on Intellectual Property], 2023, vol. 44, no. 1, pp. 47-57. DOI: 10.17323/tis.2023.16880
4. Kazachenok O.P. Vozdejstvie cifrovyykh tekhnologiy na pravovoy rezhim zashchity personalnykh dannykh v bankovskoy deyatel'nosti [The Impact of Digital Technologies on the Legal Regime for the Protection of Personal Data in Banking]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 99-104. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.15>
5. Kovaleva N.N., Zhirnova N.A. Problemy obespecheniya konfidentsialnosti personalnykh dannykh pri ispolzovanii system iskusstvennogo intellekta [Issues of Ensuring the Confidentiality of Personal Data When Using Artificial Intelligence Systems]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2024, vol. 28, no. 7, pp. 109-121. DOI: 10.61205/S160565900027561-1
6. Leskina E.I. Metavselennaya i zadachi v oblasti pravovogo regulirovaniya dannykh [Metaverse and Tasks in the Field of Data Regulation]. *Jurist*, 2023, no. 3, pp. 2-7. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-3-2-7
7. Minbaleev A.V. Ponyatie i pravovaya priroda metavselennoy [Concept and Legal Nature of Metaverse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26: Gosudarstvennyy audit* [Moscow State University Bulletin. Series 26. State Audit], 2023, no. 3, pp. 88-98. DOI: 10.55959/MSU2413-631X-26-14-3-08
8. Minbaleev A.V., Titova E.V. Pravovyye problemy i riski provedeniya sportivnykh meropriyatiy v metavselennoy [Legal Issues and Risks of Holding Sports Events in the Metaverse]. *Chelovek. Sport. Meditsina* [Human. Sport. Medicine], 2023, vol. 23, no. S1, pp. 136-142. DOI: 10.14529/hsm23s119
9. Sarkisyan V.V., Fedorova I.V. K voprosu o pravosubyektnosti avatara v metavselennoy [On the Issue of the Legal Personality of the Avatar in The Meta-Universe]. *Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of The Law Faculty Southern Federal University], 2023, vol. 10, no. 1, pp. 114-119. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-1-13
10. Filipova I.A. Sozdaniye metavselennoy: posledstviya dlya ekonomiki, sotsiuma i prava [Creation of Metaverse: Consequences for Economy, Society and Law]. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 7-32. DOI: 10.21202/jdtl.2023.1
11. Tsokur E.F. Vliyanie tsifrovizatsii na institut personalnykh dannykh v bankovskoy sfere [Impact of Digitization on Institution of Personal Data in Banking Sector]. *Bankovskoye pravo* [Banking Law], 2023, no. 4, pp. 64-68. DOI: 10.18572/1812-3945-2023-4-64-68
12. Chong B.Ch. Vozniknoveniye avatarov na osnove iskusstvennogo intellekta: yuridicheskaya subyektnost, prava i obyazannosti v razvivayushcheyasya metavselennoy [Emergence of Avatars Based on Artificial Intelligence: Legal Subjectivity, Rights and Duties in Developing Metaverse]. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2024, vol. 2, no. 4, pp. 857-885. DOI: 10.21202/jdtl.2024.42
13. Churilov A.Yu. Problemy pravovogo regulirovaniya Bolshih dannykh [The Problems of the Legal Regulation of Big Data]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 155-160. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.23>
14. Tinmaz H., Lee Y.-T., Fanea-Ivanovici M., Baber H. A Systematic Review on Digital Literacy. *Smart Learning Environments*, 2022, vol. 9, no. 1, p. 21. DOI: 10.1186/s40561-022-00204-y
15. Adhanom I.B., MacNeillage P., Folmer E. Eye Tracking in Virtual Reality: A Broad Review of Applications and Challenges. *Virtual Reality*, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 1481-1505. DOI: 10.1007/s10055-022-00738-z
16. Arismendy Mengual L.M. Legal Status for Avatars in the Metaverse from a Private Law Perspective. *InDret*, 2024, no. 2, pp. 102-135. DOI: 10.31009/InDret.2024.i2.03
17. Bellini O. Virtual Justice: Criminalizing Avatar Sexual Assault in Metaverse Spaces. *Mitchell Hamline L. Rev.*, 2024, vol. 50, pp. 75-115.
18. Cheong B.C. Avatars in the Metaverse: Potential Legal Issues and Remedies. *International Cybersecurity Law Review*, 2022, vol. 3, no. 2, pp. 467-494. DOI: 10.1365/s43439-022-00056-9
19. Demkin V.O. Digital Identity and Digital Image of an Individual: Legal Characteristics and Place in

System of Related Categories. *RUDN Journal of Law*, 2024, vol. 28, no. 3, pp. 512-527. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-3-512-527

20. Ebers M. Avatars and the Protection of Digital Identities in the Metaverse: Research Paper # 3. *MetaverseUA Chair*. URL: <https://metaversechair.ua.es/working-papers/>

21. Gerybaite A. Exploring Regulatory Interplay in the Health Internet of Everything: Digital Health Technologies, Data Protection and Cybersecurity. *European Journal of Health Law*, 2023, vol. 30, no. 5, pp. 533-549. DOI: 10.1163/15718093-bja10110

22. Gyanchandani V. Cross-Border Flow of Personal Data (Digital Trade) Ought to Have Data Protection. *Journal of Data Protection & Privacy*, 2024, vol. 7, no. 1, pp. 61-79. DOI: 10.69554/FNCP3521

23. Koch R. What Are You Looking At? Emergency Privacy Concerns with Eye Tracking in Virtual Reality. *Colorado Technology Law Journal*, 2023, vol. 21, pp. 109-140.

24. McGlynn C., Rigotti C. From Virtual Rape to Meta-Rape: Sexual Violence, Criminal Law and the Metaverse. *Oxford Journal of Legal Studies*, 2025, vol. 20, no. 20, pp. 1-29. DOI: 10.1093/ojls/gqaf009

25. Fiaz F., Sajjad S.M., Iqbal Z. et al. Metassi: A Framework for Personal Data Protection, Enhanced Cybersecurity and Privacy in Metaverse Virtual Reality Platforms. *Future Internet*, 2024, vol. 16, no. 5, p. 176. DOI: 10.3390/fi16050176

26. Strycharz J., Smit E.G., Helberger N., Noort G. van. No to Cookies: Empowering Impact of Technical and Legal Knowledge on Rejecting Tracking Cookies. *Computers in Human Behaviour*, 2021, vol. 120, p. 106750. DOI: 10.1016/j.chb.2021.106750

27. Noval S.M.R. Metaverse, Avatar and Illusion of Lawless World: Rethinking Boundaries in Virtual World. *Proceedings of the International Seminar on Border Region (INTSOB 2023)*. S.l., Atlantis Press, 2024, pp. 249-258. DOI: 10.2991/978-2-38476-208-8_29

28. Ong J., Hariprasad S.M., Chhablani J. Into the Retinaverse: A New Frontier of Retina in the Metaverse. *Ophthalmic Surgery, Lasers and Imaging Retina*, 2022, vol. 53, no. 11, pp. 595-600. DOI: 10.3928/23258160-20221017-01

29. Schuetz I., Fiehler K. Eye Tracking in Virtual Reality: Vive Pro Eye Spatial Accuracy, Precision, and Calibration Reliability. *Journal of Eye Movement Research*, 2022, vol. 15, no. 3, p. 15. DOI: 10.16910/jemr.15.3.3

30. Simoes S., Del Rincyn J.M., McWilliams G. AI and Personal Data in the Metaverse: A Risk Assessment. *2024 IEEE Smart World Congress*, 2024, pp. 2230-2237. DOI: 10.1109/SWC62898.2024.00340

31. Wu H., Zhang W. Digital Identity, Privacy Security, and Their Legal Safeguards in the Metaverse. *Security and Safety*, 2023, vol. 2, p. 2023011. DOI: 10.1051/sands/2023011

Information About the Author

Maxim S. Sitnikov, Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Assistant Lecturer, Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, sitnikov-ms@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-0295>

Информация об авторе

Максим Сергеевич Ситников, аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; ассистент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, sitnikov-ms@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7769-0295>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.7>

UDC 347.63
LBC 74.9

Submitted: 04.03.2025
Accepted: 04.07.2025

IDENTIFICATION OF PARENTS OF A CHILD CARRIED BY A SURROGATE MOTHER

Yanina Ya. Kayl

Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: parents in Russian traditional families include the mother and father of the child, that is, his closest relatives, who form the basis of the family. At the same time, there is no comprehensive study of the concept of parents in surrogacy. The author conducts a study of the concept of parents, the procedure for their identification in surrogacy, while focusing on judicial practice, whose analysis reveals the problems that arise in the field under study. The **purpose** of the study is to analyze the theory, scientific points of view and law enforcement practice of such an undefined term as “parents,” and the procedure for their identification under the surrogate program. **Methods:** induction, deduction, analysis and formal legal methods. **Results:** the author believes that such a category as “the concept of parents” and “the procedure for identification of parents” in surrogate relationships deserves special attention from scientists. **Conclusions:** in conditions of unclear legislative regulation of the relationship in question, the only thing that will help biological parents protect their rights is to competently draw up an agreement on the legal consequences after the birth of a child, on the rights and obligations of the parties to the agreement. Some specific proposals are also made to amend Article 48 of the Family Code of the Russian Federation.

Key words: children, identification of parents, surrogate program, surrogate mother, court decision, family law.

Citation. Kayl Ya. Ya. Identification of Parents of a Child Carried by a Surrogate Mother. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 55-61. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.7>

УДК 347.63
ББК 74.9

Дата поступления статьи: 04.03.2025
Дата принятия статьи: 04.07.2025

УСТАНОВЛЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ РЕБЕНКА, ВЫНОШЕННОГО СУРРОГАТНОЙ МАТЕРЬЮ

Янина Яковлевна Кайль

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: к родителям в русских традиционных семьях относятся мать и отец ребенка, то есть его самые ближайшие родственники, составляющие основу семьи. При этом комплексного исследования понятия родителей при суррогатном материнстве не имеется. Автор проводит исследование понятия родителей, порядок их установления при суррогатном материнстве, делая при этом упор на судебную практику, анализ которой выявляет проблемы, возникающие в рассматриваемой сфере. **Цель исследования:** провести анализ

теории, научных точек зрения и правоприменительной практики в отношении такого неопределенного термина, как родители, и порядок их установления при суррогатной программе. **Методы:** индукция, дедукция, анализ, формально-юридический. **Результаты:** считаем, что такие категории, как понятие родителей, порядок установления родителей, при суррогатных технологиях заслуживают отдельного пристального внимания ученых. **Выводы:** в условиях нечеткого законодательного регулирования рассматриваемых отношений единственное, что поможет биологическим родителям защитить свои права, – это грамотно составить договор о правовых последствиях после рождения ребенка, о правах и обязанностях сторон договора. Даны также конкретные предложения по внесению изменений в ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: дети, установление родителей, суррогатная программа, суррогатная мать, решение суда, семейное законодательство.

Цитирование. Кайль Я. Я. Установление родителей ребенка, выношенного суррогатной матерью // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 55–61. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.7>

Введение

Становясь родителем, человек приобретает права и обязанности в отношении своих детей [12]. Однако при использовании суррогатной программы для становления родителями затрагиваются некоторые аспекты понятия родителей и порядок их установления в спорных ситуациях, кроме того, возникает вопрос о правовом статусе родителей. Непродуктивные технологии изменяются быстрее, чем законодательство в данной сфере. При допущении регулирования правоотношений сторон в диспозитивном порядке спорные вопросы можно регулировать в договоре. Основой возникновения суррогатной программы служит добровольное вступление сторон в нее и возможность урегулирования отношений с помощью договора. Но отсутствие договора между сторонами, а равно неправильное его составление приводят к возникновению споров, которые чаще всего передаются на разрешение суда. Правда, незаключение или пробелы в договоре – это не единственная проблема, многие вопросы невозможно урегулировать в договорном порядке, поскольку они носят императивный характер или вовсе не регулируются. К таким вопросам как раз и относится установление родителей детей, рожденных суррогатной матерью.

Необходимо также рассмотреть вопрос защиты интересов ребенка и других сторон при суррогатной программе. Исследование поднятых вопросов позволит глубже понять, кого считать родителями, и заодно внесет вклад в развитие законодательства в сфере семейного права и защиты детей.

Понятие родителей

К родителям в русских традиционных семьях относятся женщина в качестве матери и мужчина в качестве отца ребенка, то есть его самые ближайшие родственники, составляющие основу семьи. Понятие родителей прямо в законодательстве не дается, лишь перечисляется, что ими являются отец и мать. Причем термин «родители» употребляется не только во множественном числе, но и по отдельности – родитель. Презюмируется, что материнство устанавливается в отношении той женщины, которая родила ребенка. В статье 49 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) также указана возможность установления отца ребенка.

Отцом и матерью предполагаемые родители могут стать только при наличии следующих условий:

1. Наличие рожденного ребенка.
2. Регистрация его в органах ЗАГС (при наличии справки из родильного дома, а равно судебного решения в случае спора, связанного с установлением родителей или одного из них).

В соответствии с семейным законодательством родитель – лицо, записанное в книге актов гражданского состояния в отношении конкретного ребенка.

Традиционно у ребенка есть два генетических родителя, однако при использовании суррогатной программы может быть и один генетический родитель (мать или отец), а другой – донор, который неизвестен этому родителю, и более двух генетических родителей.

И.А. Павлова считает, что «родители – это лица, которые в силу факта кровного род-

ства обладают всеми необходимыми родительскими правами и обязанностями как имущественного, так и неимущественного характера в отношении своих несовершеннолетних, а в указанных законом случаях и совершеннолетних детей» [5, с. 25]. Однако с момента защиты ее диссертации прошло так много времени и реалии таковы, что не только кровное родство выступает единственно возможным фактом установления родительства по отношению к конкретному ребенку, но и другие способы.

Установление родителей при использовании суррогатной программы

Каждый ребенок – это продолжатель рода как со стороны отца, так и матери. Даже если достоверно известен только один родитель, у ребенка также имеется и второй. Ребенку важно расти с обоими родителями и при неизвестности одного из них требуется его установление.

Наиболее остро вопрос об установлении родителей возникает при использовании суррогатной программы, под которой следует понимать возможность передать биоматериалы генетических родителей(-ля) и/или донора для экстракорпорального оплодотворения, вынашивания и рождения ребенка другой женщине за выплату вознаграждения ее услуг при условии добровольного согласия на медицинское вмешательство.

А.Н. Тихонов справедливо полагает, что «генетические родители вправе оспаривать запись о себе как о родителях, в случае если вместо их биологического материала был использован донорский. Возникает вопрос о том, как можно обеспечить защиту прав ребенка, рожденного в результате суррогатного материнства, если суррогатная мать согласна передать ребенка, а супружеская пара отказывается от него по мотивам нарушения условий данного ими согласия» [11, с. 49].

Для устранения возможных медицинских ошибок Правительство РФ в своем постановлении от 31 мая 2023 г. № 882 «Об установлении потенциальных родителей в качестве генетической матери и генетического отца, а равно одинокой женщины в качестве генети-

ческой матери» обязало подтверждать родство с выношенным суррогатной матерью ребенком через ДНК-тест.

Без специального медицинского заключения такой ребенок не будет передан потенциальным родителям, что совершенно оправданно при использовании суррогатной программы, когда ее участниками становятся не только заказчики, но и множество других участников, в том числе медицинские организации, которые могут перепутать генетический материал. Однако возникает другой неурегулированный вопрос: что будет, если ДНК-тест подтвердит родство только с одним из родителей? Если использовались донорские клетки, то с одним из родителей и не должно быть генетической связи, но при этом по закону он признается его родителем, поскольку при суррогатной программе достаточной является генетическая связь с одним из родителей.

Но если оба супруга отдали свой биологический материал для участия в суррогатной программе, но один из супругов не был установлен в качестве генетического родителя, то как будет устанавливаться другой из родителей, остается под вопросом.

Если исходить из того, что приоритеты ребенка являются наиглавнейшими, то мы видим много противоречивых норм права, касающихся прав детей и иных участников программы суррогатного материнства.

В пункте 5 ст. 16 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» указано, что зарегистрировать ребенка, родившегося от суррогатной матери, в органах ЗАГС могут только супруги, одинокая мать, давшие согласие на применение методов искусственного оплодотворения, при предъявлении письменного согласия суррогатной матери [3, с. 18].

Данная норма интерпретируется участниками суррогатной программы по-своему. Родителями при суррогатной программе в настоящее время становятся не только супруги и одинокая мать, но и незарегистрированные пары, и одинокий отец, и даже бабушка ребенка.

Вопрос о записи в качестве родителей при имплантации эмбриона регулируется ч. 4 ст. 51 СК РФ. Однако закрепленный порядок применяется только к супругам, состоящим в

браке, одинокой женщине и только в отношении граждан Российской Федерации (или одного из супругов). Отсутствует регулирование, как установить родителя, если это одинокий отец, бабушка ребенка или одинокий заказчик, не имеющий гражданства РФ.

Как судебные решения восполняют законодательный пробел, связанный с регистрацией детей, рожденных от суррогатных матерей, одинокими отцами?

Если родители при использовании вспомогательных репродуктивных технологий не могут во внесудебном порядке оформить документы на своего ребенка и стать родителем, они вынуждены обращаться в суд за разрешением спорной ситуации [2, с. 46].

Известны положительные решения суда о внесении сведений только об одном родителе – отце детей при суррогатном материнстве, если заказчиком выступает одинокий отец. Например, решением Ленинского суда было удовлетворено требование гражданина Китая об установлении отцовства в отношении мальчика и девочки, рожденных суррогатной мамой в провинции Сычуань КНР: «орган ЗАГС осуществил выдачу свидетельства о рождении без указания в графе “отец” генетического отца детей» [8].

В следующем деле были удовлетворены требования биологического отца Цзян Цзюнь о передаче несовершеннолетнего Цзян Циань на воспитание в его семью из Люберецкого специализированного дома ребенка. Истец указал, что является отцом несовершеннолетнего Цзян Циань, на основании свидетельства о рождении, выданного органом ЗАГС г. Люберцы, однако из-за пандемии не смог вовремя забрать ребенка из России, рожденного при использовании суррогатной программы [6].

Есть и негативные примеры – об отказе в передаче ребенка по суррогатной программе одинокому отцу. Чэнь обратился в суд к отделу ЗАГС, поскольку в регистрации рождения ребенка ему было отказано, из-за того что им не представлен документ, подтверждающий его семейное положение на момент вступления в суррогатную программу. Суд отказал в удовлетворении требований, так как порядок государственной регистрации рождения ребенка от суррогатной матери с записью

одиноким мужчиной единственным родителем ребенка законодательством не определен, и, следовательно, ребенок остался на попечении государства Российской Федерации [7].

Приведенные примеры иллюстрируют, что заказчиками вспомогательных репродуктивных технологий в России выступали не только ее граждане. Если по каким-то причинам участники суррогатной программы не сразу забирают своих детей, то последние находятся на попечении Российской Федерации в детских домах, домах малютки. Даже при наличии биологического отца дети являются социальными сиротами. Следовательно, при отсутствии решения вопроса о принадлежности ребенка конкретному родителю нарушаются гражданские права детей. Следует запретить одиноким отцам вступать в суррогатную программу, чтобы не нарушать семейное законодательство.

Есть спорные случаи, когда биологические родители хотят забрать своих детей, а суррогатная мама их не отдает.

Например, в Санкт-Петербурге провели процедуру ЭКО суррогатной матери, и выяснилось, что она беременна двойней. Суррогатная мать попросила заказчиков доплатить ей еще 50 % оплаты за услугу. Биологические родители отказались. Тогда она предложила забрать им только одного ребенка, а другого оставить себе. Биологические родители категорически не хотели идти на поводу у суррогатной матери. Тогда суррогатная мать родила и при получении свидетельств о рождении указала в качестве родителей себя и своего мужа [9]. Впоследствии суд встал на сторону заказчиков и признал их в качестве генетических родителей – спустя 9 месяцев с момента рождения близнецов.

Судья Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотов при отклонении законопроекта остался при особом мнении и вполне резонно указал, что «при разрешении споров между суррогатной мамой и генетическими родителями ребенка судам следует в первую очередь исходить из интересов ребенка» [1]. Наиболее полно такие интересы защищаются, если ребенка отдают биологическим родителям и записывают последних в качестве таковых, поскольку именно они хотели стать родителями, имеют, как правило, достаточно денеж-

ных средств для воспитания и обучения ребенка. Суррогатная мать до момента вступления в суррогатную программу не собиралась становиться матерью, а пришла в нее с одной целью – заработать, поскольку нуждается в средствах для существования, а не в ребенке.

Е.С. Митрякова считает, что «суррогатная мать не нарушает условия договора, принимая решение оставить ребенка себе. Более того, нормы договора, устанавливающие обязанность вынашивающей матери дать после родов согласие на запись заказчиков родителями ребенка, должны считаться ничтожными как нарушающие права исполнителя. Да, безусловно, договор носит для потенциальных родителей рисковый характер в силу специфики его предмета» [4]. Но чаще всего суррогатное материнство – это единственно возможный вариант стать биологическими родителями в законном порядке.

Вместе с тем встречаются случаи, когда не только суррогатная мать не отдает ребенка, но и биологические родители могут отказаться забирать больного ребенка, если у него обнаружатся проблемы со здоровьем [14], или даже совершенно здорового ребенка, потому что у них изменились планы или они «заказали» ребенка нескольким суррогатным мамам, и какая родила быстрее, того ребенка и взяли первым. В договоре также может отсутствовать указание на обязанность биологических родителей забрать ребенка у суррогатной матери или из роддома.

В первом примере «в результате суррогатной программы родились близнецы. Выяснилось, что один ребенок здоров, другой – нет. Биологические родители забрали только одного здорового ребенка, от больного отказались. Причем никаким законодательством на них не налагается обязанность забрать второго ребенка» [13]. Поскольку при суррогатном материнстве не требуется процедура усыновления, то, к сожалению, не применяются правила, когда при усыновлении должны быть усыновлены братья и сестры вместе одними родителями и не допускается их разлука.

В другом примере суррогатная мать родила двойню, но биологические родители от детей отказались «ввиду утраты интереса к ним». Они поссорились и хотят развестись, и дети перестали им быть нужными [10]. Юри-

дически, до отказа суррогатной матери, они не стали родителями.

При суррогатном материнстве матерью ребенка является та женщина, которая его родила, а супруги записываются в качестве родителей только при наличии ее согласия, которое дается после рождения ребенка. Таким образом, суррогатная мать, в соответствии с российским законодательством, биологической матерью выношенного ею ребенка считаться не может, но может оставить себе не своего ребенка. Как разрешить проблему?

Предлагается внести изменение в ст. 48 СК РФ, где закрепить право вносить запись о родителях на основании заявлений генетических родителей, справки о рождении ребенка и теста ДНК, даже если суррогатная мать не дает согласия на такую запись.

«Такая запись должна реализовываться по примеру ч. 3 ст. 48 СК РФ, когда супруги не состоят в браке» [3, с. 20] и на основании совместного заявления устанавливается отцовство ребенка. Следовательно, данный способ можно распространить на установление обоих родителей.

Выводы

Если суррогатная мать добровольно не передает ребенка заказчику, то вопрос может решиться только судом в порядке искового производства. Если у заказчика есть договор с суррогатной мамой, то шансы выиграть дело существенно повышаются. Но поскольку по закону сам ребенок не может быть предметом договора, то нельзя и гарантировать передачу прав на него. Ребенок не фигурирует в договоре, где регулируются, как правило, услуги по вынашиванию, права и обязанности сторон суррогатной программы и впоследствии обязанность добровольной передачи рожденного ребенка.

Не все истории заканчиваются в пользу генетических родителей. Поскольку многие моменты законодателем остаются нерешенными, то в настоящее время только договор может регулировать отношения, но в случае его неисполнения необходимо все же обращаться в суд. А суды в мотивировочной части решения не могут ссылаться на какой-то специальный закон, поскольку либо это

вовсе не регулируется, либо регулируется вскользь или нечетко. Поэтому единственное, что поможет биологическим родителям защитить свои права, это – грамотно составить договор о правовых последствиях после рождения ребенка, о правах и обязанностях сторон договора.

В 2017 г. был отклонен законопроект о запрете суррогатного материнства. Предлагалось вместо этого внести изменения в действующее законодательство, чтобы защитить всех участников сделки, включая детей, но, к сожалению, пока никаких радикальных изменений законодательства не происходит. Вопрос о записи в качестве родителей при имплантации эмбриона регулируется ч. 4 ст. 51 СК РФ. Однако закрепленный порядок применяется только к супругам, состоящим в браке, и только в отношении граждан Российской Федерации. Отсутствует регулирование, как установить родителя, если это одинокий заказчик или не имеющий гражданства РФ.

В связи с этим предлагается внести изменение в ст. 48 СК РФ, где закрепить право вносить запись о родителях на основании заявлений генетических родителей, справки о рождении ребенка и теста ДНК, даже если суррогатная мать не дает согласия на такую запись.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Законопроект о запрете суррогатного материнства № 133590-7. – URL: <https://www.garant.ru/news/1227786/>
2. Кайль, Я. Я. Неочевидность выбора вида гражданского судопроизводства при защите прав ребенка / Я. Я. Кайль, В. А. Усанова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 44–51. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.4.6
3. Кайль, Я. Я. Острые вопросы суррогатного материнства, требующие правового регулирования / Я. Я. Кайль, В. А. Усанова // *Семейное и жилищное право*. – 2022. – № 5. – С. 17–20. – DOI: 10.18572/1999-477X-2022-5-17-20
4. Митрякова, Е. С. Юридическое значение согласия суррогатной матери на запись заказчиков родителями ребенка в свете постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» / Е. С. Митрякова // *Российский судья*. –

2021. – № 3. – С. 11–17. – DOI: 10.18572/1812-3791-2021-3-11-17

5. Павлова, И. А. Правовое положение родителей : дис. ... канд. юрид. наук / Павлова Ирина Алексеевна. – М., 1995. – 151 с.

6. Решение Красногорского городского суда от 11 июня 2021 г. по делу № 2-5756/2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oWeQfuZVbFYV/?>

7. Решение Ленинского районного суда г. Владивостока № 2-1977/2021 от 11 июня 2021 г. по делу № 2-1977/2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SN47sljW1edW/?>

8. Решение Ленинского районного суда г. Владивостока № 2-2305/2021 от 23 июня 2021 г. по делу № 2-2305/2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AqyUyY1hi2VP/?>

9. Суррогатная мать отказалась отдавать детей биологическим родителям. – URL: <https://www.babyblog.ru/community/sterility/post/3140765>

10. Суррогатная мать родила двойню, но биологические родители от детей отказались. – URL: <https://ok.ru/group/51976600486087/topic/157165530639303://zen.yandex.ru/media/id/5b588091e2add000a8d6aa87/surrogatnaia-mat-rodila-dvoiniu-no-biologicheskie-roditeli-ot-detei-otkazalis-i-vot-pochemu-5ba7436fe8f7a600ac9fb327>

11. Тихонов, А. Н. Установление происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью / А. Н. Тихонов // *Российское право: образование, практика, наука*. – 2022. – № 2. – С. 47–54. – DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_47

12. Усанова, В. А. Понятие и содержание права детей на заботу, или В чем заключается родительский долг? / В. А. Усанова, Я. Я. Кайль // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 74–81. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.4.9

13. Что бывает с детьми, от которых отказываются суррогатные матери? – URL: <https://lenta.ru/articles/2013/06/10/surrogacy/>

14. Что не так с суррогатным материнством: правовые проблемы суррогатного материнства в России. – URL: <https://ivprave.ru/prava/semeynoe/chto-ne-tak-s-surrogatnym-materinstvom>

REFERENCES

1. *Zakonoproekt o zaprete surrogatnogo materinstva № 133590-7* [Draft Law on Prohibition of Surrogacy]. URL: <https://www.garant.ru/news/1227786/>
2. Kaji Ya.Ya., Usanova V.A. Neochevidnost' vybora vida grazhdanskogo sudoproizvodstva pri zashchite prav rebenka [The Non-Obviousness of the Type Selection of Civil Proceedings in the Protection of Children's Rights]. *Legal Concept = Pravovaya*

paradigma, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 44-51. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.6>

3. Kajl Ya.Ya., Usanova V.A. Ostrye voprosy surrogatnogo materinstva, trebuyushchie pravovogo regulirovaniya [Burning Issues of Surrogacy Requiring Legal Regulation]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2022, no. 5, pp. 17-20. DOI: 10.18572/1999-477X-2022-5-17-20

4. Mitryakova E.S. Yuridicheskoe znachenie soglasiya surrogatnoj materi na zapis zakazchikov roditelyami rebenka v svete postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16 maya 2017 g. № 16 «O primenении sudami zakonodatelstva pri rassmotrenii del, svyazannyh s ustanovleniem proiskhozhdeniya detej» [The Legal Meaning of a Surrogate Mother's Consent for Registration of Customer as the Child's Parents in View of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16 of May 16, 2017. On Judicial Application of Laws in Review of Cases Related to the Identification of the Origin of Children]. *Rossijskij sudya* [Russian Judge], 2021, no. 3, pp. 11-17. DOI: 10.18572/1812-3791-2021-3-11-17

5. Pavlova I.A. *Pravovoe polozhenie roditel'ej: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Status of Parents. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1995. 151 p.

6. *Reshenie Krasnogorskogo gorodskogo suda ot 11 iyunya 2021 g. po delu № 2-5756/2021* [Decision of the Krasnogorsk City Court of June 11, 2021 in Case No. 2-5756/2021]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oWeQfuZVbFYV/>

7. *Reshenie Leninskogo rajonnogo suda g. Vladivostoka № 2-1977/2021 ot 11 iyunya 2021 g. po delu № 2-1977/2021* [Decision of the Leninsky District Court of Vladivostok No. 2-1977/2021 of June 11, 2021 in Case No. 2-1977/2021]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SN47sljW1edW/>

8. *Reshenie Leninskogo rajonnogo suda g. Vladivostoka № 2-2305/2021 ot 23 iyunya 2021 g. po delu № 2-2305/2021* [Decision of the Leninsky

District Court of Vladivostok No. 2-2305/2021 of June 23, 2021 in Case No. 2-2305/2021]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AqyUyY1hi2VP/>

9. *Surrogatnaya mat otkazalas otdavat detej biologicheskim roditelyam* [Surrogate Mother Refused to Give Her Children to Their Biological Parents]. URL: <https://www.babyblog.ru/community/sterility/post/3140765>

10. *Surrogatnaya mat rodila dvojnyu, no biologicheskie roditeli ot detej otkazalis* [A Surrogate Mother Gave Birth to Twins, But the Biological Parents Abandoned the Children]. URL: <https://ok.ru/group/51976600486087/topic/157165530639303://zen.yandex.ru/media/id/5b588091e2add000a8d6aa87/surrogatnaia-mat-rodila-dvoiniu-no-biologicheskie-roditeli-ot-detei-otkazalis-i-vot-pochemu-5ba7436fe8f7a600ac9fb327>

11. Tihonov A.N. Ustanovlenie proiskhozhdeniya rebenka, rozhdenno surrogatnoj materyu [Establishing the Origin of a Child Born by a Surrogate Mother]. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka* [Russian Law: Education, Practice, Researches], 2022, no. 2, pp. 47-54. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_47

12. Usanova V.A., Kajl Ya.Ya. Ponyatie i soderzhanie prava detej na zabotu, ili V chem zaklyuchaetsya roditelskij dolg? [The Concept and Content of the Right of Children to Be Under Care, or What Is the Parental Duty?]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 74-81. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.9>

13. *Chto byvaet s detmi, ot kotoryh otkazyvayutsya surrogatnye materi?* [What Happens to Children Abandoned by Surrogate Mothers?]. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/06/10/surrogacy/>

14. *Chto ne tak s surrogatnym materinstvom: pravovye problemy surrogatnogo materinstva v Rossii* [What's Wrong with Surrogacy: Legal Problems of Surrogacy in Russia]. URL: <https://ivprave.ru/prava/semeinoe/chto-ne-tak-s-surrogatnym-materinstvom>

Information About the Author

Yanina Ya. Kayl, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, yanika@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5116-7666>

Информация об авторе

Янина Яковлевна Кайль, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, yanika@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5116-7666>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.8>

UDC 347.44

LBC 67.404.201

Submitted: 11.02.2025

Accepted: 04.07.2025

THE ORGANIZATIONAL FUNCTION OF CIVIL CONTRACTS

Ilya A. Politkin

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the civil law contract is of fundamental importance to civilistics, serving as the primary instrument of private law regulation in dynamically developing public relations. The contract performs a number of key functions, among which the organizational function holds a special place. In modern civil law science, a widely held view is that the organizational function is performed only by a special, limited category of contracts, the so-called organizational contracts. It is believed that they do not create obligations but are aimed solely at structuring future relations between parties, which is why many scholars classify them as a distinct group. The **purpose** of this research is a critical analysis of this approach and the determination of the possibility for all types of civil law contracts, without exception, to exert an organizational influence. The main research **methods** employed were general scientific methods of analysis, the comparative legal method, and a systems approach. As a **result** of the conducted analysis, it was established that the organizational function is not the exclusive prerogative of a narrow group of contracts. It is inherent not only to classical organizational contracts aimed directly at structuring the relations of participants in civil transactions but also to obligatory contracts. The latter also perform a significant organizational role, which is manifested in establishing clear frameworks for interaction, distributing rights and obligations, and ensuring a balance of the parties' interests to achieve the main goal – the proper fulfillment of all contract terms. Thus, the organizational element permeates the entire system of civil law contracts.

Key words: civil contract, private law regulation, organizational function, organizational contract, binding contract.

Citation. Politkin I.A. The Organizational Function of Civil Contracts. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 62-66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.8>

УДК 347.44

ББК 67.404.201

Дата поступления статьи: 11.02.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ

Илья Александрович Политкин

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Введение: гражданско-правовой договор имеет фундаментальное значение для цивилистики, выступая основным инструментом частноправового регулирования в динамично развивающихся общественных отношениях. Договор выполняет ряд ключевых функций, среди которых особое место занимает организационная. В современной науке гражданского права широко распространена позиция, согласно которой организационную функцию выполняет лишь особая, ограниченная категория договоров, так называемые организационные договоры. Считается, что они не порождают обязательств, а направлены исключительно на упорядочение будущих связей между участниками, в связи с чем многие ученые при классификации выделяют их в отдельную группу. **Целью** данного исследования является критический анализ этого подхода и определение возможности выполнения организационного воздействия всеми видами гражданско-правовых договоров без исключения. В качестве основных **методов** исследования использовались общенаучные методы анализа, сравнительно-правовой и системный подход. В **результате** проведенного анализа было установлено, что организационная функция не является исключительной прерогативой узкой группы договоров. Она присуща не только классическим организационным договорам, направленным на непосредственное упорядочивание отношений участников гражданского оборота, но и обязательственным договорам. После-

дние также выполняют значительную организующую роль, которая проявляется в установлении четких рамок взаимодействия, распределении прав и обязанностей, а также в обеспечении соблюдения баланса интересов сторон для достижения основной цели – надлежащего исполнения всех условий договора. Таким образом, организационное начало пронизывает всю систему гражданско-правовых договоров.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, частноправовое регулирование, организационная функция, организационный договор, обязательственный договор.

Цитирование. Политкин И. А. Организационная функция гражданско-правовых договоров // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 62–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.8>

Введение

Из теории государства и права известно, что право не единственный регулятор общественных отношений, однако его нормы выполняют наиболее важные функции в упорядочении жизни гражданского общества. Это продиктовано постоянным развитием и усложнением общественных отношений, появлением новых направлений воздействия, требующих правового регулирования. Одним из главнейших векторов правового воздействия посредством реализации комплекса функций служит организация общественных отношений [1].

По мнению теоретиков права, организация общественных отношений является назначением функций права. Такой же позиции – тождественности функций права и четко определенной роли права в вопросе организации общественных отношений – придерживается и Ю.Г. Ткаченко [10, с. 34]. Подобную точку зрения высказывал В.Д. Филимонов: социальная роль права в деятельности по организации общественных отношений реализуется посредством его функций [11, с. 50]. С ролью права в вопросе организации отношений в социуме правовые функции связывает С.С. Алексеев. Однако ученый полагает, что функции все же следует рассматривать в качестве направлений правового воздействия [2, с. 191].

Основное содержание

Гражданское право, которое традиционно считается частным, также выполняет организующее воздействие. Определяя отрасли права частными, в первую очередь имеют в виду дозволенность частным лицам самостоятельно упорядочивать свои действия с использованием норм объективного права.

Суть частного права заключается в возможности лица перевести общую норму, закрепленную в соответствующем нормативном правовом акте, в индивидуально-определенную меру поведения. Подобное допускается в условиях общего равенства всех перед законом, когда субъектам разрешено отходить от общей равной меры поведения и создавать свою, индивидуально-направленную норму права [12]. Тем самым действия субъектов будут регулироваться и нормами объективного права, и актами, в которых отражена воля самих участников правоотношений [14, с. 58]. В таком случае законодательный акт следует считать формой объективного выражения права. В данном примере объективной формой права будет являться Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) и другие нормативные правовые акты как источники гражданского права. А право субъективное, в свою очередь, представляет собой результат использования субъектом объективных правовых норм в конкретной ситуации, например, при заключении гражданско-правового договора. Таким образом, абстрактная правовая норма всего общества становится частным правом, а сам договор – источником частного права [12].

Договору как источнику права участников конкретного гражданского правоотношения будет необходимо выполнять все функции, которые выполняет право, в том числе и функцию организации этих отношений.

В гражданском праве существует мнение, что договоры, осуществляющие организационное воздействие, должны выделяться в отдельную группу. Впервые на существование организационных договоров указал О.А. Красавчиков, который разделял все договоры по содержанию правовой связи, возникающей из договора, на организационные и имущественные [9, с. 315–322]. Точка зрения

ученого на дихотомию договоров стала в цивилистическом научном сообществе одной из основных по данному вопросу на долгое время и послужила толчком для дальнейших исследований в указанном направлении. В ходе научных изысканий дискуссия цивилистов устремилась в сторону критериев деления договоров на организационные и имущественные. Свою точку зрения выразил Б.И. Пугинский: деление должно происходить исходя из предмета договора и согласованной цели его участников. При этом имущественный договор направлен на достижение состояния обладания каким-либо имуществом или благом, в то время как организационный договор имеет своей целью формирование координированного взаимодействия между сторонами договора [8]. Объект и содержание договора в качестве критериев выделял Б.М. Гонгалло. Как отмечает автор, роль имущественного договора заключается в обеспечении функционирования самого товарообмена, то есть непосредственно в создании имущественно-правовых связей, а организационный договор служит для формирования имущественных отношений в будущем и их упорядочивания [4, с. 234]. Похожей позиции придерживается Е.А. Суханов. Цивилист делит договоры на организационные и имущественные исходя из критерия направленности. Соответственно, направленность имущественных договоров заключается в устремлении непосредственно на товарообмен, а организационные имеют направленность на организацию этого товарообмена, налаживание взаимодействия и сотрудничества между сторонами для будущего товарообмена [5, с. 482].

В науке гражданского права также присутствует другая типология, в которой основными классификационными группами являются организационные и обязательственные договоры. Большинство договоров, исходя из положений законодательства и науки гражданского права, порождают обязательственные отношения, которые в общем понимании сводятся к тому, что одна сторона (должник) обязана совершить определенные действия в пользу другой стороны (кредитора) или воздержаться от совершения определенных действий, а другая сторона может требовать исполнения должником своих обязанностей.

Тем не менее среди общей массы существующих договоров есть и те, которые обязательства не создают. Именно эти договоры и следует именовать организационными (среди них, например, договор простого товарищества, инвестиционный и др.). Особенностью данной группы договоров является отсутствие должников и кредиторов, отсутствие обязательства в результате их заключения, а также сонаправленность действий участников договора на достижение общей согласованной цели. Подобной точки зрения на классификацию договоров придерживается профессор Л.А. Чеговадзе. Развивая свою позицию, ученый указывает на существование договоров, которые имеют юридическую силу обязательств. Такие договоры потребны для упорядочения обязательственной связи сторон и обеспечения ее плодотворной динамики. Другая группа договоров предназначена для решения какой-либо общей задачи, при этом, как указывает автор, не происходит появления отношений, которые могут обязывать стороны к совершению встречных сонаправленных взаимообусловленных действий [13, с. 58]. Соответственно, критерием разделения здесь будет служить характер правоотношения, порождаемого договором. При этом, по мнению А.В. Андрищенко, в связи с тем, что договор может порождать несколько правоотношений сразу, определяющим будет то, которое позволяет добиться удовлетворения интереса всех сторон договора. Другие же правоотношения выполняют вспомогательную функцию и обеспечивают достижение основной цели договора [3, с. 78].

Представляется, что первая классификация является неточной, так как указанные выше ее критерии достаточно условны и не могут в полной мере пояснить, какие отношения относятся к имущественным, а какие – к организационным. Все договоры так или иначе связаны с имуществом. Формирование согласованной деятельности между участниками является основой их товарообмена, поэтому логично предположить, что при заключении организационного договора стороны в основном желают реализовать свой имущественный интерес, который таким образом должен вылиться для них в имущественную выгоду.

В то же время имущественные договоры также выполняют роль организации отношений. Советский цивилист О.С. Иоффе указывал, что все общественные отношения имеют свойство организационности, нельзя отделять имущественные отношения от организационных [6, с. 264]. Соответственно, любой договор выполняет функцию организации общественных отношений. Подобной позиции придерживался К.А. Кирсанов. Исследователь отметил, что любой договор образует гражданско-правовое организационное отношение [7, с. 53].

Исходя из сказанного, обязательственный договор также будет иметь организационную функцию. В чем она будет выражаться? При заключении обязательственного договора стороны включают в него определенные выгодные для себя условия, которые становятся основой баланса интересов участников договора. Договор как форма выражения индивидуально-определенной нормы права сторон должен организовать выполнение участниками своих обязанностей для надлежащей реализации их субъективных прав. Если договор не обеспечивает соблюдения баланса интересов сторон, то функция организации их отношений не может считаться выполненной и, соответственно, не соблюдается принцип добросовестности. Для соблюдения баланса интересов в договор могут включаться условия, которые будут применяться при невыполнении одной из сторон своих обязанностей. Позитивное право также может содержать указание на определенные способы достижения баланса, если такие условия не были включены сторонами в договор. Таким образом, обязательственному договору организационная функция необходима для надлежащего исполнения условий договора.

Если говорить об организационных договорах как самостоятельной группе, то их свойство организационности не заканчивается на обеспечении выполнения условий договора. Стоит напомнить, что в таких договорах организационный характер имеет само правоотношение, в котором отсутствуют кредитор и должник и стороны находятся в равном положении. Соответственно, исходя из специфики такого правоотношения, организационный договор не выполняет функцию соблю-

дения баланса интересов, так как интересы сторон в данном случае имеют единую направленность на достижение общей согласованной цели.

Выводы

Таким образом, любой гражданско-правовой договор, вне зависимости от относимости к той или иной классификационной группе, выполняет функцию организации порождаемых им правоотношений. Ее суть заключается в соблюдении баланса интересов сторон и организации надлежащего исполнения условий договора. Организационные договоры образуют специфическое безобязательственное правоотношение, участники которого имеют общую цель и сонаправленные интересы. Соответственно, организационная функция такого договора имеет более широкую сферу действия и не заканчивается на обеспечении выполнения условий договора, так как организационный эффект охватывает все действия сторон.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, А. И. Понятие функции права / А. И. Абрамов // Журнал российского права. – 2006. – № 2. – С. 71–83.
2. Алексеев, С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 359 с.
3. Андрущенко, А. В. Организационный договор как общая договорная конструкция / А. В. Андрущенко // Юридические исследования. – 2017. – № 5. – С. 71–84.
4. Гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 2 / под ред. Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2016. – 528 с.
5. Гражданское право : учебник. В 4 т. Т. 3 / под ред. Е. А. Суханова. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 766 с.
6. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. – М. : Статут, 2009. – 780 с.
7. Кирсанов, К. А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений : дис. канд. юрид. наук / Кирсанов Константин Александрович. – Екатеринбург, 2008. – 189 с.
8. Пугинский, Б. И. Коммерческое право России : учебник / Б. И. Пугинский. – М. : Юрайт, 2010. – 354 с.

9. Советское гражданское право : учебник. В 2 т. Т. 1 / под ред. О. А. Красавчикова. – М. : Высш. шк., 1985. – 544 с.

10. Ткаченко, Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю. Г. Ткаченко. – М. : Юрид. лит., 1980. – 176 с.

11. Филимонов, В. Д. Охранительная функция уголовного права / В. Д. Филимонов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 196 с.

12. Чеговадзе, Л. А. Договор как нормоустановительный источник частного права / Л. А. Чеговадзе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – Вып. 2 (60). – С. 330–348. – DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-330-348

13. Чеговадзе, Л. А. Договор как основа гражданско-правового регулирования / Л. А. Чеговадзе // Власть закона. – 2015. – № 4 (24). – С. 55–61.

14. Чеговадзе, Л. А. Договор как средство формальной определенности действий сторон / Л. А. Чеговадзе // Хозяйство и право. – 2012. – № 12 (431). – С. 58–61.

6. Ioffe O.S. *Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii tsivilisticheskoy mysli. Grazhdanskoye pravootnosheniye. Kritika teorii «khozyaystvennogo prava»* [Selected Works on Civil Law: From the History of Civilist Thought. Civil Legal Relationship. Critique of the Theory of “Economic Law”]. Moscow, Statut Publ., 2009. 780 p.

7. Kirsanov K.A. *Grazhdansko-pravovoye regulirovaniye organizatsionnykh otnosheniy: dis. ... kand. yurid. nauk* [Civil-Law Regulation of Organizational Relations. Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2008. 189 p.

8. Puginsky B.I. *Kommercheskoye pravo Rossii: uchebnik* [Commercial Law of Russia. Textbook]. Moscow, Yurayt Publ., 2010. 354 p.

9. Krasavchikov O.A., ed. *Sovetskoye grazhdanskoye pravo: uchebnik. V 2 t. T. 1* [Soviet Civil Law. Textbook. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1985. 544 p.

10. Tkachenko Yu.G. *Metodologicheskiye voprosy teorii pravootnosheniy* [Methodological Questions of the Theory of Legal Relations]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1980. 176 p.

11. Filimonov V.D. *Okhranitelnaya funktsiya ugolovnogo prava* [The Protective Function of Criminal Law]. Saint Petersburg, Yurid. tsentr Press, 2003. 196 p.

12. Chegovadze L.A. *Dogovor kak normoustanovitelnyy istochnik chastnogo prava* [A Contract as a Normative Source of Private Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki* [Legal Sciences], 2023, iss. 2 (60), pp. 330-348. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-330-348

13. Chegovadze L.A. *Dogovor kak osnova grazhdansko-pravovogo regulirovaniya* [The Contract as the Basis of Civil Law Regulation]. *Vlast zakona* [The Power of Law], 2015, no. 4 (24), pp. 55-61.

14. Chegovadze L.A. *Dogovor kak sredstvo formalnoy opredelennosti deystviy storon* [The Contract as a Means of Formal Certainty of the Parties' Actions]. *Khozyaystvo i pravo* [Economy and Law], 2012, no. 12 (431), pp. 58-61.

REFERENCES

1. Abramov A.I. *Ponyatiye funktsii prava* [The Concept of the Function of Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 2, pp. 71-83.

2. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava. V 2 t. T. 1* [General Theory of Law. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1981. 359 p.

3. Andryushenko A.V. *Organizatsionnyy dogovor kak obshchaya dogovornaya konstruktsiya* [The Organizational Contract as a General Contractual Design]. *Yuridicheskiye issledovaniya* [Legal Studies], 2017, no. 5, pp. 71-84.

4. Gongalo B.M., ed. *Grazhdanskoye pravo: uchebnik. V 2 t. T. 2* [Civil Law. Textbook. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Statut Publ., 2016. 528 p.

5. Sukhanov E.A., ed. *Grazhdanskoye pravo: uchebnik. V 4 t. T. 3* [Civil Law. Textbook: In 4 Vols. Vol. 3]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2008. 766 p.

Information About the Author

Илья А. Политкин, Junior Scientific Assistant, Faculty of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel Training, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Akademika Volgina St, 12, 117437 Moscow, Russian Federation, ilya.politkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1737-0137>

Информация об авторе

Илья Александрович Политкин, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117437 г. Москва, Российская Федерация, ilya.politkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1737-0137>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.9>

UDC 341.9.001

LBC 67.930

Submitted: 02.06.2025

Accepted: 04.07.2025

THE DEFINITION OF THE AUTONOMY OF THE WILL AND ITS SIGNIFICANCE IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Maria A. Alexandrina

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Introduction: within the framework of ongoing discussions regarding the legal nature of the autonomy of the will, various approaches to its resolution have been highlighted. A systematic analysis of these approaches and the scientific positions within each is necessary. This paper notes the ambiguity in interpreting the term “autonomy of the will.” It examines the relationship between the principle of choice of law and the principles of freedom of contract and dispositivity. **As a result** of the research, the paper emphasizes the appropriateness of using the term “autonomy of the will” to define the basis of dispositivity and freedom of contract within a broad context and, in a narrower traditional sense, to define a principle of private international law. Contradictions in the various interpretations of the legal essence of autonomy of the will are evident. It is viewed as the possibility of choice of law based on sectoral principles, as one of the conditions of foreign economic transactions or other agreements between participants in private international law relations, and as a conflict of laws principle (element of introduction, rule). **Conclusions:** the autonomy of the will (in the sense of choice of law) differs from other conflict of laws principles and takes precedence over them. The principles of dispositivity and freedom of contract fully apply to private law relations of an international nature. However, these principles should not be equated with autonomy of the will, nor should the latter be considered a component of them. Autonomy of the will, in a broad sense, underlies dispositivity and freedom of contract, but the possibility of choice of law should be limited to private international law relations and regarded as a principle of private international law. Considering the ambiguity of the term “autonomy of the will” and the content of the norms of the Civil Code of the Russian Federation, this principle should be referred to as “the principle of choice of law.”

Key words: autonomy of the will, choice of law, dispositivity, freedom of contract, principle of private international law.

Citation. Alexandrina M.A. The Definition of the Autonomy of the Will and Its Significance in Private International Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 67-72. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.9>

УДК 341.9.001

ББК 67.930

Дата поступления статьи: 02.06.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

ДЕФИНИЦИЯ АВТОНОМИИ ВОЛИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Мария Александровна Александрина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Введение: в рамках непрекращающихся дискуссий вокруг проблемы определения юридической природы автономии воли выделяются различные подходы к ее разрешению. Требуется системный анализ указанных подходов и научных позиций в пределах каждого из них. В настоящей работе отмечается неоднозначность толкования термина «автономия воли». Рассматривается соотношение принципа выбора применимого права с принципами свободы договора и диспозитивности. **В результате** проведенного исследования отмечена целесообразность использования термина «автономия воли» для определения основы диспозитивности и свободы договора в рамках широкого подхода и в узком традиционном понимании для обозначения принципа международного частного права. Выявлено противоречие различных трактовок юридической сущности автономии воли: возможности выбора применимого права в значении отраслевого принципа;

одного из условий внешнеэкономической сделки или иного соглашения участников международных частноправовых отношений; коллизионного принципа (привязки, правила). **Выводы:** автономия воли (в значении выбора применимого права) отличается от иных коллизионных принципов, обладает приоритетом над ними. Действие принципов диспозитивности и свободы договора в полной мере распространяется и на частноправовые отношения международного характера. Однако указанные принципы не следует отождествлять с автономией воли или рассматривать последнюю как их составляющую. Автономия воли в широком понимании лежит в основе диспозитивности и свободы договора, но в значении возможности выбора применимого права должна иметь место лишь в сфере международных частноправовых отношений и рассматриваться в качестве принципа международного частного права. С учетом многозначности термина «автономия воли» и содержания норм Гражданского кодекса Российской Федерации указанный принцип следует именовать как «принцип выбора применимого права».

Ключевые слова: автономия воли, выбор применимого права, диспозитивность, свобода договора, принцип международного частного права.

Цитирование. Александрина М. А. Дефиниция автономии воли и ее значение в международном частном праве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 67–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.9>

Введение

Традиционно автономия воли признается основой, на которой базируется международное частное право, то есть она рассматривается в качестве основополагающего начала (принципа), на котором строится регулирование международных частноправовых отношений. В более широком, в самом общем смысле сущность и содержание данного принципа определяются как закрепленная «в законе возможность сторон выбрать правопорядок, на основе которого будут урегулированы их отношения» [1, с. 94]. Однако наиболее часто выбор права находит свое выражение в содержании международных контрактов, поэтому традиционно под автономией воли подразумевается выбор применимого права сторонами договорных правоотношений [10, с. 420]. Данный принцип максимально эффективно реализуется в сфере международного коммерческого права, и не только. Соответственно, «автономия воли сторон является важнейшим принципом, на котором строится международное частное право вообще и право международной торговли в частности» [2, с. 213].

До настоящего времени проблема определения юридической природы автономии воли остается дискуссионной. В частности, выбор права рассматривается как особый коллизионный институт, одна из коллизионных норм [7, с. 212–219; 9, с. 78]. При этом все остальные точки зрения представляют собой отражение взглядов на различные его стороны [3]. Также предлагается рассматривать

автономию воли одновременно и как институт, объединяющий правовые нормы, в которых он закреплен, и в «широком» смысле – в качестве «трансформации частноправового принципа диспозитивности применительно к трансграничным правоотношениям» [1, с. 96–97]. В соответствии с некоторыми теориями автономии воли она наделяется материально-правовой природой и рассматривается как одно из условий договора (условие о выборе применимого права). В итоге на него распространяется действие основополагающего принципа гражданского права – принципа свободы договора. Но выбор права нельзя рассматривать как выбор материальных условий договора, а присущий автономии воли договорный элемент не характерен для обычных коллизионных норм. Поэтому нет сомнений в том, что не бесспорна коллизионная трактовка автономии воли [8, с. 9–12].

Автономия воли в значении выбора применимого права не должна рассматриваться как коллизионный принцип (привязка, правило). Она имеет приоритет над коллизионными правилами и представляет собой принцип международного частного права, его основополагающее начало, суть которого состоит в свободе выбора субъектами правоотношения определенной правовой системы для регулирования их взаимоотношений. Но реальность такова, что сформулированная именно в форме субъективной коллизионной привязки автономия воли получила правовое закрепление и, соответственно, юридическую значимость. В качестве коллизионного прин-

ципа, включенного в коллизионную норму, автономия воли приобретает приоритет относительно иных объективных коллизионных привязок [9, с. 78].

Очевидно, что термин «автономия воли» не имеет однозначного толкования. Автономией воли традиционно именуется коллизионный принцип выбора применимого права, и одновременно возможность выбора определенной национальной правовой системы (а иногда источников негосударственного характера) участниками международных частноправовых отношений понимается в качестве, условно говоря, отраслевого (точнее подотраслевого) принципа. Автономия воли также лежит в основе диспозитивности, предполагающей реализацию участниками различных частноправовых отношений свободного волеизъявления.

Следовательно, необходимо обратить внимание на соотношение автономии воли, принципов диспозитивности и свободы договора. Среди авторов наблюдаются разночтения в трактовке указанного соотношения. Можем ли мы автономию воли считать составляющей принципа свободы договора? В частности, предлагается рассматривать их соотношение, во-первых, с позиции гражданского права как взаимосвязанные, но сохраняющие определенную самостоятельность принципы, а автономия воли имеет место и в тех случаях, когда вопрос о выборе не возникает; во-вторых, с позиции международного частного права как соотношение общего (свобода договора) и частного (автономия воли) [5, с. 145]. С последним трудно согласиться. Возможность выбора применимого права в широком понимании допускается лишь в регулировании международных частноправовых отношений.

Не следует идентифицировать автономию воли субъекта с принципом автономии воли, а также с субъективным правом определять содержание договора. Если рассматривать правовую природу принципа свободы договора, то становится очевидным, что в качестве основания реализации субъективных прав, составляющих его содержание, выступает автономия воли субъектов договорных отношений. В данном аспекте автономия воли лежит в основе реализации и иных

субъективных прав в различных частноправовых сферах.

Терминологическая неопределенность порождает противоречивые позиции относительно сущности и места принципа автономии воли в национальных правовых системах и международном праве в целом. Например, свобода договора относительно автономии воли рассматривается как более широкое явление, из чего формулируется вывод о том, что автономия воли как «право сторон внешнеэкономического договора определять подлежащее применению право» является «структурным элементом свободы договора» [6, с. 36]. В итоге автономия воли как черта, характеризующая субъектов договорных отношений, необоснованно включается в содержание свободы договора.

Общепризнано, что определение применимого права является традиционной составляющей принципа автономии воли. Что же касается свободы вступления в договорные отношения, самостоятельности определения условий и порядка исполнения договора, то стороны наделены возможностью по своему усмотрению, по согласованию между собой, устанавливать взаимные субъективные права и обязанности, не выходя за рамки сверхимперативных норм избранного права в качестве применимого к их отношениям и при условии непротиворечия публичному порядку. В первом случае речь идет о принципе международного частного права, для разграничения которого с гражданско-правовым принципом свободы договора используется термин «автономия воли». Свобода договора характерна для любых контрактов, в том числе внутренних, а возможность выбора применимого права должна иметь место лишь в сфере международных частноправовых отношений.

Применительно к международным коммерческим контрактам предлагается выделять принцип свободы контракта, который в отличие от принципа свободы договора включает возможность свободного решения сторонами контракта юрисдикционных вопросов (порядок разрешения споров) и вопросов о применимом праве. При этом утверждается, что данные возможности предполагает принцип автономии воли, а свобода оп-

ределения материальных условий сделки предполагается принципом свободы контракта [2, с. 218].

Но определение материальных условий внутренней сделки, а также условий о порядке разрешения споров базируется на принципе свободы договора. Кроме того, во внутренних контрактах также могут не содержаться условия о порядке разрешения споров (арбитражная оговорка), но возможно заключение самостоятельного арбитражного договора. А вот соглашению о применимом праве дозволено иметь либо вид одного из условий международного контракта, либо самостоятельного договора. Соглашение о применимом праве как результат согласования воли сторон международного контракта вообще может отсутствовать. Но в целом возможность выбора применимого права предусмотрена в рамках регулирования лишь международных частноправовых отношений. Во внутренних же договорах она косвенно допускается при определенных условиях небесспорной нормой п. 5 ст. 1210 ГК РФ.

Частноправовой принцип диспозитивности, на первый взгляд, шире по содержанию принципа автономии воли в его традиционном доктринальном значении. В соответствии с п. 2 ст. 1 ГК РФ диспозитивность заключается в праве граждан (физических лиц) и юридических лиц приобретать и осуществлять свои гражданские права своей волей и в своем интересе. В обобщенном значении она предполагает возможность участников частноправовых отношений самостоятельно выбирать варианты поведения, совершать любые действия, не запрещенные законом; в частности, возможность сторон договора по своему усмотрению определять условия договора. Утверждение о том, что «институт автономии воли – это одна из составляющих принципа диспозитивности» [4, с. 95], согласуется с традиционной трактовкой рассматриваемого института.

Вместе с тем необоснованно выглядит предложение рассматривать автономию воли в качестве «трансформации частноправового принципа диспозитивности применительно к трансграничным правоотношениям» [1, с. 96–97]. Если абстрактно исходить из смысловой нагрузки термина «диспозитивность», сторо-

ны также могут выбирать применимое право к своим частным правоотношениям. Но это не означает нахождения данной возможности в рамках принципа диспозитивности, так как она распространяет свое действие (реализуется) за пределами внутренних частноправовых отношений. Что же касается возможности выбора нейтрального права к отношениям, вытекающим из внутренних контрактов, данное новшество вызывает сомнения, поскольку норма п. 5 ст. 1210 ГК РФ создает условия для применения так называемого обхода закона. Такое положение выглядит скорее как исключение и никак не может служить основанием распространения действия принципа автономии воли (точнее, принципа выбора применимого права) на все внутренние частноправовые отношения.

Так же как и для принципа диспозитивности, для принципа свободы договора характерны универсальность и повсеместное применение, что обусловило их общепризнанность. И поскольку дозволительная направленность правового регулирования отличает частноправовые отношения от публично-правовых, указанные принципы гражданского права являются принципами частного права в целом [1, с. 95]. Универсальность проявляется через предоставленные нормами гражданского законодательства широкие возможности по договорному регулированию отношений, осуществлению гражданских прав и исполнению обязанностей субъектами частноправовых отношений (в том числе отношений международного характера), которые действуют руководствуясь собственной волей и базируясь на согласовании интересов. При этом нормативные ограничения и пределы не исключают универсальности указанных фундаментальных положений и в целом признания в качестве правовых принципов. Действие принципов диспозитивности и свободы договора в полной мере распространяется на частноправовые отношения международного характера. Принцип автономии воли (выбора применимого права) занимает отдельное место среди иных частноправовых принципов и распространяет свое действие исключительно на международные частноправовые отношения.

Выводы

В итоге автономия воли (в значении выбора применимого права) отличается от иных коллизионных принципов, так как имеет договорную основу (при этом не относится к числу материальных условий сделки) и не содержит точного алгоритма определения применимого права. Автономия воли в указанном значении обладает приоритетом над коллизионными правилами, которые подлежат применению лишь в том случае, когда участники международных частноправовых отношений не выбрали применимое право (с учетом установленных ограничений). Действие принципов диспозитивности и свободы договора в полной мере распространяется и на частноправовые отношения международного характера. Однако указанные принципы не следует отождествлять с автономией воли или рассматривать последнюю как их составляющую. Автономия воли в широком понимании лежит в основе диспозитивности и свободы договора, но в значении возможности выбора применимого права должна иметь место лишь в сфере международных частноправовых отношений и рассматриваться в качестве принципа международного частного права. В сфере регулирования международных частноправовых отношений автономия воли должна получить закрепление в качестве подотраслевого принципа, а с учетом многозначности термина «автономия воли» и содержания норм ГК РФ указанный принцип следует именовать как «принцип выбора применимого права».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Ю. М. К вопросу о соотношении понятий автономии воли, диспозитивности и свободы договора / Ю. М. Акимова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2014. – № 6. – С. 94–97.
2. Бахин, С. В. Принципы права международной торговли / С. В. Бахин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4 (237). – С. 197–218.
3. Глинщикова, Т. В. Автономия воли как инструмент выбора применимого права в международном частном праве / Т. В. Глинщикова, И. В. Волошина // Modern Science. – 2021. – № 1-1. – С. 133–136.

4. Дармокрик, В. Ф. Пределы принципа автономии воли и право, применимое сторонами при выборе условий сделки в международных договорах / В. Ф. Дармокрик // Вестник СГЮА. – 2016. – № 1 (108). – С. 94–100.

5. Занибеков, М. М. Автономия воли сторон и свобода договора при заключении международного коммерческого договора: действующий правовой механизм или юридическая фикция? / М. М. Занибеков // Вестник МФЮА. – 2016. – № 12. – С. 142–153.

6. Кондратьева, Е. М. Свобода договора и «автономия воли сторон» как гарантии осуществления конституционных прав российских участников внешнеэкономической деятельности в международном частном праве / Е. М. Кондратьева // Вестник Нижегородского университета. Серия «Право». – 2003. – № 1. – С. 33–44.

7. Лунц, Л. А. Курс международного частного права / Л. А. Лунц. – М.: Спарк, 2002. – 1007 с.

8. Малкин, О. Ю. Правовое регулирование выбора права сторонами договора / О. Ю. Малкин. – М.: Изд-во СГУ, 2008. – 157 с.

9. Нам, К. В. Ограничения выбора применимого права в соответствии с регламентом ЕС № 864/2007 от 11 июля 2007 г. «О праве, применимом к внедоговорным обязательственным отношениям» / К. В. Нам // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 2 (63). – С. 76–84. – DOI: 10.12737/article_58ec9f585c3c88.66062020

10. Чернышева, С. А. Некоторые проблемы применения автономии воли сторон в международном частном праве / С. А. Чернышова, Т. В. Глинщикова // Modern Science. – 2020. – № 5-3. – С. 420–423.

REFERENCES

1. Akimova Yu.M. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy avtonomii voli, dispozitivnosti i svobody dogovora [On the Issue of the Relationship Between the Concepts of Autonomy of Will, Dispositiveness and Freedom of Contract]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki* [Problems of Economics and Legal Practice], 2014, no. 6, pp. 94-97.
2. Bakhin S.V. Printsipy prava mezhdunarodnoy trgovli [Principles of International Trade Law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [News of Higher Educational Institutions. Jurisprudence], 2001, no. 4 (237), pp. 197-218.
3. Glinshchikova T.V., Voloshina I.V. Avtonomiya voli kak instrument vybora primenimogo prava v mezhdunarodnom chastnom prave [Autonomy of Will as a Tool for Choosing the Applicable Law in

International Private Law]. *Modern Science*, 2021, no. 1-1, pp. 133-136.

4. Darmokrik V.F. Predely printsipa avtonomii voli i pravo, primenimoye storonami pri vybore usloviy sdelki v mezhdunarodnykh dogovorakh [Limits of the Principle of Autonomy of Will and the Law Applicable by the Parties When Choosing the Terms of a Transaction in International Treaties]. *Vestnik SGYuA* [Bulletin of the SSLA], 2016, no. 1 (108), pp. 94-100.

5. Zhanibekov M.M. Avtonomiya voli storon i svoboda dogovora pri zaklyuchenii mezhdunarodnogo kommercheskogo dogovora: deystvuyushchiy pravovoy mekhanizm ili yuridicheskaya fiktsiya? [Autonomy of the Will of the Parties and Freedom of Contract When Concluding an International Commercial Contract: A Valid Legal Mechanism or a Legal Fiction?]. *Vestnik MFYuA* [Bulletin of the Moscow Financial and Law Academy], 2016, no. 12, pp. 142-153.

6. Kondratieva E.M. Svoboda dogovora i «avtonomiya voli storon» kak garantii osushchestvleniya konstitutsionnykh prav rossiyskikh uchastnikov vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti v mezhdunarodnom chastnom prave [Freedom of Contract and “Autonomy of the Will of the Parties” as Guarantees of the Implementation of Constitutional Rights of Russian Participants in Foreign Economic Activity in International Private

Law]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Series: Law], 2003, no. 1, pp. 33-44.

7. Lunts L.A. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava* [Course of International Private Law]. Moscow, Spark Publ., 2002. 1007 p.

8. Malkin O.Yu. *Pravovoye regulirovaniye vybora prava storonami dogovora* [Legal Regulation of the Choice of Law by the Parties to the Contract]. Moscow, Izd-vo SGU, 2008. 157 p.

9. Nam K.V. Ogranicheniya vybora primenimogo prava v sootvetstvi s reglamentom ES № 864/2007 ot 11 iyulya 2007 g. «O prave, primenimom k vnedogovornym obyazatel'stvennym otnosheniyam» [Limitations on the Choice of Applicable Law in Accordance with EU Regulation No. 864/2007 of 11 July 2007 “On the Law Applicable to Non-Contractual Obligations”]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2017, no. 2 (63), pp. 76-84. DOI: 10.12737/article_58ec9f585c3c88.66062020

10. Chernysheva S.A., Glinshchikova T.V. Nekotoryye problemy primeneniya avtonomii voli storon v mezhdunarodnom chastnom prave [Some Problems of the Application of the Autonomy of the Will of the Parties in International Private Law]. *Modern Science*, 2020, no. 5-3, pp. 420-423.

Information About the Author

Maria A. Alexandrina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law, Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, aleks9999.72@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3532-8750>

Информация об авторе

Мария Александровна Александрина, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, aleks9999.72@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3532-8750>

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.10>

UDC 341:502.14

LBC 67.911.20

Submitted: 23.02.2025

Accepted: 04.07.2025

THE WORLD HERITAGE LIST AS AN ENVIRONMENTAL PROTECTION TOOL ¹

Roman Yu. Kolobov

A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the World Heritage Convention is the most important instrument for the protection of unique human and natural creations. The article structures the World Heritage protection system and identifies functional subsystems of a normative and institutional nature. The most well-known means of implementing such protection is the inclusion of objects in the World Heritage List, which is decided by the World Heritage Committee. Despite the central role of this list, its legal nature and the international legal consequences of including heritage sites in it have not been studied in Russian jurisprudence. The **purpose** of the study is to determine the legal nature of the World Heritage List and the legal consequences of listing objects in it, both in accordance with the provisions of the international legal instruments and the established practice of their application. The research uses the **methods** of the formal legal analysis of the text of the Convention and the Guidelines for its implementation, on the basis of which a conclusion is drawn about the general formal equalization of the protection regime for the heritage included in the analyzed list and identified by states independently. The exceptions in which, according to the text of the Convention, there is a differentiation in the treatment of heritage inscribed and not inscribed on the World Heritage List concern only matters of international assistance. **Results:** the main formal and legal consequences of adding sites to the World Heritage List are related to the possibility of providing international assistance to states. The inevitability of using the means of soft international law in establishing prohibitions on mining activities and the construction of dams with large reservoirs within the boundaries of the World Natural Heritage sites included in the World Heritage List is stated. The important role of defining the boundaries of the World Heritage sites using international legal procedures and the formulation of an outstanding universal value for the protection of the World Natural Heritage is revealed. The practice of protecting World Heritage sites located in Russia and abroad is analyzed. **Conclusions:** at the current stage of the development of the international regulatory system, the consequences of including objects in the World Heritage List arise in the segment of soft international law, which determines the need for a responsible attitude of states to comply with environmental restrictions of this kind. The improvement of domestic regimes for the protection of World Heritage must take into account not only the provisions of the text of the Convention for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage but also the established practice of its application.

Key words: preliminary lists, UNESCO, specially protected natural areas, World Heritage Committee, International Union for Conservation of Nature.

Citation. Kolobov R.Yu. The World Heritage List as an Environmental Protection Tool. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 73-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.10>

СПИСОК ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ
КАК ПРИРОДООХРАННЫЙ ИНСТРУМЕНТ ¹

Роман Юрьевич Колобов

Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского
Сибирского отделения РАН», г. Иркутск, Российская Федерация

Введение: констатируется важная роль Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия в системе международных договоров природоохранной направленности. Проводится структурирование системы охраны всемирного наследия с выделением функциональных подсистем нормативного и институционального характера. Подчеркивается важная роль Списка всемирного наследия как природоохранного инструмента, обеспечивающего сохранение уникальных природных объектов общемировой значимости. Выявляется проблема недостаточности юридических исследований, посвященных роли Списка всемирного наследия в охране природы. **Целью** исследования является выявление правовой природы Списка всемирного наследия и определение юридических последствий включения в него объектов всемирного природного наследия. **Методы:** осуществляется формально-юридический анализ текста Конвенции и Руководства по ее выполнению, на основе которого формулируется вывод об общем формальном уравнивании режима охраны наследия, внесенного в анализируемый список и выявленного государствами самостоятельно. Исключения, в которых, согласно тексту Конвенции, наблюдается дифференциация режима наследия, внесенного и не внесенного в Список всемирного наследия, затрагивают только вопросы оказания международной помощи. **Результаты:** показываются юридические последствия, связанные с внесением объектов в Список всемирного наследия, не предусмотренные в Конвенции, но выработанные международной практикой охраны уникальных природных комплексов. Выявляется важная роль определения границ объектов всемирного наследия с использованием международно-правовых процедур и подготовкой формулировки выдающейся универсальной ценности для охраны природного наследия мировой значимости. Анализируется практика охраны объектов всемирного наследия, расположенных в России и за рубежом. Констатируется неизбежность использования средств «мягкого» международного права при установлении запретов на осуществление деятельности по добыче полезных ископаемых в границах ОВПН и строительству плотин с большими резервуарами. Формулируется **вывод** о необходимости ответственного отношения государств к правилам охраны природы, возникающим в секторе «мягкого» международного права. Совершенствование внутригосударственных режимов охраны всемирного наследия должно учитывать не только положения текста Конвенции по охране всемирного культурного и природного наследия, но и сложившуюся практику ее применения.

Ключевые слова: предварительные списки, ЮНЕСКО, особо охраняемые природные территории, Комитет всемирного наследия, Международный союз охраны природы.

Цитирование. Колобов Р. Ю. Список всемирного наследия как природоохранный инструмент // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 73–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.10>

Введение

Вторая половина двадцатого века ознаменовалась кардинальными изменениями в международной нормативной системе, одним из которых стало формирование источников международного права окружающей среды ². Особое место среди них занимает Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. ³ (далее – Конвенция). В ней впервые была предпринята попытка объединить режимы охраны уникаль-

ных творений человека и природы, которые составили соответствующие подсистемы охраны всемирного наследия. На момент проведения настоящего исследования в Конвенции участвует 196 государств ⁴, в связи с чем она является одним из наиболее представительных международных договоров универсального характера.

Функциональное деление системы охраны всемирного наследия представлено тремя частями. Нормативную часть составляют источники международной нормативной сис-

темы различной юридической природы, а ее ядро – Конвенция и Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (далее – Руководство)⁵. Институциональная часть объединяет различные органы, наделенные компетенцией по охране всемирного наследия, прежде всего – Межправительственный комитет по охране всемирного культурного и природного наследия (далее – Комитет) и его консультативный орган в отношении природного наследия – Международный союз охраны природы (далее – МСОП). Третья, инструментальная часть образована специальными механизмами охраны всемирного наследия, к их числу в первую очередь относится Список всемирного наследия⁶ (далее также – Список). Анализ отечественной юридической литературы не позволил обнаружить работы, в которых он выступал бы самостоятельным предметом исследования. Настоящая статья посвящена восполнению дефицита внимания юридической науки к Списку как международно-правовому *природоохранному* инструменту.

За годы, прошедшие с момента принятия Конвенции, Список фактически стал отождествляться с самой системой охраны всемирного наследия, а вопросы включения и исключения из него объектов культурного и природного наследия воспринимаются как основные события сессий Комитета⁷. Такое значение Списка обуславливает необходимость анализа истинной юридической природы этого явления с позиций текста Конвенции⁸, сложившейся международно-правовой практики ее применения и возможных направлений совершенствования системы охраны всемирного наследия.

Список всемирного наследия: нормативный аспект

Анализ материалов, отражающих историю разработки Конвенции, показывает, что подход к составлению *перечня* охраняемых объектов фигурировал в самых ранних проектах этого международного договора. Джозеф Фишер, описывая свою идею создания «Траста всемирного наследия» на девятой сессии Генеральной ассамблеи МСОП⁹, прошедшей в 1966 г., называл первым шагом к ее практической реализа-

ции создание *списка* мест, которые могут быть предметом международного внимания¹⁰. С принятием Конвенции прием включения в Список получил закрепление на уровне источника международного права. Ее одиннадцатая статья закрепляет компетенцию Комитета по формированию Списка всемирного наследия из объектов, обладающих, по его мнению, выдающейся универсальной ценностью на основе перечней, предоставляемых государствами.

Исходя из буквального толкования Конвенции, обязательства государств по выявлению, охране, сохранению, популяризации и передаче будущим поколениям культурного и природного наследия распространяются на такое наследие вне зависимости от его внесения в Список. Основные обязательства стран-участниц Конвенции расположены в ее второй главе «Национальная охрана и международная охрана культурного и природного наследия», а положения о Списке – в главе третьей «Межправительственный комитет по охране всемирного культурного и природного наследия». Все положения второй главы Конвенции оперируют общим понятием наследия, определенным в ст. 1 и 2 Конвенции, вне зависимости от внесения такого наследия в Список. Выявление такого наследия, согласно ст. 3 Конвенции, является обязанностью государств, участвующих в ней. Международно-правовой формой, в которую облакаются выявленные объекты, являются предварительные списки государств. В соответствии с п. 63 Руководства не допускается номинация объекта, который не был включен в предварительный список объектов данного государства. Такое правило было обусловлено необходимостью как планирования работы Центра, консультативных органов и Комитета, так и обеспечения репрезентативности Списка всемирного наследия, в котором достаточно давно выявились диспропорции в пользу представленности объектов культурного наследия, причем в его европейском понимании как монументальной культуры [5, р. 370].

Текст Конвенции приписывает лишь отдельные правовые последствия включения объектов в Список, сводящиеся к предоставлению международной помощи. Статья 20 Конвенции закрепляет, что такая помощь может быть предоставлена только для ценнос-

тей культурного и природного наследия, которые Комитет решил или решает¹¹ включить в Список или Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. То же положение закрепляет три исключения¹², в которых такая помощь все же может быть предоставлена. Первое предусматривает ситуацию, в которой целью запрашиваемой помощи является выявление объектов наследия, указанных в ст. 1 и 2 Конвенции, в случаях, когда предварительные исследования показали, что это будет оправдано (п. 2 ст. 13)¹³. Второе закрепляет предоставление помощи в целях подготовки специалистов в области выявления, охраны, сохранения, восстановления и популяризации наследия (п. (с) ст. 22). Третье предполагает предоставление помощи национальным и региональным центрам подготовки специалистов в указанных областях (ст. 23). Все приведенные исключения укладываются в общую логику системы охраны всемирного наследия. Выявление объектов наследия возможно только до их включения в Список, поэтому и оказание международной помощи для этих целей представляется логичным и верным. В отношении двух последних исключений объектами такой помощи являются не собственно объекты всемирного наследия, а соответствующие центры всемирного наследия.

Достаточно лаконичная по объему ст. 12 Конвенции закрепляет важное положение, согласно которому факт невключения объекта в Список или Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, не означает отсутствия выдающейся универсальной ценности для иных целей, кроме тех, которые являются следствием включения в эти списки. Логическое толкование этого положения позволяет переформулировать его так: включение в два указанных списка означает признание выдающейся универсальной ценности для целей, оговоренных в Конвенции как следствия включения в эти списки.

Целью ст. 12 Конвенции является распространение международного режима охраны наследия на максимально широкий круг объектов, представляющих важность для цивилизации. В 1972 г. было принято два документа: Конвенция и Рекомендация об охране культурного и природного наследия в национальном плане¹⁴. В совокупности эти доку-

менты должны были создать систему международной помощи преимущественно для объектов, внесенных Комитетом в Список; закрепить систему *общих* международно-правовых обязательств по охране любого наследия, потенциально подпадающего под определения, содержащиеся в ст. 1 и 2 Конвенции; создать ориентиры для национально-правовой охраны наследия посредством внедрения указанной рекомендации.

Такой подход имеет сильные и слабые стороны. В ситуации 1972 г. он позволил распространить международно-правовые обязанности, проистекающие из источника классического, «строного» международного права, на отношения по сохранению уникальных творений человека и природы. Признание необходимости охраны наследия, не включенного в Список, позволяет распространить на вышеуказанные обязанности положения ст. 6 Конвенции, закрепляющие для международного сообщества обязанность сотрудничать. В практической плоскости особенно актуальным может быть обращение к п. 3 ст. 6 Конвенции. Распространение положений этой статьи на наследие, определенное государствами в одностороннем порядке путем включения в предварительные списки, доступные для ознакомления другим государствам, придает характер международного правонарушения преднамеренным действиям государства, причиняющим прямой или косвенный ущерб такому наследию¹⁵.

Еще одним возможным позитивным эффектом действия описываемого подхода является отмечаемая в науке возможность обеспечения дополнительного охранительного эффекта на наследие, находящееся за пределами формально определенных границ объекта всемирного наследия [13, р. 194]. Включение объекта в Список сопровождается определением границ в соответствии с международной процедурой. В случае если охраняется любое наследие, независимо от его внесения в Список, то охране действительно подлежат даже те территории, которые формально не вошли в состав границ объекта, однако обладают выдающейся универсальной ценностью. Признавая формально-юридическую верность такого подхода, приходится признать, что сплошной анализ решений Комитета, принятых начиная с 1977 г.¹⁶, не по-

зволит выявить такого контекста применения ст. 12 Конвенции. Представляется, что подобного рода задачи могут решаться при помощи понятий «буферной зоны объекта всемирного наследия» и «более широкого окружения объекта», используемых в Руководстве¹⁷.

В то же время нельзя не согласиться с Ф. Ленцерини, отмечающим, что обязательства по Конвенции выражены в чрезвычайно слабой модальности [13, р. 192]. В статье пятой, закрепляющей основной состав обязательств государств в отношении обеспечения национальной охраны, реализация этих мероприятий предполагается *по возможности*, в форме *стремления* в условиях, свойственных каждой стране. Вместе с тем позиция профессора Ленцерини о том, что положения анализируемой главы Конвенции не содержат международных обязательств, в строгом смысле этого слова спорна [13, р. 192]. В цитируемой работе он указывает, что в тексте ст. 4 употребляется термин *duty*, а не *obligation*. Грамматические и формально-юридические способы толкования текстов международной природы должны учитывать, что последние составляются на разных языках. Статья 30 Конвенции закрепляет, что все пять языков, на которых она составлена, обладают равной силой. В русском тексте ст. 4 используется термин обязательство, а во французском – *obligation*.

Право является *формальной* системой, которая всегда стремится к *формальной* определенности. В условиях, когда государства самостоятельно формируют перечни объектов, отвечающих критериям выдающейся универсальной ценности, в отсутствие какого-либо контроля со стороны международных институтов, неудивительно, что стремление к такой определенности взяло верх в развитии системы охраны всемирного наследия, которая практически полностью устранилась от влияния на отношения по сохранению уникальных объектов, не включенных в Список. Единичные примеры, в которых Комитет обращал внимание на состояние сохранности наследия, не включенного в Список, связаны только с самыми серьезными случаями варварского отношения к уникальным объектам мировой значимости. К ним относится, к примеру, уничтожение Бамианских статуй Будды в Афганистане [4].

Очень показательным проявлением рассматриваемой тенденции представляются правила Руководства об использовании эмблемы всемирного наследия, в которых, на наш взгляд, обнаруживает себя описываемая противоречивость исходного текста Конвенции и практики ее применения.

Конвенция не содержит указания на возможность использования эмблемы охраны всемирного наследия, однако она стала одним из способов «брендинга», обеспечивающих выполнение требований Конвенции в части популяризации наследия¹⁸. Если принимать во внимание изначальную идею о наличии выдающейся универсальной ценности у объектов независимо от их включения в Список, то использование такой эмблемы должно разрешаться для всех объектов, которые выявлены государствами самостоятельно в соответствии с положениями ст. 3 и п. 1 ст. 11 Конвенции. Казалось бы, в том же ключе и говорится в п. 258 Руководства, открывающем раздел о правилах использования эмблемы. В нем указывается, что она символизирует *Конвенцию*, приверженность стран-участниц *Конвенции*, но при этом обозначает объекты, включенные в *Список* всемирного наследия. В том же разделе содержатся и правила об использовании табличек с обозначением всемирного наследия. Пункт 269 Руководства закрепляет, что такая табличка устанавливается на объектах, внесенных в Список, для целей информирования о Конвенции, концепции всемирного наследия и Списке. Характерно, что правило об использовании эмблемы для маркировки только объектов, включенных в Список, появляется в подп. в п. 5 самой первой редакции Руководства, принятой в 1977 г. (когда сама эмблема еще не была утверждена).

Юридические последствия включения объекта в Список всемирного наследия

Рассмотренные правила о возможности использования эмблемы всемирного наследия только для той его части, которая внесена в Список, представляют собой яркое, но вовсе не единственное последствие внесения объекта в Список, появившееся вне текста Конвенции.

Начиная с 2007 г. включение объекта в Список сопровождается формализацией его уникальных свойств в виде формулировки выдающейся универсальной ценности. В ней получают описание три составляющие такой ценности: соответствие ее критериям, установленным Руководством, и качеству целостности, а также обладание системой охраны и управления объектом¹⁹. Закрепленные в такой формулировке так называемые атрибуты выдающейся универсальной ценности являются носителями (выразителями) уникальных свойств и качеств, на которые распространяется международно-правовая охрана. Предъявляемое Комитетом требование о проведении оценки воздействия планируемой на объектах всемирного наследия экономической деятельности имеет в своей основе анализ влияния именно на эти охраняемые атрибуты, закрепленные в формулировке выдающейся универсальной ценности. Методика такого анализа подробно описана в специальном Руководстве по оценке воздействия на объекты всемирного наследия²⁰, применение которого поддержано Комитетом. Для тех объектов, которые были включены в Список до 2007 г., разрабатывается так называемая ретроспективная формулировка выдающейся универсальной ценности²¹. Без принятия и подготовки такой формулировки невозможно выполнение требований системы охраны всемирного наследия об обеспечении эффективной системы управления и осуществлении оценки воздействия планируемой деятельности. Такую позицию, в частности, высказали эксперты Центра и МСОП, посетившие озеро Байкал в составе совместной мониторинговой миссии в 2023 году²².

Как указывалось ранее в настоящей статье, внесение объектов в Список предполагает определение границ самого объекта и его буферной зоны (при наличии), в рамках которых действует международно-правовой режим охраны всемирного наследия. Разумеется, положения Конвенции носят несамоисполнимый характер и в любом случае требуют поиска и определения национальной формы выражения режима охраны всемирного природного наследия. Такой формой, как известно, являются особо охраняемые природные территории²³. Если государство изменяет гра-

ницы последних, «оголяя» национально-правовую охрану объекта всемирного наследия (в границах, утвержденных Комитетом), то это обстоятельство является нарушением ст. 4 и 5 Конвенции в части обеспечения правовой охраны уникального природного объекта. Комитет незамедлительно реагирует на такие случаи. Такая ситуация складывалась в отношении российских ОВПН «Девственные леса Коми»²⁴ и «Вулканы Камчатки»²⁵. В обоих случаях режим охраны всемирного наследия помогал восстанавливать и обеспечивать национально-правовую охрану уникальных природных объектов. Подобная формализация границ объектов всемирного природного наследия возможна только в случае внесения объекта в Список.

При этом нельзя не отметить, что в разные годы ситуация с территориальной определенностью объектов всемирного природного наследия складывалась по-разному. В ранние годы существования Списка требования к картографическому материалу были не столь строгими, в результате чего некоторые объекты были внесены в него с неясными границами. К числу многочисленных зарубежных примеров такого рода можно отнести карту, представленную в 1984 г. при внесении в Список объекта «Национальный парк Ройал-Читаван» (Непал)²⁶. Известны случаи, в которых политический характер принятия решений Комитетом обуславливал включение объекта в Список без определения его границ на местности. Показательный пример такого рода ситуаций приводит М. Рёсслер, занимавшая пост директора Центра. По ее словам, в 2017 г. Комитет включил объект в Список, одновременно попросив государство, на территории которого он расположен, представить его карту в срок до 1 декабря. Если бы на следующий день на объекте произошло стихийное бедствие, то Центр даже не знал бы, где он расположен [10, р. 37]²⁷. Такое положение вещей закономерно, поскольку международная нормативная система и ее составляющие достаточно инертны и требуют времени для совершенствования. В настоящее время в системе охраны всемирного наследия действует программа ретроспективного уточнения границ объектов всемирного наследия, а также формируется собственная ГИС-

система, отражающая границы объектов всемирного наследия, *внесенных в Список*²⁸.

Еще одним важнейшим элементом режима охраны всемирного природного наследия, применимого только к объектам, включенным в Список, являются два запрета на осуществление отдельных видов экономической деятельности, выработанных за годы существования системы охраны всемирного наследия в сегменте «мягкого» международного права.

Первый из них – запрет на добычу полезных ископаемых в границах объектов всемирного наследия. Он сформировался из заявления Совета по горному делу и металлам 2003 г. [2], а последующая поддержка Комитетом превратила его в сильнейший инструмент влияния на сохранение объектов, обладающих выдающейся универсальной ценностью.

Второй – это запрет на строительство плотин с большими резервуарами в границах объектов всемирного наследия. Этот подход был концентрированно выражен в так называемой Декларации Сан-Хосе об устойчивой гидроэнергетике, закрепляющей добровольно принятое обязательство лидеров индустрии воздерживаться от подобного строительства в границах объектов всемирного наследия²⁹.

Принадлежность указанных запретов к сфере «мягкого» международного права предопределяет и особенности их реализации. Разумеется, что на практике охраны объектов всемирного природного наследия известны случаи их нарушения. К ним относится, например, строительство гидроэлектростанции в границах охотничьего резервата «Селус» (Танзания), воспрепятствовать которому не смогли структуры охраны всемирного наследия³⁰. Развитие проектов добывающей промышленности и упразднение национальной особо охраняемой территории в Омане привели к исключению из Списка резервата аравийской антилопы в 2007 году³¹.

Оценка действенности таких ограничений должна происходить с учетом особенностей формирования и функционирования положений международной нормативной системы, существующих в сегменте «мягкого» права. Эффективность их регулирующего воздействия зависит прежде всего от длительного единообразного поведения государств, добро-

вольно осознающих необходимость поддерживать сформировавшиеся стандарты.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что эволюция Списка всемирного наследия привела к расширению последствий внесения в него объектов. Значительная их часть выработана в сегменте «мягкого» международного права, что, с одной стороны, предполагает отсутствие юридической ответственности государств за нарушение соответствующих правил, а с другой – обеспечивает формирование природоохранных стандартов в тех сферах охраны природы, в которых еще не сложились условия для принятия международных договоров. Ответственное отношение государств к соблюдению таких стандартов способно привести к появлению инструментов «строного» международного права в будущем.

Совершенствование национального законодательства по вопросам охраны объектов всемирного природного наследия должно принимать во внимание как положения текста Конвенции, так и сложившуюся практику их толкования, сфокусировавшуюся на состоянии объектов всемирного наследия, внесенных в Список, а в некоторых единичных случаях – в предварительные списки государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках исполнения государственного задания РАН № 125013001144-6.

The study was carried out within the framework of the RAS state assignment No. 125013001144-6.

² Число международных договоров природоохранного характера на настоящий момент превысило 3 000. См.: [9, p. 103].

³ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия : (заключена в г. Париже 16.11.1972) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIV. М., 1990. С. 496–506.

⁴ States Parties. URL: <https://whc.unesco.org/en/statesparties/>

⁵ Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. WHC.24/01. July 31, 2024. URL: <https://whc.unesco.org/document/203803>

⁶ К другим элементам этой системы относится Фонд всемирного наследия, планы управле-

ния объектами всемирного наследия, оценка воздействия на наследие и др.

⁷ По меткому выражению Л. Мескелл, события сессии представляют собой «гонку за включением». См.: [8].

⁸ Помимо Списка и Списка всемирного наследия, находящегося под угрозой, ее текст предусматривает формирование перечней ценностей культурного и природного наследия, расположенных на территории соответствующего государства, которые могут быть включены в Список (п. 1 ст. 11), и списка ценностей, для которых выделяется международная помощь (п. 5 ст. 13).

⁹ На тот момент организация именовалась как Международный союз охраны природы и природных ресурсов.

¹⁰ Ninth General Assembly. Lucerne, Switzerland. 25 June – 2 July 1966. Proceedings. Supplementary Papers № 8. Morges, 1967. P. 73. Идея составления списка охраняемых природных территорий международного значения прослеживается как минимум с 1958 г., когда МСОП призвал ООН сформировать такого рода перечень. См.: [12, p. 280].

¹¹ В английском варианте текста Конвенции используется выражение «has decided, or may decide», во французском – «a décidé ou décide». Русский вариант текста по смыслу, судя по всему, ближе к французскому. Глаголы «решает» и «décide» в соответствии с обычным значением этих слов могут толковаться как предполагающие, что процесс принятия решения о включении объекта в Список запущен. В английском тексте такой смысл передавался бы формами «is deciding, decides».

¹² В русских вариантах текста Конвенции, представленных на сайте Центра и ООН, статья 20 изложена так: «Международная помощь в соответствии с настоящей Конвенцией может предоставляться лишь для ценностей культурного и природного наследия, которые Комитет всемирного наследия решил или решает включить в один из списков, упомянутых в пунктах 2 и 4 статьи 11, согласно пункту 2 статьи 13, пункту с статьи 22 и статьи 23». Однако указанные три пункта устанавливают изъятия из общего правила, а не порядок включения в Список. Во французском тексте Конвенции это положение излагается при помощи оборота «sous réserve» (des dispositions du paragraphe 2 de l'article 13, de l'alinéa (c) de l'article 22, et de l'article 23). В английском «subject to the provisions» (of paragraph 2 of Article 13, sub-paragraph (c) of Article 22 and Article 23).

¹³ В вариантах Конвенции на русском языке, представленных на сайте Центра и ООН, п. 2 ст. 13 содержит очевидную техническую ошибку, поскольку дублирует часть ст. 11 Конвенции. Ср. варианты текста на разных языках. «На основе перечней, представляемых государствами в соответствии

с пунктом 1, Комитет составляет, обновляет и публикует под названием "Список всемирного наследия" список ценностей культурного и природного наследия, определенного в статьях 1 и 2, в том случае, когда предварительные исследования показали, что это будет оправданно» (рус.). «Requests for international assistance under paragraph 1 of this article may also be concerned with identification of cultural or natural property defined in Articles 1 and 2, when preliminary investigations have shown that further inquiries would be justified» (англ.). «Les demandes d'assistance internationale en application du paragraphe 1 du présent article peuvent aussi avoir pour objet l'identification de biens du patrimoine culturel et naturel défini aux articles 1 et 2, lorsque des recherches préliminaires ont permis d'établir que ces dernières méritaient d'être poursuivies» (фр.).

¹⁴ Рекомендация об охране культурного и природного наследия в национальном плане. Records of the General Conference, 17th session, Paris, 17 October to 21 November 1972, vol. 1: Resolutions, recommendations (rus.). URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000114044_rus.page=156

¹⁵ Необходимость охраны объектов всемирного природного наследия от деятельности, осуществляемой в других государствах, возникает прежде всего в связи со строительством плотин. Такая ситуация сложилась, к примеру, на ОВПН «Национальные парки на озере Туркана». См.: [3]. Однако этот объект является внесенным в Список. Примеров применения указанного подхода для охраны природного наследия, еще не внесенного в Список, нам выявить не удалось.

¹⁶ В этом году состоялась первая сессия Комитета, посвященная решению организационных вопросов. См.: [11, p. 6].

¹⁷ Понятие буферной зоны объекта всемирного наследия не закреплено в Конвенции, однако используется в Руководстве с 1977 г. вплоть до сегодняшнего дня. Такие зоны носят факультативный характер, но в случае их создания сведения об их границах также вносятся в Список. Понятие «более широкое окружение» (англ. «a wider setting», фр. «le cadre plus large») отражает необходимость учета экосистемных связей объекта всемирного наследия и территорий, расположенных за пределами границ такого ОВПН и его буферной зоны. Руководство предписывает распространять на такие территории действие систем планирования управления ОВПН (п. 112), учитывать их при проведении оценки воздействия планируемой экономической деятельности в границах ОВПН или вблизи него (п. 118 бис), включать более широкое окружение объекта в предмет проводимых научных исследований (п. 215), а также описывать его состав при подаче материалов номинаций для включения объектов в

Список и конкретизировать юридический режим охраны таких территорий (п. 2с, 7а Приложения 3 к Руководству).

¹⁸ Реальная узнаваемость эмблемы, утвержденной в 1978 г., разумеется, разнится в разных странах и во многом зависит от усилий управляющих отдельными объектами всемирного наследия. К примеру, как показало исследование на пяти ОВПН в Австралии, только восемь процентов посетителей этих объектов узнали эмблему всемирного наследия. В национальном парке «Гавайские вулканы» (США) этот показатель составил пять процентов. См.: [6, р. 777–778]. Схожая ситуация складывается и в странах Юго-Восточной Азии. См.: [7, р. 66].

¹⁹ Эти три элемента выступают равноценными элементами выдающейся универсальной ценности. См.: [1].

²⁰ Guidance and Toolkit for Impact Assessment in a World Heritage Context. Resource Manual. URL: <https://whc.unesco.org/document/195279>

²¹ Для ее разработки консультативными органами также подготовлено отдельное методическое руководство. См.: Guidance on the Preparation of Retrospective Statements of Outstanding Universal Value. URL: <https://www.iucn.org/sites/default/files/import/downloads/whouven.pdf>

²² Report on the Joint UNESCO World Heritage Centre / IUCN Reactive Monitoring Mission to Lake Baikal World Heritage Property, Russian Federation from 12 to 16 December 2023. URL: <https://whc.unesco.org/document/207572>

²³ Причем как de jure, так и de facto центральная экологическая зона Байкальской природной территории содержательно является особо охраняемой природной территорией, несмотря на то что закон не признает ее таковой.

²⁴ См.: Decision 35 COM 7B.25 Virgin Komi Forests (Russian Federation) (N 719). URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/4433>

²⁵ Decision 45 COM 7B.26 Volcanoes of Kamchatka (Russian Federation) (N 765 bis). URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/8300>

²⁶ Chitwan National Park. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/284/>

²⁷ Судя по всему, речь идет об объекте «Храмовая зона в Самбор Прей Кук», археологический памятник древней Ишанапуры (Камбоджа). См.: Decision 41 COM 8B.15 Temple Zone of Sambor Prei Kuk, Archaeological Site of Ancient Ishanapura (Cambodia). URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/6887>

²⁸ World Heritage Online Map Platform. URL: <https://experience.arcgis.com/experience/aeae427b3c5045a6a4c72a93ab1d1280>

²⁹ Декларация Сан-Хосе об устойчивой гидроэнергетике. URL: <https://www.hydropower.org/>

[publications/deklaraciya-san-hose-ob-ustoychivoy-gidroenergetike](https://www.hydropower.org/publications/deklaraciya-san-hose-ob-ustoychivoy-gidroenergetike)

³⁰ Равным образом МСОП и Центр не смогли убедить Комитет в необходимости исключить этот объект из Списка по причине нарушения целостности объекта, являющейся, как было сказано, одной из составляющих выдающейся универсальной ценности. См.: Decision 44 COM 7A.51 Selous Game Reserve (United Republic of Tanzania) (N 199 bis). URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/7713>

³¹ Decision 31 COM 7B.11 State of Conservation of World Heritage Properties – Arabian Oryx Sanctuary. URL: <https://whc.unesco.org/en/decisions/1392>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колобов, Р. Ю. Выдающаяся универсальная ценность объектов всемирного природного наследия: проблемы определения / Р. Ю. Колобов // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 4. – С. 149–162. – DOI: 10.17803/1994-1471.2024.161.4.149-162
2. Affolder, N. A. The Private Life of Environmental Treaties / N. A. Affolder // The American Journal of International Law. – 2009. – Vol. 103, no. 3. – P. 510–525. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0002930000019953>
3. Avery, S. T. Lake Turkana, Major Omo River Developments, Associated Hydrological Cycle Change and Consequent Lake Physical and Ecological Change / S. T. Avery, E. J. Tebbs // Journal of Great Lakes Research. – 2018. – Vol. 44, no. 6. – P. 1164–1182. – DOI: 10.1016/j.jglr.2018.08.014
4. Francioni, F. The Destruction of the Buddhas of Bamiyan and International Law / F. Francioni, F. Lenzerini // European Journal of International Law. – 2003. – Vol. 14, no. 4. – P. 619–651. – DOI: 10.1093/ejil/14.4.619
5. Gfeller, A. E. Anthropologizing and Indigenizing Heritage: The Origins of the UNESCO Global Strategy for a Representative, Balanced and Credible World Heritage List / A. E. Gfeller // Journal of Social Archaeology. – 2015. – Vol. 15, no. 3. – P. 366–386. – DOI: 10.1177/1469605315591398
6. King, L. M. Communicating the World Heritage Brand: Visitor Awareness of UNESCO's World Heritage Symbol and the Implications for Sites, Stakeholders and Sustainable Management / L. M. King, E. A. Halpenny // Journal of Sustainable Tourism. – 2014. – Vol. 22, no. 5. – P. 768–786. – DOI: 10.1080/09669582.2013.864660
7. Le Ang, P. B. Visitor Awareness of World Heritage Emblem in Developing Countries / P. B. Le Ang, T. L. Chen // Journal on Tourism & Sustainability. – 2020. – Vol. 4, no. 1. – P. 56–70.

8. Meskell, L. The Rush to Inscribe: Reflections on the 35th Session of the World Heritage Committee, UNESCO Paris, 2011 / L. Meskell // *Journal of Field Archaeology*. – 2012. – Vol. 37, no. 2. – P. 145–151. – DOI: 10.1179/0093469012Z.00000000014

9. Mitchell, R. B. What We Know (and Could Know) About International Environmental Agreements / R. B. Mitchell, L. B. Andonova, M. Axelrod [et al.] // *Global Environmental Politics*. – 2020. – Vol. 20, no. 1. – P. 103–121. – DOI: 10.1162/glep_a_00544

10. Rössler, M. Between Exclusion and Inclusion: On the Challenges Facing World Heritage Preservation Efforts // *Santander Art and Culture Law Review*. – 2017. – Vol. 2, no. 3. – P. 33–40. – DOI: <https://doi.org/10.4467/2450050XSNR.17.020.8421>

11. Slayter, R. O. The Origin and Development of the World Heritage Convention / R. O. Slayter // *Monumentum. The International Journal of Architectural Conservation. Special Issue*. – 1983. – Vol. 12, no. 3/4. – P. 3–16.

12. Stott, P. H. The World Heritage Convention and the National Park Service, 1962–1972 / P. H. Stott // *The George Wright Forum*. – 2011. – Vol. 28, no. 3. – P. 279–290.

13. The 1972 World Heritage Convention : a Commentary. 2nd ed. / ed. by F. Francioni, F. Lenzerini. – Oxford : Oxford University Press, 2023. – 458 p.

REFERENCES

1. Kolobov R. Yu. Vydayushchayasya universalnaya tsennost' ob'yektov vsemirnogo prirodnogo naslediya: problemy opredeleniya [Outstanding Universal Value of World Natural Heritage Sites: Definition Issues]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava*, 2023, no. 4, pp. 149–162. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.161.4.149-162

2. Affolder N.A. The Private Life of Environmental Treaties. *The American Journal of International Law*, 2009, vol. 103, no. 3, pp. 510–525. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0002930000019953>

3. Avery S.T., Tebbs E.J. Lake Turkana, Major Omo River Developments, Associated Hydrological Cycle Change and Consequent Lake Physical and Ecological Change. *Journal of Great Lakes Research*, 2018, vol. 44, no. 6, pp. 1164–1182. DOI: 10.1016/j.jglr.2018.08.014

4. Francioni F., Lenzerini F. The Destruction of the Buddhas of Bamiyan and International Law. *European Journal of International Law*, 2003, vol. 14, no. 4, pp. 619–651. DOI: 10.1093/ejil/14.4.619

5. Gfeller A.E. Anthropologizing and Indigenizing Heritage: The Origins of the UNSECO Global Strategy for a Representative, Balanced and Credible World Heritage List. *Journal of Social Archaeology*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 366–386. DOI: 10.1177/1469605315591398

6. King L.M., Halpenny E.A. Communicating the World Heritage Brand: Visitor Awareness of UNESCO's World Heritage Symbol and the Implications for Sites, Stakeholders and Sustainable Management. *Journal of Sustainable Tourism*, 2014, vol. 22, no. 5, pp. 768–786. DOI: 10.1080/09669582.2013.864660

7. Le Ang P.B., Chen T.L. Visitor Awareness of World Heritage Emblem in Developing Countries. *Journal on Tourism & Sustainability*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 56–70.

8. Meskell L. The Rush to Inscribe: Reflections on the 35th Session of the World Heritage Committee, UNESCO Paris, 2011. *Journal of Field Archaeology*, 2012, vol. 37, no. 2, pp. 145–151. DOI: 10.1179/0093469012Z.00000000014

9. Mitchell R.B., Andonova L.B., Axelrod M. et al. What We Know (and Could Know) About International Environmental Agreements. *Global Environmental Politics*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 103–121. DOI: 10.1162/glep_a_00544

10. Rössler M. Between Exclusion and Inclusion: On the Challenges Facing World Heritage Preservation Efforts. *Santander Art and Culture Law Review*, 2017, vol. 2, no. 3, pp. 33–40. DOI: <https://doi.org/10.4467/2450050XSNR.17.020.8421>

11. Slayter R.O. The Origin and Development of the World Heritage Convention. *Monumentum. The International Journal of Architectural Conservation, Special Issue*, 1983, vol. 12, no. 3/4, pp. 3–16.

12. Stott P.H. The World Heritage Convention and the National Park Service, 1962–1972. *The George Wright Forum*, 2011, vol. 28, no. 3, pp. 279–290.

13. Francioni F., Lenzerini F., eds. *The 1972 World Heritage Convention: A Commentary*. Oxford, Oxford University Press, 2023. 458 p.

Information About the Author

Roman Yu. Kolobov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Leading Researcher, A.E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Favorskogo St, 1, 664033 Irkutsk, Russian Federation, roman.kolobov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1488-7530>

Информация об авторе

Роман Юрьевич Колобов, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского Сибирского отделения РАН», ул. Фаворского, 1, 664033 г. Иркутск, Российская Федерация, roman.kolobov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1488-7530>

www.volsu.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.11>

UDC 343.14

LBC 67.410.204.0

Submitted: 11.03.2025

Accepted: 04.07.2025

JUDICIAL EXAMINATION AND PRE-TRIAL “CRYPTO EXAMINATION” OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

Sergey B. Rossinsky

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: with this paper, the author continues the cycle of publications dealing with the examination of evidence as one of the components of criminal procedural proof; in particular, he returns to the problems raised in the paper previously published in the journal *Legal Concept = Pravovaya Paradigma* – “Judicial Investigation in A Criminal Case: Collection or Examination of Evidence?” The reasons that predetermined the obvious need for the legal regulation of judicial examination of evidence and the non-obviousness of such a need for pre-trial examination of evidence are considered. The **purpose** of the paper is to identify the doctrinal parallels between explicit judicial and hidden pre-trial examination of evidence in criminal proceedings. **Methods:** in preparing the paper, the general scientific research methods were used: the dialectical method of cognition, the method of system analysis, the formal logical methods, etc., as well as the special research methods: the formal legal method, the historical legal method, the method of comparative law, etc. The **results** of the conducted research allowed taking another step towards a comprehensive study of the phenomenon of examination of evidence in the general mechanism of criminal procedure evidence. **Conclusions:** 1) the most probable reasons for the legislator’s insufficiently attentive attitude to the phenomenon of examination of evidence are identified; 2) an acceptable explanation is found for the limited legislative regulation of examination of evidence exclusively at the judicial stages of criminal proceedings; 3) it is proved that it is impossible to limit the scope of application of the examination of evidence only to legal relations inherent in the judicial stages of criminal proceedings.

Key words: pre-trial proceedings, examination of evidence, preliminary investigation, collection of evidence, structure of evidence, judicial investigation.

Citation. Rossinsky S.B. Judicial Examination and Pre-Trial “Crypto Examination” of Evidence in a Criminal Case. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 84-91. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.11>

УДК 343.14

ББК 67.410.204.0

Дата поступления статьи: 11.03.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

СУДЕБНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И ДОСУДЕБНОЕ «КРИПТОИССЛЕДОВАНИЕ» ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права РАН, г. Москва, Российская Федерация

Введение: настоящей статьей автор продолжает цикл публикаций, посвященных исследованию доказательств как одного из компонентов уголовно-процессуального доказывания, в частности, возвращается

к проблемам, поднятым в ранее опубликованной в журнале «Legal Concept = Правовая парадигма» статье «Судебное следствие по уголовному делу: собирание или исследование доказательств?». Рассматриваются причины, предопределившие очевидность потребности в нормативном регулировании судебного исследования доказательств и неочевидность такой потребности для досудебного исследования доказательств. **Цель** статьи сводится к выявлению доктринальных параллелей между явным судебным и скрытым досудебным исследованием доказательств в уголовном судопроизводстве. **Методы:** при подготовке статьи использовались общенаучные методы исследования: диалектический метод познания, метод системного анализа, формально-логические методы и др., а также специальные методы исследования: формально-юридический, историко-правовой, сравнительное правоведение и др. **Результаты** проведенных изысканий позволили сделать очередной шаг на пути к всестороннему рассмотрению феномена исследования доказательств в общем механизме уголовно-процессуального доказывания. **Выводы:** 1) распознаны наиболее вероятные причины недостаточно внимательного отношения законодателя к феномену исследования доказательств; 2) найдено приемлемое объяснение ограниченности законодательной регламентации исследования доказательств исключительно судебными стадиями уголовного судопроизводства; 3) доказана невозможность ограничения сферы применения исследования доказательств только правоотношениями, присущими судебным стадиям уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: досудебное производство, исследование доказательств, предварительное расследование, собирание доказательств, структура доказывания, судебное следствие.

Цитирование. Россинский С. Б. Судебное исследование и досудебное «криптоисследование» доказательств по уголовному делу // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 84–91. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.11>

Введение

В четвертом номере журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» за 2024 г. была опубликована наша статья «Судебное следствие по уголовному делу: собирание или исследование доказательств?» [7]. В статье анализировались вытекающие из смысла действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс) нормативные противоречия между общими положениями доказательственного права и более частными правилами работы с доказательствами в ходе судебного следствия. Говорилось о несоответствии этих правил, а именно четко вытекающих из ряда «судебных» статей Кодекса предписаний о судебном исследовании (!) доказательств, предусмотренной ст. 85 УПК РФ базовой структуре доказывания, сводящейся к хорошо известной трехчленной формуле: «собирание доказательств → проверка доказательств → оценка доказательств». В этой связи ставились, на первый взгляд, слегка наивные, но вместе с тем не подразумевающие внятных ответов вопросы: 1) о потере из поля зрения «коллективного законодателя» (читай: авторов-разработчиков проекта Кодекса) конкретных полномочий суда по собиранию доказательств; 2) о правильности или неправильности толко-

вания предусмотренных гл. 37 УПК РФ правил проведения судебного следствия как освобождающих суды от потребности в собственном собирании доказательств, то есть ограничивающих их возможности лишь исследованием и проверкой имеющихся средств доказывания; 3) о смысле судебных приемов, состоящих в накоплении новых информационных активов, то есть никак не связанных с передаваемыми через прокуроров материалами дознавательских или следственных производств, и т. д. Попутно, но ввиду ограниченного объема статьи достаточно лаконично, как бы между прочим, выражалось недоумение в отношении непризнания феномена исследования доказательств одним из непреложных компонентов доказывания – его невключения в предусмотренную ст. 85 УПК РФ структуру, в связи с чем обращалось внимание на целесообразность исправления данной ошибки.

В результате проведенных изысканий и логических рассуждений мы пришли к умозаключению о присущности судебному следствию как одному из этапов уголовно-процессуального доказывания обоих компонентов работы с доказательствами: и их собирания, и их исследования. Было установлено, что для данного фазиса судебного разбирательства по уголовному делу в той или иной степени свойственны и процессуально-созидательные (со-

бирательные), и процессуально-исследовательские приемы, предрасположенные как к интеграции в рамках единых когнитивно-установительных действий (судебных допросов, осмотров местности или помещения, экспериментов, экспертиз и т. д.), так и к автономному осуществлению посредством реализации сугубо познавательных (оглашения материалов уголовного дела, осмотров вещественных доказательств и пр.) либо сугубо собирательских (приобщения к уголовному делу) полномочий.

Таким образом, статья «Судебное следствие по уголовному делу: собирание или исследование доказательств?» стала очередным, но далеко не завершающим шагом в нашем стремлении к подробному и обстоятельному рассмотрению феномена исследования доказательств как автономного компонента уголовно-процессуального доказывания, в том числе его соотносению с собиранием доказательств. Вполне очевидно, что для завершения данного научного проекта потребуется целая серия изысканий, а для детального освещения их результатов – еще множество публикаций. Кроме того, ответы на вышеуказанные вопросы, как это нередко бывает, привели к появлению новых вопросов, связанных с проблематикой исследования доказательств. В частности, стала ощущаться потребность в выявлении причин, приведших к невнимательному отношению «коллективного законодателя» к феномену исследования доказательств. Вместе с тем захотелось понять, почему авторы-разработчики проекта Кодекса связали исследование доказательств исключительно с судебной когницией имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Одновременно появились намерения выяснить, свойственны ли сугубо исследовательские приемы досудебному производству и т. д., другими словами, возникла потребность в дальнейших научных поисках. Их первым результатам и посвящена настоящая статья.

О вероятных причинах невнимательности законодателя к феномену исследования доказательств

Как уже отмечалось в упомянутой статье «Судебное следствие по уголовному делу:

собирание или исследование доказательств?», на сегодняшний день, спустя почти четверть века с момента принятия Кодекса, достаточно трудно уразуметь подлинные причины, некогда побудившие авторов-разработчиков его проекта к сведению нормативной структуры доказывания именно к трем звеньям: собиранию, проверке и оценке доказательств. В этой связи остается довольствоваться лишь возможностью выдвижения некоторых историко-правовых гипотез. Причем наиболее состоятельной нам видится версия, предполагающая негативное влияние так называемой кибернетической (информационной) концепции доказывания – совокупности широко известных научных представлений о доказательствах и доказывании, впоследствии удостоенных официального признания и принятых на вооружение в качестве доктринального фундамента для современного доказательственного права, в первую очередь для его общих положений, включенных в гл. 10–11 УПК РФ. Ведь, возникнув в середине 1960-х гг. на фоне повсеместной увлеченности кибернетикой как наукой о закономерностях передачи и преобразования информационных сигналов, накопления и хранения закодированных в них сведений, эта концепция стала вполне ожидаемым итогом неоправданно сильной заинтересованности ряда ученых-процессуалистов в сугубо информационных аспектах доказывания, непременного стремления к внедрению трендовых на тот момент кибернетических разработок в дознавательскую, следственную, прокурорскую и судебную практику.

Несмотря на внешнюю стройность и эстетичность, кибернетическая концепция оказалась не столь совершенной, каковой, по всей вероятности, изначально виделась своим приверженцам, со временем в ее постулатах стали усматриваться и некоторые недостатки. А ее главный изъян был обнаружен в фактическом сведении всего доказывания лишь к информационному процессу [2, с. 73; 5, с. 62], то есть к накоплению, верификации и рейтингованию неких информационных активов (читай: к собиранию, проверке и оценке доказательств), но почему-то без потребности в их исследовании. Так, в известной «научной Библии» для апологетов кибернетической концепции – фундаментальном коллективном труде

«Теория доказательств в советском уголовном процессе» – прямо говорится о включении в содержание этой деятельности только собирания и закрепления, проверки и оценки неких данных, необходимых для установления истины и решения задач уголовного судопроизводства [8, с. 298]; схожие позиции присущи и многим другим кибернетически ориентированным публикациям доказательственной направленности.

Конечно, взгляды уважаемых авторов не являлись такими уж наивными и примитивными, какими могут показаться на первый взгляд. Будучи крупнейшими специалистами в области уголовно-процессуального доказывания, они хорошо понимали (просто не могли не понимать!) необходимость исследования доказательств и дальнейшего использования в качестве логических доводов, способствующих обоснованию правоприменительных актов. Кстати, и они фрагментарно указывали на потребность в извлечении проистекающей из доказательств информации, то есть в их исследовании, – подобные познавательные приемы расценивались в качестве составляющих частей собирания доказательств [8, с. 300]. Таким образом, изъяны и шероховатости кибернетической концепции надлежит усматривать не столько в категоричном отрицании исследования доказательств как структурного элемента доказывания, сколько в его пускании на самотек, в оставлении без должного внимания, в явном уклонении от выявления и осмысления его собственного предназначения.

По всей вероятности, в этом и кроется главная причина, приведшая к законодательной легализации трехчленной формулы доказывания, ограниченности его структуры только собиранием, проверкой и оценкой доказательств. Скорее всего, авторы-разработчики проекта Кодекса, увы, так и не достигнув надлежащего уровня эрудированности в вопросах теории и методологии доказывания, оказались способны лишь к самому примитивному, буквальному пониманию кибернетической концепции, предопределившему догматичность использования ее положений, в том числе произвольный отказ от включения в сферу законодательного регулирования не до конца осознанных и уясненных деталей, тем более что

многие привлеченные к работе над проектом УПК РФ функционеры и даже ученые ввиду известных конъюнктурных причин были сориентированы на активное внедрение в уголовный процесс англосаксонских модностей, в том числе на приоритет формы информационных активов над их содержанием. В этой связи достаточно много внимания вполне ожидало было уделено правилам допустимости доказательств, порядку их исключения из уголовного дела и т. д., тогда как на должную проработку целого ряда других нюансов доказательственного права, в частности положений, касающихся исследования доказательств, видимо, просто не хватило ни времени, ни сил, ни желания.

К слову, в некоторых других постсоветских государствах эти вопросы были решены более разумно. Например, в соответствии со ст. 127 принятого чуть больше 10 лет назад Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан исследование доказательств прямо признается одним из компонентов доказывания. Правда, данную норму тоже нельзя признать идеальной – в ее содержании усматривается путаница между исследованием и проверкой доказательств.

Исследование доказательств как очевидный компонент судебного доказывания

Невзирая на достаточно пренебрежительное отношение законодателя к феномену исследования доказательств, говорить о полном нормативном забвении этого компонента доказывания все же не приходится – ему уделяется некоторое внимание в «судебных» нормах уголовно-процессуального права. Так, в ст. 240 УПК РФ устанавливается требование о непосредственности судебного исследования доказательств (!), а в ст. 274 УПК РФ – его порядок (очередность); в ст. 291 УПК РФ говорится об окончании судебного исследования доказательств (!), а в ст. 389.13 УПК РФ – об «апелляционном» исследовании доказательств (!), не попавших в зону внимания суда первой инстанции. В статье 246 УПК РФ предусматриваются возможности участия в судебном исследовании доказательств (!) государственного (частного) обвинителя, а в ст. 249

УПК РФ – встречные правомочия защитника и т. д. Более того, исходя из смысла закона, именно ему (исследованию) уготована роль одного из базовых компонентов судебного доказывания. Тогда как судебному собиранию доказательств, по сути, придается лишь второстепенное значение, несмотря на множество нормативных «намеков» и «подсказок», о суде как о субъекте собирания доказательств прямо говорится только в ч. 1 ст. 86 УПК РФ.

Согласиться с таким нормативным подходом достаточно сложно. Однако причины его возникновения вполне объяснимы – по всей видимости, феномен судебного исследования доказательств привлек внимание «коллективного законодателя» в силу заметности для невооруженного глаза, то есть предрасположенности к выявлению, обнаружению и пониманию глубоко не погруженными в проблематику уголовно-процессуального доказывания лицами. Ведь в ходе судебных разбирательств уголовных дел либо рассмотрения прочих относящихся к исключительному ведению суда вопросов достаточно часто возникает потребность не столько в получении новых, сколько в перцепции, изучении, анализировании уже имеющихся, накопленных ранее информационных активов, в первую очередь доказательственных материалов, собранных посредством досудебных производств. Более того, будучи подчинено известным условиям реализации судебной власти: устности, гласности, обеспечению доступа к правосудию и др., судебное исследование доказательств нуждается в достаточно четкой формализации, в связи с чем может осуществляться лишь в установленном законом порядке. Для решения подобных задач предусматриваются специальные, нехарактерные для стадий возбуждения уголовного дела и предварительного расследования процессуально-когнитивные действия: оглашение прежних показаний подсудимых, потерпевших, свидетелей, экспертных заключений, протоколов следственных действий, прочих документов, осмотры вещественных доказательств и т. д. Несвязанность всех этих сугубо когнитивных приемов с собиранием доказательств, то есть накоплением предметов, документов, сведений путем их юридического преобразования в допустимые информационные акти-

вы, представляется достаточно очевидной. И таким образом, по всей вероятности, законодатель просто не смог проигнорировать надобность в нормативной регламентации приемов судебного исследования доказательств – она слишком сильно бросалась и продолжает бросаться в глаза, слишком выделялась и продолжает выделяться на общем фоне механизмов доказывания. К слову, точно такие же ошибки присущи и многим научным публикациям, в которых феномен исследования доказательств связывается исключительно с судебными стадиями уголовного судопроизводства [1, с. 31].

Исследование доказательств как скрытый компонент досудебного доказывания

Вместе с тем достаточно близкие по предназначению, направленные на решение схожих когнитивных задач, но присущие не судебному, а досудебному производству познавательные приемы оказались для законодателя, равно как и для подавляющего большинства ученых-процессуалистов, не столь очевидными. Они не привлекли к себе право творческого внимания, в связи с чем не получили какого-либо нормативного отражения в положениях доказательственного права; исходя из смысла закона, должностным лицам органов предварительного расследования, а в некоторой степени защитникам и другим невластным субъектам уголовно-процессуальных правоотношений стало предписано работать с доказательствами в четком соответствии с установленной ст. 85 УПК РФ трехчленной формулой.

В частности, пока что еще очень немногим специалистам удавалось подметить, что надобность в исследовании предварительно собранных и уже находящихся в уголовном деле доказательств может быть свойственна не только механизмам судебного познания и одними лишь «судебными» правоотношениями эти потребности не ограничены [3, с. 21–22; 4, с. 188]. Мало кому посчастливилось уразуметь характерность точно таких же, по крайней мере весьма схожих когнитивных задач для досудебного производства, осознать и осмыслить постоянно присущую работе доз-

навателей, следователей, а также их процессуальных «визави» необходимость восприятия, изучения, анализа ранее накопленных информационных активов. Кроме того, не были учтены познавательные приемы, состоящие в превентивном восприятии, изучении и анализировании дознавателями и следователями каких-либо предметов и документов еще до их признания пригодными к использованию паратусными доказательствами [8] и приобщения к уголовному делу, именно в целях установления наличия либо отсутствия оснований для принятия соответствующих решений.

Но тем не менее такие потребности – это вполне обыденные реалии правоприменительной практики; они возникают и, следовательно, нуждаются в удовлетворении по всем, по крайней мере подавляющему большинству, находящимся в производстве органов предварительного расследования уголовным делам. Ведь любому дознавателю либо следователю приходится знакомиться с содержанием поступающих в его ведение экспертных заключений, алиусных (иных) документов, материалов, содержащих результаты непроцессуальной, в первую очередь оперативно-разыскной деятельности, прочих информационных активов. Каждому из них надлежит изучать протоколы и другие материалы осуществленных без его непосредственного участия следственных действий, в том числе «перешедшие по наследству» от ранее ведущих соответствующие дела дознавателей и следователей, сформированные коллегами в порядке исполнения «отдельных поручений», и т. д. Тогда как обвиняемым, защитникам, потерпевшим, другим невластным субъектам доказывания желательно в пределах своих правомочий знакомиться с накопленными информационными активами для уяснения перспектив дальнейшего производства по уголовному делу в целом и определения вектора своего поведения в частности. В противном случае ни проверить, ни оценить на предмет относимости, допустимости, достоверности, ни продуктивно использовать все эти материалы для нужд доказывания станет просто невозможным.

Правда, ввиду принципиально иных, по сравнению с судебным разбирательством, полунинквизиционных условий дознавательской и следственной деятельности – ее камеральнос-

ти (кабинетности), относительной тайности, письменности, «следственной автократии» и т. п., для удовлетворения всех указанных когнитивных потребностей какая-либо существенная формализация соответствующих познавательных приемов просто не нужна. Вряд ли кому-то могут показаться разумными некие предусмотренные законом требования, вынуждающие дознавателя или следователя, уподобляясь суду, громко оглашать самому себе «в тиши кабинета» только что полученное экспертное заключение, материал, содержащий результаты оперативно-разыскной деятельности, или какой-либо иной документ. Поэтому такие потребности подлежат удовлетворению в необремененном особыми юридическими гарантиями, то есть достаточно свободном режиме, обычно сводящемся к банальному прочтению либо просмотру соответствующих документов (визуальному обследованию соответствующих предметов) в любое удобное время, как бы в перерывах между процессуальными действиями.

Вместе с тем существуют и некоторые исключения – прямо предусмотренные законом процедуры, сводящиеся к ознакомлению обвиняемых, защитников, потерпевших, других правомочных субъектов с материалами уголовных дел и не предполагающие столь свободный процессуальный режим досудебного исследования доказательств. Ввиду понятных причин данные механизмы не могут обойтись без некоторой формализации, без обременения рядом юридических гарантий, способствующих как обеспечению правовой защищенности указанных лиц, так и снижению рисков злоупотребления предоставленными им процессуальными возможностями. В этой связи «предсудебные» ознакомления со всеми материалами уголовных дел четко регламентируются ст. 216–218 УПК РФ, а «текущие» ознакомления с некоторыми документами, например с заключениями эксперта, осуществляются в режиме, предполагающем правовую преемственность по отношению к данным положениям закона.

Выводы

1. Причины недостаточно внимательного отношения законодателя к феномену исследования доказательств можно с высокой долей вероятности связать с лакунами ис-

пользованной в качестве доктринального фундамента для общих положений современного доказательственного права кибернетической (информационной) концепции доказывания, предполагающей сведение всей доказательственной деятельности лишь к накоплению, верификации и рейтингованию различных информационных активов без потребности в их познании, то есть восприятии, изучении, анализировании содержащихся в них сведений.

2. Ограниченность законодательной регламентации исследования доказательств исключительно судебными стадиями уголовного судопроизводства следует объяснять явностью, заметностью соответствующих судебно-познавательных процедур, их предрасположенностью к усмотрению и пониманию глубоко не погруженными в проблематику уголовно-процессуального доказывания лицами.

3. Сферу применения исследования доказательств нельзя ограничивать только правоотношениями, присущими судебным стадиям уголовного судопроизводства. Его, напротив, нужно рассматривать в качестве свойственного как досудебному, так и судебному производству автономного компонента работы органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, других субъектов уголовного процесса с доказательствами. Под ним (исследованием) надлежит понимать совокупность предполагающих различную степень формализации познавательных приемов, обеспечивающих удовлетворение когнитивных потребностей властных и невластных субъектов-познавателей, сводящихся к должному восприятию, изучению, анализированию собранных либо подлежащих собиранию информационных активов (то есть улавливанию различных информационных сигналов, как бы «считыванию» закодированных в них гносеологических посылов) и способствующих их проверке, оценке на предмет относимости, допустимости, достоверности, а также продуктивному использованию в качестве средств уголовно-процессуального доказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васяев, А. А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе / А. А. Васяев. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 472 с.

2. Доля, Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М. : Проспект, 2009. – 376 с.

3. Жусипбекова, А. М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу / А. М. Жусипбекова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 19–23.

4. Конин, В. В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы / В. В. Конин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 2 (99). – С. 185–191.

5. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М. : Юрист, 2009. – 174 с.

6. Россинский, С. Б. Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве / С. Б. Россинский // Юридический вестник Самарского университета. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 40–48. – DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-40-48

7. Россинский, С. Б. Судебное следствие по уголовному делу: собирание или исследование доказательств? / С. Б. Россинский // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 155–163. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.4.20

8. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – М. : Юрид. лит., 1973. – 736 с.

REFERENCES

1. Vasyaev A.A. *Teoriya issledovaniya dokazatelstv v rossijskom ugolovnom processe* [Theory of Evidence Research in Russian Criminal Procedure]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 472 p.

2. Dolya E.A. *Formirovanie dokazatelstv na osnove rezultatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti* [Formation of Evidence Based on the Results of Operational-Search Activities]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 376 p.

3. Zhusipbekova A.M. *Issledovanie dokazatelstv kak element dokazyvaniya po ugolovnomu delu* [Research of Evidence as an Element of Proof in a Criminal Case]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 3, pp. 19–23.

4. Konin V.V. *Issledovanie dokazatelstv v ugolovnom sudoproizvodstve: diskussionnye voprosy* [Research of Evidence in Criminal Proceedings: Controversial Issues]. *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Lukyanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Named After V.V. Lukyanov], 2024, no. 2 (99), pp. 185–191.

5. Orlov Yu.K. *Problemy teorii dokazatelstv v ugovnom processe* [Problems of the Theory of Evidence in Criminal Proceedings]. Moscow, Yurist Publ., 2009. 174 p.

6. Rossinskij S.B. Paratusnye dokazatelstva v ugovnom sudoproizvodstve [Paratus Evidences in the Criminal Proceedings]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 40-48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-40-48>

7. Rossinskij S.B. Sudebnoe sledstvie po ugovnomu delu: sobiranie ili issledovanie dokazatelstv? [The Judicial Inquiry of a Criminal Case: Collecting or Examining Evidence?]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 155-163. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.20>

8. Zhogin N.V., ed. *Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugovnom processe* [Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1973. 736 p.

Information About the Author

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Znamenka St, 10, 119019 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права РАН, ул. Знаменка, 10, 119019 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.12>UDC 343.16
LBC 67.410.2Submitted: 28.03.2025
Accepted: 04.07.2025

PSYCHOLOGICAL MEANS OF AN INVESTIGATOR'S ACTIVITY IN CONFLICT SITUATIONS

Svyatoslav Yu. Biryukov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: during a preliminary investigation of crimes, the perpetrators and those who come to the attention of law enforcement agencies usually use various ways to at least alleviate their fate, not to mention the desire to avoid criminal liability altogether. To do this, the criminal begins to actively counteract the professional activities of the person conducting the investigation, which finds expression in various kinds of conflicts that are the result of a significant discrepancy between the interests of the criminal and the subject of investigation, who is aimed at establishing all the circumstances of the deed and collecting the necessary evidence. Currently, the topic of conflict is receiving increasing attention, both in the field of social sciences and in technical disciplines. However, unfortunately, only a limited number of the results obtained as part of the study find practical application in the activities of investigative authorities. Analyzing the ongoing studies on conflicts arising between abstract systems, it can be noted that in the framework of such scientific research, the researchers clearly do not pay enough attention to the factors that play an important role in the processes of psychological confrontation. The limitations that arise when applying the results of existing socio-psychological research in investigative activities are due to the specific goals and objectives facing the researchers. Thus, the recommendations related to making settlements through the mechanism of concessions and compromises can be very effective in the context of negotiations with terrorists or other offenders holding hostages, for example, where the key goal is to minimize the threat to the life and health of the latter. However, these approaches often lose their importance in the context of conflict resolution between the investigator and the perpetrator, since the main task of the former is to establish the circumstances of the criminal act and prove the guilt of the accused, rather than making a settlement with them. In this regard, the author set a **goal** to consider individual psychological means of the subject of investigation activity in conflict situations. **Methods:** the methodological framework for the research consists of the provisions of materialistic dialectics regarding the knowledge of social reality, as well as analysis and synthesis, induction and deduction, and the system-structural, sociological, linguistic, and formal-logical methods. **Results:** the psychological means of the investigator's activity described in the work in conflict situations make it possible to more effectively resist the destructive activities of individual parties to the criminal process. **Conclusions:** as a result of the study, individual psychological means of the subject of investigation activity in conflict situations are revealed.

Key words: investigator, subject of investigation, investigative situation, conflict, interest, opposition to investigation.

Citation. Biryukov S.Yu. Psychological Means of an Investigator's Activity in Conflict Situations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 92-99. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.12>

УДК 343.16
ББК 67.410.2Дата поступления статьи: 28.03.2025
Дата принятия статьи: 04.07.2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СИТУАЦИЯХ КОНФЛИКТОВ

Святослав Юрьевич Бирюков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в ходе осуществления предварительного расследования преступлений лица, совершившие их и оказавшиеся в поле зрения правоохранительных органов, как правило, используют различные пути для

как минимум облегчения своей участи, не говоря о стремлении вообще избежать уголовной ответственности. Для этого преступник начинает активно противодействовать профессиональной деятельности лица, ведущего расследование, что находит свое выражение в разного рода конфликтах, представляющих собой результат существенного расхождения интересов преступника и субъекта расследования, который нацелен на установление всех обстоятельств содеянного и сбор необходимой доказательственной базы. В настоящее время тема конфликтов получает все большее внимание как в области социальных наук, так и в технических дисциплинах. Тем не менее лишь ограниченное количество результатов, полученных в ходе этих исследований, находит практическое применение в деятельности следственных органов. При анализе проведенных исследований можно отметить, что в них явно недостаточно внимания уделяется факторам, играющим важную роль в процессах психологического противостояния. Ограничения, возникающие при применении результатов имеющихся изысканий в следственной деятельности, обусловлены специфическими целями и задачами, стоящими перед исследователями. В связи с этим автором поставлена **цель** рассмотреть отдельные психологические средства деятельности субъекта расследования в ситуациях конфликтов. **Методы:** методологическую основу исследования составляют положения материалистической диалектики относительно познания социальной действительности, а также анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-структурный, социологический, лингвистический, формально-логический методы. **Результаты:** описанные в работе психологические средства деятельности следователя в конфликтных ситуациях дают возможность более эффективно противостоять деструктивной деятельности отдельных участников уголовного процесса. **Выводы:** раскрыты отдельные психологические средства деятельности субъекта расследования в ситуациях конфликтов.

Ключевые слова: следователь, субъект расследования, следственная ситуация, конфликт, интерес, противодействие расследованию.

Цитирование. Бирюков С. Ю. Психологические средства деятельности следователя в ситуациях конфликтов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 92–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2025.2.12>

Введение

Наш метод изучения и разработки психологических инструментов для субъектов расследования, проводимого в условиях конфликта, основывается на тезисе, опровергающем идею о «бесконфликтном следствии». Теория криминалистики в этой связи указывает на тактические и психологические методы, показывая, что подход к конфликтам требует учета не только внешних факторов, но и психологических аспектов, влияющих на участников процесса.

Понимая, что проблема методов преодоления конфликтов в уголовном судопроизводстве представляется крайне непростой, в рамках настоящего исследования мы будем говорить о конфликтах, возникающих между стороной обвинения и защиты, в контексте освещения средств их разрешения.

Психологические средства деятельности следователя в ситуациях конфликтов

В целях настоящего исследования представляется целесообразным рассмотреть со-

держание словосочетания «разрешение конфликтов». В контексте внешних конфликтов, возникающих в процессе работы субъекта расследования, в теории криминалистики наличествует точка зрения, согласно которой разрешение конфликта должно рассматриваться как стремление к его минимизации или даже избеганию ситуаций, которые могут его усугубить. Применительно к лицу, ведущему расследование, это означает, что его задача по сглаживанию конфликта заключается в налаживании взаимодействия с противной стороной на уровне прямого общения. Цель такого взаимодействия – это не просто формальное признание виновным вины в совершенном криминальном поступке, а стремление к искреннему его раскаянию или к обретению истины через более глубокое понимание обстоятельств дела [1, с. 109]. Такая позиция согласуется с другой точкой зрения, предполагающей, что определяющим в разрешении имеющегося конфликта субъектом расследования выступает трансформация ситуации острого конфликта через стадию соперничества к ситуации бесконфликтной, конструктивной [7, с. 15].

Исследователи указывают на то, что разрешение конфликта – это процесс завер-

шения противоборства. Оно осуществляется только в случае изменения конфликтной ситуации. Это изменение охватывает различные аспекты конфликта, такие как цели и объекты конфликта, а также взаимодействия между оппонентами [6, с. 34].

В этой связи необходим анализ различных стратегий разрешения наиболее распространенных ролевых конфликтов, возникающих в уголовном судопроизводстве. Понятно, что конфликт будет рассматриваться как разрешенный в случае коррекции негативной установки указанного участника процесса или осознания им и последующего раскаяния в осуществлении криминального акта. Однако нельзя также игнорировать тот факт, что разрешение конфликта может произойти и благодаря пересмотру целей со стороны лица, ведущего расследование: вновь установленные данные меняют его понимание роли того или иного участника процесса и вовлеченности последнего в расследуемое преступное деяние.

В отношениях между ведущим расследование лицом и подозреваемым происходит сложное переплетение социально-ролевых и личностных факторов, где главенствующая роль отводится то одним, то другим из указанных факторов. На старте их фактического взаимодействия в большинстве случаев доминируют социально-ролевые факторы, которые формируются под влиянием тех установок и стереотипов, которые присущи каждому из взаимодействующих лиц. Несмотря на это, личные качества, которые проявляются в процессе общения, также вносят свои коррективы в динамику данных отношений.

Судебно-следственная практика свидетельствует, что не все возникающие в уголовном судопроизводстве конфликты получаются разрешить. И субъекту расследования нередко приходится работать в условиях так называемых неразрешенных конфликтов. Указанное и предопределяет наше желание исследовать именно средства деятельности субъекта расследования в ситуациях, характеризующихся наличием конфликта.

Для глубокого осмысления природы средств, используемых лицом, ведущим расследование в процессе установления обстоятельств преступного деяния, имеет смысл

обратиться к тезису Карла Маркса, который утверждает, что цель человеческой активности «определяет способ и характер ее осуществления» [10, с. 189]. В контексте средств общения, а также с учетом конфликта как специфической формы взаимодействия данное утверждение находит подтверждение в исследованиях, проведенных учеными-психологами [3]. В этих экспериментах четко проявляется зависимость выбора средств общения от ориентиров, заданных индивидуумом.

Тем не менее сложность в определении психологических инструментов, используемых в деятельности индивида, усугубляется тем фактом, что одно и то же действие, ранее выступавшее в роли цели, может превратиться в средство для достижения цели в рамках совершенно другого действия.

Думается, что такие психологические инструменты, применяемые субъектом расследования, целесообразно подразделить на две группы: для анализа и для деятельности. Причем средства анализа также подразделим на средства анализа конфликта в следственной ситуации до начала взаимодействия ее субъектов и средства анализа этой ситуации в момент их взаимодействия.

В теории криминалистики под воздействием на субъекта уголовно-процессуальной деятельности понимается воздействие одного индивида на другого, которое представляет собой сложный процесс, осуществляемый в интересах как отдельных лиц, так и общества в целом. Основной целью такого воздействия является побуждение определенной реакции от человека, на которого это влияние оказывается, что в итоге формирует желаемое поведение и позицию этого человека в интересующем субъекта воздействия направлении [11, с. 13]. Необходимо подчеркнуть, что в предложенном определении ставится акцент на процессе передачи информации, что подразумевает наличие психологического воздействия. Это свидетельствует о том, что сам акт коммуникации трансформируется в инструмент влияния на сознание и восприятие другого индивидуума.

Думается, что в психологическом воздействии ключевым элементом является процесс общения, который создает как объективные, так и субъективные условия для успеш-

ной его реализации. Как утверждается, слушающий, воспринимая смысл речи, не только осознает ее значение, но и активно реагирует на него: он может согласиться или не согласиться, дополнять сказанное, применять его на практике или готовиться к действию и так далее. В свою очередь, говорящий стремится к получению отклика, согласия, понимания, возражений и даже действий [2, с. 260].

Психологическое воздействие часто не является результатом какого-то единственного поведенческого акта. В процессе осуществления психологического влияния множество действий субъекта расследования может быть косвенно связано с этим воздействием. Например, целесообразное размещение подозреваемого в служебном кабинете лица, ведущего расследование, не осуществляется с непосредственной целью создать психологический эффект, но тем не менее выполняет важную роль в качестве промежуточной задачи. В итоге мы сталкиваемся с необходимостью установить критерий, дающий возможность четко различать психологическое воздействие субъекта расследования от множества его действий, направленных на осуществление данного влияния. И в качестве такового, думается, может выступить результат деятельности, связанной с психологическим воздействием. Безусловно, такой результат может проявляться с определенной отсрочкой, но всегда в форме действий индивида.

Учитывая вышеизложенное, психологическое влияние субъекта расследования на подозреваемого следует воспринимать не как простую передачу информации, а как более сложный процесс взаимодействия и взаимного влияния между ними. Это взаимодействие представляет собой динамичную игру, в которой каждый из участников вносит свою лепту, формируя невидимый, но мощный эффект на собеседника [5, с. 136].

В контексте работы лица, осуществляющего расследование, под психологическим воздействием мы подразумеваем тот результат, который возникает в результате совместной деятельности субъекта расследования и подозреваемого. Эта деятельность ориентирована на раскрытие всех обстоятельств преступного деяния и выражается как в трансформации психологических черт ее участни-

ков, так и в изменении определенных поведенческих актов. Мы рассматриваем понятие «психологическое воздействие» как влияние на интеллектуальную сферу допрашиваемого, которое затрагивает установки, потребности, мотивы и другие аспекты, формирующие в своей совокупности его личность.

Дифференциация явлений, очевидно, способствует их более глубокому осмыслению. Поэтому видится целесообразным осуществить классификацию психологических воздействий, применяемых в уголовном судопроизводстве, по различным основаниям. В первую очередь следует выделить цели, которые преследуют эти воздействия, а также уровень осознанности участников. Направленность и сложность воздействия также играют значительную роль в его эффективности. Кроме того, необходимо учитывать психологические механизмы, лежащие в основе реализации данных воздействий, а также их содержание и форму. Эмоциональная насыщенность, интенсивность и психологическое своеобразие каждого воздействия также представляют собой ключевые параметры, которые могут существенно влиять на его эффективность.

Исходя из целей, которые ставит перед собой субъект расследования, существует возможность выделения двух типов психологических воздействий: тактических и воспитательных. Первые нацелены на выяснение обстоятельств расследуемого преступного события, тогда как воспитательные имеют более обширные и долгосрочные цели. Причем в ситуациях, когда последнее интегрируется в структуру первого, оно превращается в инструмент, служащий для реализации именно тактических целей следствия. По степени осознанности психологические воздействия можно дифференцировать на два типа: произвольные, которые происходят с полным сознанием и контролем, и непроизвольные, действующие на уровне подсознания. Психологические воздействия могут иметь различную направленность в зависимости от того, на какую сферу личности они воздействуют, а также от степени сложности этого влияния: трансформация отдельных психических процессов (активизация памяти, привлечение внимания); психических состояний (снижение тревожности, снятие эмоционального напряжения);

смысловых образований личности (устранение предубеждений, активизация коммуникативной потребности).

Ученые, проанализировав психологические механизмы воздействия на человека, определили следующие основные типы влияния: информирование, убеждение и внушение. Информирование предполагает передачу фактов и знаний, которые могут обогатить перспективу восприятия; убеждение связано с попыткой изменить мышление и взгляды человека, используя аргументы и рациональные доводы. Внушение же направлено на эмоциональную составляющую, создавая определенные состояния и переживания, которые способны повлиять на решения и действия [9, с. 38]. Психологи считают, что вербальное воздействие на индивида в результате представляет собой желаемое преобразование «смысловых границ», другими словами, изменение восприятия личностью окружающей ее обстановки. Изменение восприятия и осмысления информации может быть достигнуто различными подходами, каждый из которых подразумевает специфические методологические инструменты и теоретические рамки. Прежде всего, одним из ключевых методов является введение новых значений в определенное поле значений, что способствует трансформации осмыслительных структур. Данная динамика позволяет индивиду обратиться к ранее не исследованным аспектам, что, в свою очередь, существенно влияет на его восприятие и отношение к объектам и явлениям специфической действительности. Кроме того, возможна переработка существующих значений без создания новых путем переосмысленного восприятия. В этом контексте подразумевается предоставление информации, которая меняет интерпретацию взаимоотношений между различными сущностями. Такой подход может способствовать развитию внутренней эволюции восприятия индивида, что, в свою очередь, отражается на его смысловых полях и структуре осознания. Наконец, воздействие непосредственно на само поле смыслов, не вводя новых элементов, а лишь акцентируя внимание на фиксированных аспектах, возможно, не осознаваемых ранее эмоциях. При этом особое значение приобретает умение выделять ключевые акценты,

позволяющее субъекту пересмотреть привычные установки и, следовательно, изменять свой внутренний дискурс [9, с. 38].

Психологические воздействия могут принимать разные формы, отражающие различные аспекты человеческого восприятия, включая мнения, убеждения и отношения. Вместе с тем форма такого воздействия обуславливается как вербальными, так и невербальными средствами общения, которые способны передать не только информацию, но и целый спектр эмоций. Эмоциональная насыщенность этих воздействий может варьироваться – некоторые из них способны вызывать мощные чувства, в то время как другие остаются слабо эмоционально заряженными. Кроме того, по своей интенсивности психологические воздействия могут классифицироваться как слабые и мощные в зависимости от их способности влиять на психику человека. Что касается характерологической стороны воздействия, важно различать «текст» и «подтекст». «Текст» представляет собой поверхность сообщения – то, что мы можем воспринимать напрямую, тогда как «подтекст» скрывает более глубокие значения и намерения, которые зачастую остаются недоступными на первый взгляд [5, с. 135].

Используемое в судебно-следственной практике психологическое воздействие выполняет свою функцию благодаря применению различных методов. Эти методы можно условно классифицировать на две категории: материальные и психологические. К числу последних, как представляется, относятся методы орудийного воздействия, включая как вербальные, так и невербальные формы общения, а также внутренние механизмы, такие как эмпатия и рефлексия.

Исследование психологического влияния в контексте взаимодействия между следователем и обвиняемым предполагает анализ данного процесса не как односторонней передачи информации, а как ее обмена. Этот подход акцентирует внимание на роли поведения обвиняемого как значимого аспекта, который следователь должен учитывать в своей профессиональной практике. Важно отметить, что в данном контексте следователь не ограничивается извлечением информации из эмоциональных состояний обвиняемого, но также

стремится к пониманию его действий, интерпретируя их с целью выявления намерений, стоящих за конфликтными ситуациями [8, с. 125]. Такой подход позволяет рассматривать психологические инструменты, используемые следователем, как средства не только активного воздействия на обвиняемого, но и анализа и диагностики его мотивации в процессе взаимодействия. Способность следователя «вникать» в внутренний мир обвиняемого и идентифицировать его стратегические мотивы представляет собой важный аспект, позволяющий точно определить цели последнего [4, с. 129]. Таким образом, психологические средства функционируют в двойственном качестве: с одной стороны, они служат инструментами воздействия, а с другой – средствами для понимания внутреннего мира обвиняемого, что делает возможным более глубокую диагностику его намерений и выборов стратегий поведения.

В процессе взаимодействия субъекта расследования с лицом, подозреваемым в совершении преступного деяния, следует отметить, что активность последнего проявляется не только в ходе непосредственного общения, но и на предварительном этапе, так как определение психологических методов взаимодействия опосредовано исходным психологическим состоянием подозреваемого. Для эффективного взаимодействия необходима обратная связь, которая может проявляться как в форме согласия, так и в виде возражений, а также в невербальных реакциях, включая отсутствие каких-либо откликов. Последнее может служить индикатором того, что попытка не достигла поставленной цели. Следует сказать, что эмпатия представляет собой важный инструмент психологического воздействия, позволяющий изучить внутренний мир индивида посредством таких механизмов, как сочувствие и сопереживание. В контексте предварительного расследования развитие у субъекта, его осуществляющего, эмпатийных способностей выступает одним из ключевых направлений гуманизации его отношения к лицам, совершившим преступные деяния. Эмоциональный компонент, который доминирует в структуре эмпатии, может затуманивать рациональный анализ поведения подозреваемого, что, в свою очередь,

способно исказить восприятие ситуации и повлиять на объективность принимаемых решений в ходе осуществления производства по уголовному делу.

Рефлексия крайне значима среди средств психологического воздействия, поскольку реализует три важнейшие задачи. Во-первых, она служит инструментом самопознания лица, осуществляющего расследование, позволяя ему максимально сосредоточиться на собственных мыслительных процессах и эмоциональных реакциях. Во-вторых, данный феномен содействует более глубокому пониманию подозреваемого, обеспечивая тщательный анализ его поведения и мотивации. В-третьих, рефлексия составляет основополагающий элемент рефлексивного управления поведенческими актами подозреваемого, что, в свою очередь, способствует повышению эффективности взаимодействия в уголовном судопроизводстве.

Заключение

Рассмотренные отдельные психологические средства деятельности следователей в ситуациях конфликтов будут способствовать повышению их психологической подготовленности к эффективному осуществлению своих функций в современных реалиях, так как очевидно, что в условиях активно изменяющегося криминогенного окружения, предъявляющего требования высокой степени адаптивности и профессионализма, необходимо уделять внимание не только техническим аспектам работы следственных органов, но и развитию психологических компетенций, которые являются необходимыми для успешного выявления и расследования преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баев, О. Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории) / О. Я. Баев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – 160 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
3. Бгажноков, Б. Х. Личностное и социально-ориентированное речевое общение / Б. Х. Бгажно-

ков // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1972. – С. 41–46.

4. Бирюков, С. Ю. Психологические аспекты производства предъявления для опознания / С. Ю. Бирюков, В. М. Шинкарук // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 128–137. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.4.17

5. Бодалев, А. А. Психология о личности / А. А. Бодалев. – М. : Изд-во МГУ, 1988. – 187 с.

6. Бородин, Ф. М. Внимание: конфликт! / Ф. М. Бородин, Н. М. Коряк. – Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1989. – 186 с.

7. Драпкин, Л. Я. Конфликтные ситуации и конфликтное взаимодействие / Л. Я. Драпкин // *Вопросы правовой психологии и судебной экспертизы*. – Свердловск, 1979. – С. 15–22.

8. Земскова, А. И. К вопросу об алгоритме действий следователя при допросе иностранных граждан, участвующих в уголовном процессе в качестве потерпевших // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 123–127. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2020.3.17

9. Леонтьев, А. А. Речь в криминалистике и судебной психологии / А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович, В. И. Батов. – М. : Наука, 1977. – 62 с.

10. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – 920 с.

11. Хайдуков, Н. П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц / Н. П. Хайдуков. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1984. – 124 с.

REFERENCES

1. Baev O.Ya. *Konflikty v deyatel'nosti sledovatelya (voprosy teorii)* [Conflicts in the Investigator's Activities (Theoretical Issues)]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1981. 160 p.

2. Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskustvo Publ., 1986. 444 p.

3. Bgazhnokov B.H. *Lichnostnoe i socialno-orientirovannoe rechevoe obshchenie* [Personality- and

Socially-Oriented Speech Communication]. *Materialy IV Vsesoyuznogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii* [Proceedings of the 4th All-Union Symposium on Psycholinguistics and Theory of Communication]. Moscow, In-t yazykoznaneya AN SSSR, 1972, pp. 41–46.

4. Biryukov S.Yu., Shinkaruk V.M. *Psikhologicheskie aspekty proizvodstva predyavleniya dlya opoznaniya* [Psychological Aspects of the Procedure of the Submission for Identification]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 128–137. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.17>

5. Bodalev A.A. *Psikhologiya o lichnosti* [Psychology of Personality]. Moscow, Izd-vo MGU, 1988. 187 p.

6. Borodkin F.M., Koryak N.M. *Vnimanie: konflikt!* [Attention: Conflict!]. Novosibirsk, Nauka Publ., Sib. otd-niye, 1989. 186 p.

7. Drapkin L.Ya. *Konfliktnye situatsii i konfliktnoe vzaimodejstvie* [Conflict Situations and Conflict Interaction]. *Voprosy pravovoy psikhologii i sudebnoy ekspertizy* [Issues of Legal Psychology and Forensic Examination]. Sverdlovsk, 1979, pp. 15–22.

8. Zemskova A.I. *K voprosu ob algoritme dejstviy sledovatelya pri doprose inostrannykh grazhdan, uchastvuyushchih v ugovnomnom processe v kachestve poterpevshih* [On the Question of the Investigator's Algorithm of Actions During the Interrogation of Foreign Nationals Involved in Criminal Proceedings as Victims]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 123–127. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.17>

9. Leontyev A.A., Shahnarovich A.M., Batov V.I. *Rech v kriminalistike i sudebnoy psikhologii* [Speech in Criminology and Forensic Psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 62 p.

10. Marks K., Engels F. *Sochineniya* [Essays]. Moscow, Gospolitizdat, 1960, vol. 23. 920 p.

11. Hajdukov N.P. *Taktiko-psikhologicheskie osnovy vozdeystviya na uchastvuyushchih v dele lic* [Tactical and Psychological Bases of Influence on the Persons Involved in the Case]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1984. 124 p.

Information About the Author

Svyatoslav Yu. Biryukov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Process, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, bir.slav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7277-1926>

Информация об авторе

Святослав Юрьевич Бирюков, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, Университетский просп., 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, bir.slav@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7277-1926>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.13>

UDC 343.14

LBC 67.410.204.0

Submitted: 30.03.2025

Accepted: 04.07.2025

ON THE CLASSIFICATION OF INVESTIGATIVE ACTIONS AND THE SPECIFICS OF THEIR CONDUCTING IN THE CRIMINAL PROCESS

Alexander E. Epifanov

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article presents a comprehensive analysis of the concept, system, and classification of investigative actions in the criminal procedure of the Russian Federation. The **purpose** of the research is to clarify legal definitions, identify regulatory conflicts, and propose models for unifying the procedural form that ensures the completeness, admissibility, and verifiability of evidence. Based on formal legal, systemic, comparative, and logical-structural methods, the author compares the provisions of the Criminal Procedure Code, law-enforcement practice, and doctrinal positions of scholars, noting discrepancies between statutory regulation and the practical needs of pre-trial investigation. The study substantiates the necessity of a systemic classification of investigative actions according to purpose, object of influence, subject of execution, level of intrusiveness, and evidentiary significance. Particular attention is given to the digital transformation of evidence gathering, including remote forms of obtaining information, audiovisual recording of investigative actions, and the use of specialized technical means. **Scientific novelty** lies in clarifying the content of the category “investigative action” and proposing to include in its system procedures possessing independent evidentiary value – the interrogation of a specialist and the interrogation of a witness-attesting person as structurally formalized variants of interrogation with established procedural guarantees. The **practical value** of the results consists in developing criteria for classifying procedures as investigative actions, improving documentation algorithms, and proposing amendments to the Criminal Procedure Code aimed at unifying qualification, minimizing evidentiary risks, and increasing the effectiveness of pre-trial proceedings. The **empirical basis** is an analysis of regulatory sources, judicial decisions of higher courts, and the practices of preliminary investigation bodies, which allowed us to identify common qualification errors and regulatory gaps. It is proposed to establish universal requirements for digital recording, standardize protocols, clarify the list of investigative actions, and develop methodological recommendations for investigators, inquiries, and courts. The expected result is improved quality of evidence and the predictability of judicial practice.

Key words: investigative actions, criminal process, evidence, interrogation, system of investigative actions, criminal procedure legislation, specialist, witness, investigation of crimes.

Citation. Epifanov A.E. On the Classification of Investigative Actions and the Specifics of Their Conducting in the Criminal Process. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 100-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.13>

УДК 343.14

ББК 67.410.204.0

Дата поступления статьи: 30.03.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ОСОБЕННОСТЯХ ИХ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Александр Егорович Епифанов

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Введение: статья посвящена комплексному анализу понятия, системы и классификации следственных действий в уголовном процессе Российской Федерации. **Цель** исследования – уточнить дефиниции, выявить коллизии регулирования и предложить модели унификации процессуальной формы, обеспечивающей пол-

ноту, допустимость и проверяемость доказательств. На основе формально-юридического, системного, сравнительно-правового и логико-структурного **методов** автор сопоставляет положения УПК РФ, правоприменительную практику и позиции процессуалистов, фиксируя расхождения между нормативным описанием институтов и фактическими потребностями предварительного расследования. Обоснована необходимость системной классификации следственных действий по целям, объекту воздействия, субъекту производства, уровню инвазивности и результатам, значимым для доказывания. Отдельное внимание уделено цифровой трансформации доказывания: дистанционным формам восприятия информации, фиксации следственных действий средствами аудиовидеозаписи и использованию специализированных технических средств. **Научная новизна** выражается в уточнении содержания категории «следственное действие» и предложении включить в систему процессы, обладающие самостоятельной доказательственной ценностью: допрос специалиста и допрос понятого как структурно оформленные разновидности допроса с заданными гарантиями и пределами исследования. Практическое значение **результатов** состоит в формировании критериев отнесения процедур к следственным действиям, алгоритмов процессуальной фиксации, а также рекомендаций по совершенствованию УПК РФ, направленных на единообразие квалификации, минимизацию доказательственных рисков и повышение эффективности досудебного производства. **Эмпирическую основу** составляют анализ нормативных источников, судебных актов высших судебных инстанций и практики органов предварительного расследования, что позволило выявить типичные ошибки квалификации и пробелы регулирования. Предлагается закрепить универсальные требования к цифровой фиксации, стандартизировать протоколы, уточнить перечень следственных действий и разработать методические рекомендации для следователей, дознавателей и судов. Ожидаемый результат – повышение качества доказывания и предсказуемости судебной практики.

Ключевые слова: следственные действия, уголовный процесс, доказательства, допрос, система следственных действий, уголовно-процессуальное законодательство, специалист, понятой, расследование преступлений.

Цитирование. Епифанов А. Е. К вопросу о классификации следственных действий и особенностях их производства в уголовном процессе // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 100–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.13>

Введение

Уголовное судопроизводство – важная деятельность правоохранительных органов, нацеленная на защиту лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Оно обеспечивает восстановление прав лиц, пострадавших от преступления, привлечение к ответственности виновных в совершении преступления лиц. Основу рассматриваемой деятельности составляет получение доказательств, основным способом их собирания выступают следственные действия. Нет ни одного уголовного дела, по которому они не проводились бы, комплекс их может меняться, но проведены могут быть только следственные действия из числа урегулированных законодательно, поскольку в настоящее время сложилась их устойчивая система. По своему содержанию и значению отдельные следственные действия существенно отличаются друг от друга, для каждого из них характерно собственное предназначение. Некоторые проводятся по каждому уголовному делу (например, допросы), другие – существенно реже, когда это продиктовано необходимостью полу-

чить определенные доказательства (например, следственный эксперимент).

Определить число проводимых следственных действий невозможно, такая статистика правоохранительными органами не ведется. Но при анализировании количества ежегодно расследуемых преступлений наблюдается следующее: в производстве следователей и дознавателей находится большое число уголовных дел, а по каждому из них в обязательном порядке проводится несколько следственных действий. Так, в 2024 г. было зарегистрировано 1 911 258 преступлений, расследовано 899 689 преступлений, из них в категории «предварительное следствие обязательно» – 1 163 026 преступлений, в категории «предварительное следствие необязательно» – 764 135 преступлений¹. Указанные статистические показатели дают понять, что ежегодно проводится огромное количество следственных действий.

Отличаясь содержанием, порядком проведения, предъявляемыми к ним процессуальными требованиями, следственные действия при этом обладают и определенной общнос-

тью, что и позволило объединить их в систему. Для всех них характерны обязательные признаки. В то же время, хотя регламентация следственных действий в уголовно-процессуальном законодательстве является достаточно детализированной, нельзя не отметить проблемы, возникающие при их производстве, а также сложности теоретического характера.

В настоящий момент нет единой позиции по вопросу о том, какие следственные действия образуют систему; идут дискуссии относительно необходимости расширения круга следственных действий, осуществляется поиск средств, которые позволили бы производить следственные действия более эффективно, о чем свидетельствует недавно появившаяся возможность использовать в этих целях видео-конференц-связь.

Вопросы, связанные с проведением следственных действий, надолго продолжают оставаться актуальными, привлекая внимание исследователей. Этой теме посвящены и фундаментальные труды – монографии, диссертации, где подробно исследовались вопросы проведения следственных действий, и отдельные научные статьи, характеризующие отдельные аспекты. Среди внесших существенный вклад в раскрытие данной темы можно назвать таких ученых, как А.А. Балашова, О.А. Бестаев, И.Б. Кулиев, А.Б. Коновалов, М.Г. Кузьмин, В.А. Семенов, Н.А. Тагирова, Е.С. Токаренко, З.Л. Шхагапсоев и др. При этом система следственных действий постоянно развивается, несмотря на некоторую присущую ей статичность, постепенно вводятся новые элементы, изменяются требования к их проведению, появляются новые возможности. Все это свидетельствует о теоретической значимости проведения дальнейших исследований выбранной темы, поэтому полученные результаты могут выступить предпосылкой к дальнейшим научным изысканиям.

Результаты исследования

Проблемы определения системы следственных действий и их видов тесно взаимосвязаны между собой, поэтому подлежат комплексному анализу. Нельзя не отметить дискуссионность этих вопросов, так как в научном сообществе нет единого понимания сис-

темы следственных действий. Объяснить спорность рассматриваемого вопроса можно тем, что законодатель не привел в УПК РФ четкого перечня следственных действий, нет отдельной главы, в которой все они были бы сосредоточены; фактически регламентированы лишь способы получения значимой для расследования информации, которые могут выступать как следственными, так и иными процессуальными действиями. Поэтому рассматриваемый вопрос достаточно актуален.

Проанализируем, какие в настоящее время имеются подходы к системе следственных действий, какие именно действия, регламентированные уголовно-процессуальным законодательством, отнесены к ним. Предложения по поводу того, что должно быть рассмотрено в качестве следственных действий, отличаются большим разнообразием [5, с. 185]. Некоторые даже полагают возможным включить в их число процессуальные документы, связанные с движением по уголовному делу [10, с. 18]. Безусловно, в данном случае производится явное смешение процессуальных решений со следственными действиями, тогда как необходимо четко осознавать, что следственные действия всегда нацелены на получение доказательств, а процессуальные документы имеют лишь обеспечительную роль в производстве по уголовному делу.

Есть мнение о том, что «можно выделить четырнадцать следственных действий: допрос, очную ставку, предъявление для опознания, обыск, осмотр, освидетельствование, задержание, наложение ареста на имущество и на корреспонденцию, выемка, следственный эксперимент, эксгумацию, получение образцов, экспертизу» [3, с. 376]. В данном случае возможно обозначить ряд недостатков в подходе автора к определению системы следственных действий, среди которых: отсутствие аргументации, почему именно указанные действия отнесены к числу следственных; не-включение в число следственных действий тех, которые несут доказательственное значение (ст. 186, 186.1 УПК РФ); включение в число следственных действий мер процессуального принуждения (наложение ареста на имущество, задержание).

Дискуссионным остается вопрос об отнесении к следственным действиям задержа-

ния лица, подозреваемого в совершении преступления, наложения ареста на имущество, процедуры эксгумации останков и получения образцов для проведения сравнительных исследований. Некоторые правоведы настаивают на включении задержания в категорию следственных действий. В поддержку своей позиции они указывают на то, что процедура задержания подозреваемого демонстрирует все характерные признаки, присущие следственным действиям [11, с. 188]. Эту позицию мы не разделяем, полагая, что задержание не обладает познавательным характером, присущим всем следственным действиям, при задержании невозможно получить новые доказательства. В связи с этим следует поддерживать позицию о том, что задержание представляет собой меру процессуального принуждения [3, с. 376], тем более этот подход избрал и законодатель, разместив главу, регулиющую вопросы задержания, среди норм, регламентирующих вопросы применения мер процессуального принуждения. Дискуссионным также является вопрос о признании следственным действием наложения ареста на имущество. Но и здесь мы также полагаем, что законодатель правильно включил соответствующую норму в главу, посвященную иным мерам процессуального принуждения. Это полностью соответствует содержанию наложения ареста на имущество – обеспечить возмещение причиненного ущерба. Доказательства в ходе наложения ареста на имущество получены быть не могут [8, с. 17].

Нет единого мнения и по вопросу отнесения к следственным действиям процесса эксгумации. Существует научная точка зрения, согласно которой процедура эксгумации должна классифицироваться как следственное действие. Сторонники данной позиции аргументируют это структурным и функциональным сходством эксгумации с процедурой выемки [7, с. 39]. Однако принятие такой трактовки представляется проблематичным, поскольку выемка обладает специфическими познавательно-удостоверительными характеристиками, непосредственно направленными на формирование доказательственной базы по уголовному делу, в том числе на получение материальных доказательств. Данные свойства не в полной мере соответствуют приро-

де эксгумации [9, с. 133]. Примером может быть уголовное дело в отношении Р., который обвинялся в совершении открытого хищения чужого имущества. Производимое расследование позволило получить информацию о том, что Р. похищенный телефон подарил своей сестре М. Так как у следователя имелись достоверные знания о месте нахождения М. и о том, что телефон находится у нее, были фактические основания произвести выемку этого телефона. После вынесения постановления о производстве выемки было произведено следственное действие, телефон у М. изъят и приобщен к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. Это доказательство нашло свое отражение и в обвинительном заключении, и в приговоре суда².

Выемка, будучи полноценным следственным действием, обладает самостоятельной доказательственной ценностью, позволяя установить, в чем распоряжении находятся значимые для расследования предметы и документы. Эксгумация же принципиально иная по своей природе. Она осуществляется в строго определенном месте, на кладбище, и сама по себе не генерирует новых доказательств. По сути, эксгумация представляет собой подготовительное, обеспечительное мероприятие, создающее условия для последующего проведения осмотра трупа или судебно-медицинской экспертизы. Именно результаты этих процессуальных действий, а не сама эксгумация, имеют доказательственное значение для уголовного дела. Таким образом, представляется нецелесообразным относить эксгумацию к категории следственных действий, учитывая ее вспомогательный характер и отсутствие самостоятельной доказательственной функции.

Не меньше вопросов возникает и по поводу отнесения к числу следственных действий получения образцов для сравнительного исследования [6, с. 38]. Научная полемика по этому вопросу характеризуется наличием противоположных позиций. Оппоненты включения данной процедуры в категорию следственных действий выдвигают аргумент о ее вспомогательной природе. Согласно их точке зрения, получение образцов представляет собой подготовительное мероприятие, лишенное самостоятельной доказательственной ценно-

сти. Они подчеркивают, что данная процедура служит исключительно для обеспечения возможности проведения судебной экспертизы, которая, в свою очередь, и является полноценным следственным действием. С другой стороны, сторонники признания за получением образцов статуса следственного действия опираются на принципиально иную логику. В основе их аргументации лежит утверждение о том, что сами образцы, полученные в ходе данной процедуры, уже являются доказательствами по делу. Следовательно, процесс их получения должен быть квалифицирован как полноценное следственное действие. Таким образом, научная дискуссия о процессуальном статусе получения образцов для сравнительного исследования отражает более глубокие теоретические разногласия относительно критериев классификации процессуальных действий в уголовном судопроизводстве [1, с. 102].

Полагаем, что более справедливой является точка зрения об обеспечительном характере этого действия и признании его процессуальным; сами по себе полученные образцы ничего не доказывают, они лишь сравнительный материал, используемый экспертом, чтобы сделать какие-либо выводы [2, с. 160].

При производстве различных следственных действий возникают проблемы процессуального и тактического характера, но все их раскрыть в рамках ограниченного объема данного исследования невозможно, поэтому выделим основные. При проведении каждого следственного действия должны быть соблюдены требования УПК РФ, так как их нарушение может привести к признанию полученных доказательств недопустимыми. Поэтому нельзя допускать подмены одного следственного действия другим или проведения некоторых следственных действий без наделения лица соответствующим статусом (например, не допустимо производить допрос потерпевшего без признания лица таковым на основании соответствующего постановления, как и допрос подозреваемого, если лицо не наделено соответствующим статусом).

Существует значительное число различных участников уголовного процесса, они имеют различные процессуальные статусы, которые оказывают влияние и на различные под-

ходы к их допросам. В то же время для некоторых участников не предусмотрены отдельные подвиды следственных действий. Так, давно известны такие подвиды допросов, как допрос потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и эксперта. При этом, отдельно выделив допрос эксперта, законодатель по непонятной причине не занял той же позиции по отношению к допросу специалиста, хотя выделил его в качестве отдельного доказательства. Отдельной нормы, регламентирующей допрос специалиста, нет. И это порождает разные подходы и в правоприменительной практике, и в научном сообществе, поскольку нет единой позиции, каким образом должно производиться это следственное действие. Поэтому в практике можно встретить допросы специалиста в качестве свидетеля, эксперта и в качестве специалиста, разрабатывая для этого отдельный бланк.

Полагаем, что распространенный подход к допросу специалиста в качестве свидетеля объясним разъяснениями высшей судебной инстанции: «Специалист, участвовавший в производстве какого-либо следственного действия, при необходимости может быть допрошен в судебном заседании об обстоятельствах его производства в качестве свидетеля. Показания специалиста, приглашенного сторонами, даются им по правилам, предусмотренным для допроса лица в качестве свидетеля»³. Но многие авторы считают, что ошибочно проводить допрос специалиста как эксперта или свидетеля [4, с. 46]. Полагаем, не представляется обоснованным в настоящее время рассматривать допрос, оформленный по разработанному бланку, в качестве самостоятельного следственного действия.

Наша позиция заключается в том, что при отсутствии самостоятельной нормы, регламентирующей допрос специалиста, эту проблему разрешить будет невозможно, поскольку так и будут возникать ситуации, когда правоприменительная практика будет существенно различаться. Единственным выходом является закрепление в УПК РФ отдельной нормы, регламентирующей особенности допроса специалиста, точнее, двух отдельных норм по аналогии с допросом эксперта, которые бы регламентировали допрос специалиста на досудебной и судебной стадиях.

Следующий актуальный вопрос – получение такого доказательства, как показания понятого. В качестве отдельного следственного действия допрос этого участника по делу не предусмотрен, поэтому в правоприменительной практике также нет четкого понимания, каким образом производить его допрос. По общему правилу понятой допрашивается в качестве свидетеля, но мы не считаем возможным признать это правильным по причине того, что предмет показаний указанных лиц различается, как и их процессуальный статус. Фактически понятой не обладает сведениями об обстоятельствах расследуемого события, он лишь вспомогательный участник некоторых следственных действий, правильность которых удостоверяет, и допрошен может быть лишь относительно этого аспекта. В частности, у понятого могут быть выяснены вопросы о том, не был ли нарушен порядок производимого следственного действия, не поступали ли замечания, заявления, которые не были внесены в протокол и учтены при производстве следственного действия, не были ли искажены данные, внесенные в протокол следственного действия. Например, по уголовному делу в отношении Д. последний отрицал свою причастность к незаконному хранению наркотических средств в ходе обыска, утверждая, что понятые, которые присутствовали при обыске, не наблюдали всех действий следователя, находились в коридоре и в комнату не входили, воспользовавшись этим, следователь «подбросил» ему наркотики. Для того чтобы опровергнуть или подтвердить показания Д., следователь принял решение произвести допросы в присутствии свидетелей А. и Ж., которые принимали участие в обыске в качестве понятых. Указанные лица в ходе допроса опровергли показания Д., пояснив, что постоянно находились рядом со следователем, наблюдали момент обнаружения и изъятия наркотического средства в комнате под ковром. Следственное действие было произведено без нарушений⁴.

Приведенный пример подтверждает тот факт, что предмет показаний понятого образуют обстоятельства производства конкретного следственного действия. Поэтому считаем, что допрос понятого должен быть самостоятельным следственным действием,

отдельно регламентированным, с введением в УПК РФ соответствующей нормы, содержащей указания на предмет допроса понятого, а также его права и обязанности в ходе этого следственного действия. Такой подход не повлечет существенных изменений в действующем законодательстве, не приведет к тому, что система следственных действий будет расширена за счет новых, еще неизвестных российскому уголовному процессу, по поводу чего нередко исследователи высказывают опасения, полагая, что действующая система зарекомендовала себя с положительной точки зрения. Однако это предложение, направленное на расширение числа подвидов допроса, по нашему мнению, будет иметь положительный эффект, поскольку различные подходы в правоприменительной практике всегда создают сложности, а смешение следственных действий нам кажется неверным, когда при различиях в предметах показаний разные, по сути, участники уголовного процесса рассматриваются как обладающие одинаковым статусом.

Выводы

Таким образом, система следственных действий представляет собой совокупность следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Для исключения вопросов, возникающих по поводу того, какие процессуальные действия являются следственными, считаем целесообразным включить в УПК РФ норму, содержащую их перечень.

Необходимость совершенствования способов получения доказательств также требует расширения системы следственных действий. Полагаем целесообразным включить в нее новые виды допроса – таких участников, как понятой и специалист. Установление отдельных процессуальных требований к производству допроса специалиста и понятого позволит исключить смешение разных видов допроса и обеспечит единообразие в правоприменительной практике.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁴ Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--blaew.xn--plai/>

² Приговор Коптевского районного суда г. Москвы от 19 апреля 2020 г. по делу № 149/2020. URL: <https://sudact.ru/>

³ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 (в ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

⁴ Приговор Таганского районного суда г. Москвы от 22 сентября 2023 г. по делу № 1-92/2023. URL: <https://sudact.ru/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяконова, О. Г. Получение образцов и проб для сравнительного исследования как процессуальное действие / О. Г. Дьяконова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 4 (35). – С. 100–107.
2. Епифанов, А. Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе / А. Е. Епифанов // Парадигмы управления, экономики и права. – 2020. – № 2. – С. 153–162.
3. Кулиев, И. Б. Система следственных действий и их значение для уголовного судопроизводства / И. Б. Кулиев // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 10 (149). – С. 376–377.
4. Куцепина, К. П. К вопросу о допросе специалиста / К. П. Куцепина // Актуальные вопросы правоохранительной деятельности: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения : сб. ст. науч.-представит. мероприятий. – Рязань : Коняхин А.В., 2019. – С. 46–47.
5. Миликова, А. В. Актуальные проблемы документального оформления на стадии предварительного расследования / А. В. Миликова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 183–188. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.3.25
6. Миликова, А. В. Документальное оформление как функция следователя в уголовном процессе / А. В. Миликова, Л. А. Яковлева // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 35–41. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.3.5
7. Парада, С. С. Экстумация как следственное действие: актуальные проблемы теории и практики / С. С. Парада // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2024. – № 1. – С. 39–43.
8. Россинский, С. Б. Следственный порядок выдвижения обвинения в уголовном судопроизводстве: причины возникновения / С. Б. Россинский // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 14–20. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.3.2
9. Францифоров, Ю. В. Понятие и правовая природа следственных действий / Ю. В. Францифо-

ров, Ю. Н. Царев // Актуальные проблемы современного российского уголовного судопроизводства : сб. науч. ст., посвящ. памяти проф. В.Я. Чеканова. – Саратов : Сарат. гос. юрид. акад., 2024. – С. 133–137.

10. Халили, У. Д. Понятие следственных действий и их место в системе процессуальных действий / У. Д. Халили // Правовестник. – 2018. – № 6 (8). – С. 17–24.

11. Шагапсоев, З. Л. Понятие, виды и признаки следственных действий / З. Л. Шагапсоев // Общество и право. – 2013. – № 3 (45). – С. 186–190.

REFERENCES

1. Dyakonova O.G. Poluchenie obrazczov i prob dlya sravnitel'nogo issledovaniya kak processualnoe dejstvie [Obtaining Samples for Comparative Research as a Procedural Action]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 4 (35), pp. 100-107.
2. Epifanov A.E. K voprosu o preodolenii probelov i kollizij dejstvuyushchego zakonodatelstva v pravoprimeritel'nom processe [On the Issue of Overcoming Gaps and Conflicts of the Current Legislation in the Law Enforcement Process]. *Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava* [Paradigms of Management, Economics and Law], 2020, no. 2, pp. 153-162.
3. Kuliev I.B. Sistema sledstvennyh dejstvij i ih znachenie dlya ugovnogo sudoproizvodstva [The System of Investigative Actions and Their Significance for Criminal Proceedings]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2020, no. 10 (149), pp. 376-377.
4. Kucepina K.P. K voprosu o doprose specialist [On the Question of Questioning a Specialist]. *Aktualnye voprosy pravoohranitel'noj deyatel'nosti: problemy teorii, normotvorchestva i pravoprimereniya: sb. st. nauch.-predstavit. meropriyatij* [Current Issues of Law Enforcement: Problems of Theory, Rulemaking and Law Enforcement. Collection of Articles on Scientific and Representative Events]. Ryazan, Konyahin A.V., 2019, pp. 46-47.
5. Milikova A.V. Aktualnye problemy dokumentalnogo oformleniya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [Actual Problems of Documentation at the Stage of Preliminary Investigation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 183-188. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.25>
6. Milikova A.V., Yakovleva L.A. Dokumentalnoe oformlenie kak funkciya sledovatelya v ugovnom processe [Documenting as an

Investigator's Function in Criminal Proceedings]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 35-41. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.5>

7. Parada S.S. Ekskumaciya kak sledstvennoe dejstvie: aktualnye problemy teorii i praktiki [Exhumation as an Investigative Action: Current Problems of Theory and Practice]. *Aktualnye voprosy borby s prestupleniyami* [Current Issues in the Fight Against Crime], 2024, no. 1, pp. 39-43.

8. Rossinskij S.B. Sledstvennyj poryadok vydvizheniya obvineniya v ugovnom sudoproizvodstve: prichiny vozniknoveniya [The Investigative Procedure for Bringing Charges in Criminal Proceedings: Causes of Occurrence]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 14-20. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.3.2>

9. Franciforov Yu.V., Czarev Yu.N. Ponyatie i pravovaya priroda sledstvennyh dejstvij [The Concept and Legal Nature of Investigative Actions]. *Aktualnye problemy sovremennogo rossijskogo ugovnogo sudoproizvodstva: sb. nauch. st., posvyashh. pamyati prof. V.Ya. Chekanova* [Current Issues of Modern Russian Criminal Proceedings. Collection of Scientific Articles, Dedicated to the Memory of Prof. V.Ya. Chekanov]. Saratov, Sarat. gos. yurid. akad., 2024, pp. 133-137.

10. Halili U.D. Ponyatie sledstvennyh dejstvij i ih mesto v sisteme processualnyh dejstvij [The Concept of Investigative Actions and Their Place in the System of Procedural Actions]. *Pravovednik*, 2018, no. 6 (8), pp. 17-24.

11. Shhagapsoev Z.L. Ponyatie, vidy i priznaki sledstvennyh dejstvij [The Concept, Types and Signs of Investigative Actions]. *Obshhestvo i pravo* [Society and Law], 2013, no. 3 (45), pp. 186-190.

Information About the Author

Alexander E. Epifanov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Department for the Study of Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Zoyi i Alexandra Kosmodemyanskikh St, 8, 125171 Moscow, Russian Federation, mvddjaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Информация об авторе

Александр Егорович Епифанов, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125171 г. Москва, Российская Федерация, mvddjaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.14>

UDC 343.1

LBC 67.410.2

Submitted: 17.04.2025

Accepted: 04.07.2025

IMPROVING THE PROCEDURAL MECHANISMS FOR USING AN EXPERT'S KNOWLEDGE DURING A PRELIMINARY INVESTIGATION

Marina V. Romashova

Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Interior of Russia,
Ryazan, Russian Federation

Introduction: in modern conditions of the development of society and the transformation of crime, the knowledge of a credentialed expert is of the essence in achieving the goals of criminal proceedings, since it is not possible to obtain this information by other means. Despite the special importance of the expert, the legislative regulation of the forms and procedural order of his participation in the evidentiary process is fragmented and contradictory. The focus of criminal procedure legislation on ensuring equality among the parties and enhancing adversarial principles necessitates improvements in several norms regarding the expert's involvement in court proceedings as a source of evidentiary information. This highlights the importance of addressing the admissibility of the expert's conclusions and testimony, along with the protocols for investigative actions conducted with their participation. The **purpose** of the study is to increase the effectiveness of the evidentiary process by eliminating defects in the legislative structures regulating the forms of expert participation in criminal proceedings. In the course of the research, such **methods** of cognition as formal legal methods in the form of the study of legal norms, concrete sociological methods, and comparative law were applied. **Results:** the paper formulates proposals for improving the criminal procedure mechanism for using expert conclusions and testimony as evidence, as well as the protocols of investigative actions involving their participation. **Conclusions:** the recommendations outlined in the paper on amendments to the criminal procedure legislation are aimed at optimizing the procedure for the participation of the expert in the evidentiary process, eliminating legal gaps, and developing uniform practice in this area. They can be used by law enforcement officials participating in the preliminary investigation and the consideration of the case on the merits, as well as by teaching staff in the organization of the educational process in the criminal procedure disciplines.

Key words: expert, testimony, conclusion, interrogation, investigative actions, preliminary investigation, criminal proceedings.

Citation. Romashova M.V. Improving the Procedural Mechanisms for Using an Expert's Knowledge During a Preliminary Investigation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 108-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.14>

УДК 343.1

ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 17.04.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЗНАНИЙ СПЕЦИАЛИСТА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Марина Владимировна Ромашова

Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
г. Рязань, Российская Федерация

Введение: в современных условиях развития общества и трансформации преступности познания квалифицированного специалиста играют существенную роль в достижении целей уголовного судопроизводства, поскольку получить данную информацию иными способами не представляется возможным. Несмотря

на особую значимость специалиста, законодательная регламентация форм и процессуального порядка его участия в процессе доказывания отличается фрагментарностью и противоречивостью. Ориентация уголовно-процессуального законодательства на равноправие сторон и усиление состязательных начал требует совершенствования ряда норм о вовлечении в судопроизводство специалиста как источника доказательственной информации, что обосновывает актуальность вопроса о допустимости заключений и показаний специалиста, а также протоколов следственных действий, проведенных с его участием. **Цель** исследования: повышение эффективности процесса доказывания путем устранения дефектов законодательных конструкций, регламентирующих формы участия специалиста в уголовном судопроизводстве. В ходе исследования были применены такие **методы** познания, как формально-юридический в виде исследования норм права, конкретно-социологический и сравнительно-правовой. **Результаты:** в статье сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального механизма использования в качестве доказательств заключения и показаний специалиста, а также протоколов следственных действий с его участием. **Выводы:** изложенные в статье рекомендации по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство направлены на оптимизацию порядка участия специалиста в процессе доказывания, устранение правовых пробелов и выработку единообразной практики в данной области и могут быть использованы сотрудниками правоохранительных органов, участвующими в предварительном расследовании, рассмотрении дела по существу, а также педагогическими работниками при организации образовательного процесса по учебным дисциплинам уголовно-процессуального цикла.

Ключевые слова: специалист, показания, заключение, допрос, следственные действия, предварительное расследование, уголовное судопроизводство.

Цитирование. Ромашова М. В. Совершенствование процессуальных механизмов использования познаний специалиста в ходе предварительного расследования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 108–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.14>

Введение

Использование заключения и показаний специалиста, а также протоколов следственных действий с его участием в качестве доказательств является важным элементом эффективного расследования и отправления справедливого правосудия, однако несовершенство нормативных конструкций о процессуальном статусе специалиста и порядке применения его познаний в целях доказывания вызывает ряд сомнений и неясностей на практике. Например, отсутствие четкой правовой регламентации ответственности специалиста за составление заведомо ложного заключения, неоднозначные формулировки о формах фиксации показаний специалиста на досудебном этапе производства, о субъектах, наделенных полномочиями обращаться к услугам специалиста, противоречивая судебно-следственная практика участия специалиста в следственных действиях, в том числе связанных с изъятием электронных носителей информации, затрудняют этапы сбора и оценки этих видов доказательств и сопряжены с вероятностью признания их недопустимыми. Совокупность указанных обстоятельств определяет актуальность, научную и практическую

значимость проблемы обеспечения законности и допустимости заключения и показаний специалиста как источников доказательственной информации, а также выработки единообразной практики проведения следственных действий с участием специалиста.

Проблемы установления и правового регулирования процессуального статуса специалиста

Эффективное использование в процессе доказывания по уголовному делу познаний специалиста может быть реализовано только путем закрепления в законе четкого перечня прав, обязанностей и ответственности рассматриваемого субъекта, а также отражения основных направлений его деятельности. Законодатель предусмотрел следующие формы участия специалиста в процессе доказывания в ходе предварительного расследования: составление заключения, дачу показаний и участие в следственных действиях. Применяя таким образом свои знания и профессиональные навыки, выполняя технические функции и разъясняя вопросы, входящие в его профессиональную компетенцию, специалист оказывает содействие сторонам в получении новой

доказательственной информации. Особое значение это имеет для обеспечения прав стороны защиты, для которой возможность воспользоваться услугами специалиста является гарантией равноправия и состязательности сторон, также важным звеном в процессе доказывания и обоснования своей позиции.

Кроме указанных правовых средств сбора доказательств, знания специалиста могут быть использованы в ходе доследственной проверки для исследования документов, предметов, трупов, о чем указано в ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Сведения, полученные таким образом, не имеют доказательственного значения, однако оказывают неоспоримую помощь следователю, дознавателю на этапе проверки сообщения о преступлении при решении вопроса о необходимости возбуждения уголовного дела и первоначальной квалификации содеянного. Считаю важным обратить внимание на то обстоятельство, что проведение обследования живых лиц специалистом в ходе доследственной проверки законом не предусмотрено, поэтому при необходимости использования специальных знаний в отношении живых лиц закон требует назначения судебной экспертизы.

Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит ряд предпосылок для активного участия специалиста в уголовном судопроизводстве, однако недостатки правового регулирования его процессуального статуса влекут возникновение сомнений и неясностей на практике, для устранения которых требуется внесение изменений в законодательство либо официальное разъяснение порядка применения правовых норм.

Заключение и показания специалиста, протоколы следственных действий, проведенных с его участием, подлежат проверке и оценке с точки зрения относимости, достоверности и допустимости, что выражается в установлении компетентности специалиста и его незаинтересованности в исходе дела. Обязательными характеристиками специалиста являются максимальная независимость и беспристрастность, без которых невозможно дать объективные показания и составить достоверное заключение. Кроме того, специалист не

может обладать статусом потерпевшего или свидетеля по одному уголовному делу, поскольку данное обстоятельство заставляет усомниться в независимости специалиста и является основанием для его отвода. Если же в подобной ситуации отвод заявлен не был, то показания специалиста будут признаны недопустимым доказательством, так как имеются обоснованные сомнения в его объективности, беспристрастности и непредвзятости, что безусловно препятствует осуществлению справедливого правосудия. Об этом напомнил Конституционный Суд РФ, рассматривая заявление по делу о проверке конституционности ст. 71 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Е.В. Емельянова. В постановлении указано, что недопустимо допрашивать лицо в качестве специалиста, если ранее он давал показания как свидетель, поскольку есть основания полагать, что он заинтересован в исходе дела, пытается отвести подозрения от себя, а также не способен дать объективные показания или заключение ввиду непосредственного восприятия событий преступления [11].

Помимо сложностей установления правового положения специалиста, федеральный законодатель не предусмотрел специальной статьи о допросе специалиста и не закрепил требования к форме и содержанию заключения специалиста, что неминуемо приводит к формированию разрозненной правоприменительной практики. Отсутствие ясности и определенности правовых норм, регулирующих правовое положение специалиста, способствует нарушениям прав и законных интересов участников процесса и дестабилизации правового пространства в сфере уголовного судопроизводства.

Обеспечение допустимости заключения специалиста

Заключение специалиста указано в уголовно-процессуальном законе в качестве отдельного вида доказательств, однако процессуальные гарантии и условия обеспечения его допустимости отсутствуют. Процедура получения заключения специалиста, его содержание, порядок постановки ему вопросов и перечень прав сторон в данной ситуации до на-

стоящего времени не регламентированы. Так, в ст. 58 УПК РФ, посвященной правовому положению специалиста, нет указания на возможность составлять заключение. Кроме того, уголовно-процессуальный закон не закрепляет порядок получения и оформления данного доказательства, что неизбежно вызовет вопросы у органов предварительного расследования и суда при оценке рассматриваемого документа с точки зрения допустимости. Неясно, кто из участников процесса вправе обратиться к специалисту для проведения исследования и дачи заключения, стоит ли предупреждать специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения и отбирать у него соответствующую расписку. Такой вопрос нуждается в уточнении на законодательном уровне в целях обеспечения более активного использования заключения специалиста в качестве законного и допустимого доказательства. На практике суды нередко исключают заключение специалиста из числа доказательств, поскольку оно представлено стороной защиты и специалист не предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. При этом, исходя из анализа норм уголовно-процессуального закона, можно сделать вывод о наличии у стороны защиты данного права, для обеспечения которого законодатель предусмотрел специальные гарантии, зафиксированные в п. 3 ч. 2 ст. 53, п. 2.2. ч. 2 ст. 159 УПК РФ.

Полагаем, что правомочие обратиться к услугам специалиста для получения письменного заключения наделены должностные лица, ведущие производство по делу, а также иные участники со стороны обвинения и защиты. Для этого необходимо закрепить в ч. 3 ст. 58 УПК РФ право специалиста давать заключение в пределах своей компетенции. В ту же статью добавить ч. 3.1 в следующей редакции: «Подозреваемому или обвиняемому, защитнику, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, их представителю не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этим заключением». Указанное

положение соответствует норме, закрепленной в ст. 159 УПК РФ, и исключит сомнения в допустимости заключения специалиста, представленного стороной защиты.

В связи с отсутствием специальных норм, регламентирующих работу специалиста, на практике заключения эксперта и специалиста имеют схожую структуру и содержание. Некоторые исследователи считают недопустимым наличие в тексте заключения специалиста исследовательской части, поскольку оно является абстрактным суждением и не имеет доказательственного значения [5, с. 24]. Данный вывод, очевидно, не подкреплен нормами закона и, более того, противоречит ст. 74 УПК РФ, содержащей перечень видов доказательств, использующихся в уголовном судопроизводстве. Конституционный Суд РФ по этому поводу четких разъяснений не дает, а неоднозначные высказывания не решают назревшую проблему. Так, в определении от 18 июля 2024 г. № 2042-О указано, что специалист не обладает правомочием на проведение схожего с экспертизой исследования, но не конкретизировано, какие требования предъявляются к данному виду доказательств [7].

На право следователя, дознавателя обращаться к специалисту с требованием составить заключение в уголовно-процессуальном законе четкого указания нет, в связи с чем на практике указанные должностные лица необоснованно редко прибегают к помощи специалиста. Для устранения данного пробела в нормативном регулировании процесса доказывания следует четко закрепить в ч. 3 ст. 80 УПК РФ положение о том, что заключение специалиста представляет собой суждение по вопросам, поставленным не только сторонами, но и лицами, в чьем производстве находится уголовное дело. Такая формулировка будет более корректной, поскольку суд не относится к сторонам процесса и, согласно действующей редакции ч. 3 ст. 80 УПК РФ, не обладает правом обратиться к специалисту для получения заключения.

На практике к услугам специалиста прибегают, как правило, участники стороны защиты, однако использовать его заключение не всегда представляется возможным, поскольку нередко следователи его не принимают,

а суды исключают из числа доказательств в связи с отсутствием расписки о предупреждении специалиста об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 307 УПК РФ, и нарушением процедуры получения доказательства. Отметим, что, по нашему мнению, законных причин для признания заключения специалиста недопустимым доказательством по указанным выше основаниям нет, подобная практика является порочной, нарушающей принцип равноправия сторон. При этом суды всех инстанций не видят каких-либо сложностей правоприменительного характера в связи с отсутствием процессуального механизма привлечения специалиста для дачи заключения и принимают незаконные решения о недопустимости данного доказательства. Так, по уголовному делу в отношении С.А. Сведенцева суд отверг представленное защитником заключение специалиста, противоречащее выводам комплексной судебно-медицинской экспертизы, указав в обоснование в приговоре от 25 сентября 2017 г., что заключение получено без соблюдения установленной законом процедуры. Данное решение поддержали вышестоящие суды, в том числе заместитель Председателя Верховного Суда РФ, а Конституционный Суд РФ не усмотрел несоответствий законоположений о порядке составления специалистом заключения нормам Конституции РФ [6].

С учетом позиции вышестоящих судебных органов по другим уголовным делам складывается аналогичная ситуация. Например, Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики в описательно-мотивировочной части апелляционного постановления № 22-36/2024 по делу в отношении О.Ф. Тлуповой указал, что письменное мнение лица, приглашенного защитником в качестве специалиста, не может расцениваться как доказательство [2]. На наш взгляд, такие судебные решения строятся на неверном толковании норм права и нарушают права участников стороны защиты, закрепленные в п. 3 ч. 2 ст. 53, п. 2.2. ч. 2 ст. 159 УПК РФ. Для восстановления нарушенных прав в случае отказа от приобщения к материалам дела заключения специалиста лицо, заявившее данное ходатайство, вправе обратиться с жалобой на постановление должностного лица к непосредственному руко-

водителю либо прокурору в порядке ст. 124 УПК РФ. Суды аналогичные жалобы не рассматривают, поскольку нарушений конституционных прав и ограничения доступа к правосудию в данной ситуации не наблюдается. Таким образом, возможность осуществления судебного контроля отсутствует, в связи с чем особую значимость приобретает вопрос четкого, ясного и однозначного изложения правовых норм, касающихся деятельности специалиста.

Доказательственное значение показаний специалиста

Специалист как источник доказательственной информации может оказать содействие органам предварительного расследования и суду путем дачи показаний по вопросу, входящему в сферу его профессиональной компетенции. Следует отметить, что уголовно-процессуальный закон прямо не предусматривает возможность допроса специалиста на досудебном этапе, конкретной правовой нормы для данного следственного действия нет. При этом суд для получения показаний специалиста пользуется правилами допроса свидетеля, но разъясняет в судебном заседании права специалиста, предусмотренные ст. 58 УПК РФ. Результатом недостаточно четкого правового регулирования стала разнообразная правоприменительная практика, включающая случаи допроса специалиста как в качестве свидетеля, так и собственно специалиста. Данные противоречия, очевидно, должны быть исключены, для чего в ст. 80 УПК РФ целесообразно добавить п. 5 и в нем зафиксировать, что следователь, дознаватель вправе по собственной инициативе или по ходатайству иных участников судопроизводства допросить специалиста. Протокол допроса специалиста составляется в соответствии со ст. 166 и 167 УПК РФ. Кроме того, считаем логичным указать на право специалиста давать показания в тексте ст. 58 УПК РФ.

Исследуя порядок получения показаний специалиста и содержание ч. 4 ст. 80 УПК РФ, следует обратить внимание, что показания данного субъекта представляют собой сведения, сообщенные не только на допросе, а также разъяснение мнения в ходе опроса за-

щитником, во время следственного действия и судебного разбирательства в соответствии со ст. 53, 168, 271 УПК РФ. В связи с этим у следователя, дознавателя могут возникнуть сомнения по поводу необходимости разъяснения специалисту ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ, особенно если помощь специалиста в виде разъяснения определенного вопроса не понадобилась. Полагаем, что во всех случаях участия специалиста в следственном действии его необходимо предупреждать об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ, на что прямо указал законодатель в ч. 5 ст. 164 УПК РФ. Однако на практике встречаются случаи, когда данное требование не соблюдается. Например, Октябрьский районный суд г. Курска по одному из рассмотренных уголовных дел сослался в приговоре на протокол осмотра, в котором отсутствовало указание на разъяснение специалисту уголовной ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ. Суд апелляционной инстанции не принял доводы защитника об исключении данного протокола осмотра исходя из выполнения специалистом работы технического плана и отсутствия устных разъяснений [3]. Подобная практика противоречит ч. 5 ст. 164 УПК РФ и нарушает принципы законности и справедливости.

До настоящего времени остается нерешенным вопрос о надлежащем оформлении опроса специалиста защитником. Вывод о наличии у защитника данного права вытекает из текста ч. 4 ст. 80 УПК РФ, однако дополнительных гарантий его реализации в законе не предусмотрено, поэтому защитники только ходатайствуют о приглашении специалиста в случае необходимости разъяснения какого-либо вопроса, требующего специальных познаний, и с опорой на высказанные суждения вправе приводить доводы в пользу своего подзащитного, в том числе опровергающие заключение судебной экспертизы [8]. Для снижения рисков искажения аутентичной воли законодателя данный вопрос также нуждается в урегулировании путем указания документа, составляемого защитником в ходе опроса специалиста, а также процессуальных гарантий и условий обеспечения его доказательственного значения.

Участие специалиста при изъятии электронных носителей информации

Знания специалиста в области информационных технологий требуются в случае изъятия электронных устройств, содержащих сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Специалист в данной ситуации призван определить возможность копирования информации без утраты или изменения [9], то есть его присутствие необходимо для обеспечения сохранности доказательств по делу. В уголовно-процессуальном законе настоящая гарантия зафиксирована как обязательное условие проведения следственного действия, однако на практике регулярно возникают вопросы о законности изъятия информации с электронного устройства без участия специалиста. Как правило, суды отвергают доводы стороны защиты о недопустимости обвинительных доказательств в связи с изъятием электронных носителей информации в отсутствие специалиста, указав в обоснование, что присутствие специалиста требуется только в целях исключения возможности утраты информации или ее видоизменения. Например, по уголовному делу, рассмотренному Ханты-Мансийским районным судом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 25 декабря 2023 г., суд использовал в качестве доказательства протокол выемки мобильного телефона для изъятия содержащейся на нем видеозаписи, а также протокол осмотра данной видеозаписи и лазерный диск, которые, по мнению стороны защиты, являются недопустимыми доказательствами, поскольку специалист при производстве выемки мобильного устройства и изъятии с него видеозаписи не присутствовал. Данный приговор был отменен судом апелляционной инстанции, дело передано на новое рассмотрение [4]. Очевидно, что доводы жалобы заслуживают внимания и проверки соблюдения ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ в ходе проведения следственного действия.

Рассматривая в апелляционном порядке уголовное дело № 22-4659-2022 в отношении Г.С. Веселова, осужденного 31 мая 2022 г. Кировским районным судом г. Перми по ч. 3 ст. 160, ч. 3 ст. 303 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам Пермского краевого суда указала, что участие специалиста в ходе ос-

мotra места происшествия обязательным не является, поскольку специальные знания для изъятия системного блока не требуются [1].

Аналогичный вывод сформулирован и Восьмым кассационным судом общей юрисдикции, который, изучив жалобу адвоката, поданную в защиту осужденного М.В. Юдина, на приговор Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 23 июля 2020 г., в определении по делу № 77-3148/2020 указал, что обыск в жилище оперативным сотрудником полиции проведен с соблюдением норм уголовно-процессуального закона, поскольку в ходе обыска изъяты предметы, свойства которых не указывают на необходимость привлечения специалиста для исключения вероятности видоизменения либо утраты информации при копировании [10].

Выводы судебных органов о необходимости приглашения специалиста только в случае наличия угрозы утраты или видоизменения электронной информации не отличаются определенностью и вызывают сомнения и неясности на практике, поскольку без участия специалиста решить данный вопрос не представляется возможным. В тексте ст. 164.1 УПК РФ отсутствуют какие-либо исключения из правила об обязательном участии специалиста в рассматриваемых следственных действиях. Кроме того, законодатель в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ указал, что специалистом осуществляется именно копирование информации, а не изъятие электронных устройств. Однако ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ, регламентирующая копирование информации, не обязывает следователя, дознавателя проводить следственные действия с участием специалиста. Таким образом, противоречия в нормах закона влекут трудности правоприменительного плана, касающиеся участия специалиста в следственных действиях, связанных с изъятием электронных устройств или копированием информации. Представляется, что судебная практика в этом отношении складывается неверно и противоречит логике законодателя, предусмотревшего ст. 164.1 УПК РФ для защиты прав организаций и индивидуальных предпринимателей, у которых для достижения целей предварительного расследования необходимо изъять электронные устройства или скопировать с них информацию, имеющую значение для дела. Полагаем, что следова-

тель обязан обеспечить участие специалиста, обладающего знаниями и опытом в области информационных технологий, при производстве следственных действий, в ходе которых осуществляется копирование информации с электронных носителей и (или) их изъятие, для сохранения полученной доказательственной информации в неизменном виде и обеспечения возможности продолжить предпринимательскую деятельность. Для этого в ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ следует добавить положение об обязательном участии специалиста.

Выводы

Анализ нормативно-правовой основы и правоприменительной практики использования знаний специалиста в уголовном судопроизводстве позволяет констатировать отсутствие единообразия и согласованности, обусловленное дефектами законодательных конструкций. Для повышения эффективности процесса доказывания и обеспечения единого порядка привлечения специалиста к участию в деле, производства следственных действий, сбора, проверки и оценки доказательств целесообразно внести следующие изменения в уголовно-процессуальный закон: закрепить в тексте ст. 58 УПК РФ право специалиста давать заключение в пределах своей компетенции и право давать показания; добавить ч. 3.1 ст. 58 УПК РФ, в которой отразить обязательность удовлетворения ходатайства сторон о приобщении к материалам дела заключения специалиста, если оно обладает всеми признаками допустимого доказательства; указать в ч. 3 ст. 80 УПК РФ, что заключение специалиста представляет собой суждение по вопросам, поставленным не только сторонами, но и лицами, в чьем производстве находится уголовное дело; дополнить ст. 80 УПК РФ п. 5, в котором зафиксировать, что следователь, дознаватель вправе по собственной инициативе или по ходатайству иных участников судопроизводства допросить специалиста, о чем составляется протокол в соответствии со ст. 166 и 167 УПК РФ; предусмотреть в тексте ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ положение об обязательном участии специалиста при копировании информации с электронных носителей для обеспечения сохранности полученных доказательств в неизменном виде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 29 июля 2022 г. № 22-4659/2022 // Пермский краевой суд. – URL: https://oblsud-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3135698&delo_id=4&new=4&text_number=1

2. Апелляционное постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 17 января 2024 г. № 22-36/2024 // Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики. – URL: https://vs-kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33104526&delo_id=4&new=4&text_number=1

3. Апелляционное постановление Курского областного суда от 25 декабря 2023 г. № 22-1414/2023 // Курский областной суд. – URL: https://oblsud-krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=125586089&delo_id=4&new=4&text_number=1

4. Апелляционное постановление Суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 4 марта 2024 г. № 22-469/2024 // Суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. – URL: https://oblsud-hmao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18729746&delo_id=4&new=4&text_number=1

5. Использование специальных медицинских знаний при расследовании преступлений : справ.-информ. материалы. Ч. 1 : Назначение медицинских судебных экспертиз и исследований. – Курск : Бюро СМЭ, 2013. – 53 с.

6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сведенцева Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 2177-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Стахурской Альфины Фаязовны на нарушение ее конституционных прав статьями 58, 80, 125 и 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 18 июля 2024 г. № 2042-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевцова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 31 части второй статьи 74 и частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 31 января 2023 г. № 6-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щулепова Николая Евгеньевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 31 мая 2022 г. № 1385-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 декабря 2020 г. № 77-3148/20 // Восьмой кассационный суд общей юрисдикции. – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10774477&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1

11. По делу о проверке конституционности статьи 71 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Емельянова : постановление Конституц. Суда РФ от 11 июля 2024 г. № 37-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Apellyacionnoe opredelenie Permskogo kraevogo suda ot 29 iyulya 2022 g. № 22-4659/2022 [Appeal Ruling of the Perm Regional Court Dated July 29, 2022 No. 22-4659/2022]. *Permskij kraevoj sud* [Perm Regional Court]. URL: https://oblsud-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3135698&delo_id=4&new=4&text_number=1

2. Apellyacionnoe postanovlenie Verhovnogo Suda Kabardino-Balkarskoj Respubliki ot 17 yanvarya 2024 g. № 22-36/2024 [Appeal Resolution of the Supreme Court of the Kabardino-Balkarian Republic Dated January 17, 2024 No. 22-36/2024]. *Verhovnyj Sud Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [The Supreme Court of the Kabardino-Balkarian Republic]. URL: https://vs-kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=33104526&delo_id=4&new=4&text_number=1

3. Apellyacionnoe postanovlenie Kurskogo oblastnogo suda ot 25 dekabrya 2023 g. № 22-1414/2023 [Appeal Resolution of the Kursk Regional Court Dated December 25, 2023 No. 22-1414/2023]. *Kurskij oblastnoj sud* [Kursk Regional Court]. URL: https://oblsud-krs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=125586089&delo_id=4&new=4&text_number=1

4. Apellyacionnoe postanovlenie Suda Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry ot 4 marta 2024 g. № 22-469/2024 [Court of Appeal of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra Dated March 4, 2024 No. 22-469/2024]. *Sud Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry* [Court of Khanty-

Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra]. URL: https://oblsud--hmao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18729746&delo_id=4&new=4&text_number=1

5. *Ispolzovanie specialnyh medicinskih znaniy pri rassledovanii prestuplenij: sprav.-inform. materialy. Ch. 1: Naznachenie medicinskih sudebnyh ekspertiz i issledovaniy* [The Use of Special Medical Knowledge in the Investigation of Crimes: Reference and Information Materials. Part 1. Appointment of Medical Forensic Examinations and Research]. Kursk, Byuro SME, 2013. 53 p.

6. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Svedenceva Sergeya Aleksandrovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chastyu tretyej statyi 80 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstituts. Suda RF ot 26 oktyabrya 2021 g. № 2177-O [On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Sergey Swedentsev for Violation of His Constitutional Rights by Part Three of Article 80 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated October 26, 2021 No. 2177-O]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

7. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Stahurskoj Alfiny Fayazovny na narushenie ee konstitucionnyh prav statyami 58, 80, 125 i 204 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstituts. Suda RF ot 18 iyulya 2024 g. № 2042-O [On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Alfina Stakhurskaya, a Citizen, for Violation of Her Constitutional Rights by Articles 58, 80, 125 and 204 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated July 18, 2024 No. 2042-O]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

8. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Shevcova Sergeya Anatolyevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav punktom 31 chasti vtoroj statyi 74 i chastyu tretyej statyi 80 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstituc. Suda RF ot

31 yanvarya 2023 g. № 6-O [On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Shevtsov Sergey for Violation of His Constitutional Rights by Paragraph 31 of the Second Part of Article 74 and Part Three of Article 80 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated January 31, 2023 No. 6-O]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

9. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Shchulepova Nikolaya Evgenyevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav ryadom polozhenij Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstituts. Suda RF ot 31 maya 2022 g. № 1385-O [On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Nikolay Shchulepov for Violation of His Constitutional Rights by a Number of Provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated May 31, 2022 No. 1385-O]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

10. Opredelenie Vosmogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 23 dekabrya 2020 g. № 77-3148/20 [Ruling of the Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction dated December 23, 2020 No. 77-3148/20]. *Vosmoj kassacionnyj sud obshchej yurisdikcii* [Eighth Court of Cassation of General Jurisdiction]. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10774477&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1

11. Po delu o proverke konstitucionnosti statyi 71 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina E.V. Emelyanova: postanovlenie Konstituc. Suda RF ot 11 iyulya 2024 g. № 37-P [In the Case of the Review of the Constitutionality of Article 71 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen E.V. Yemelyanov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated July 11, 2024 No. 37-P]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

Information About the Author

Marina V. Romashova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Interior of Russia, 1-ya Krasnaya St, 18, 390043 Ryazan, Russian Federation, rfmu@mvd.ru, romashova_m_rfmu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4094-3420>

Информация об авторе

Марина Владимировна Ромашова, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, 1-я Красная, 18, 390043 г. Рязань, Российская Федерация, rfmu@mvd.ru, romashova_m_rfmu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-4094-3420>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.15>

UDC 342.76

LBC 67.400.32

Submitted: 22.04.2025

Accepted: 04.07.2025

FOREIGN EXPERIENCE OF THE LEGAL REGULATION OF CONSTITUTIONAL RESTRICTIONS ON THE RIGHTS AND FREEDOMS OF PERSONS WITH SPECIAL LEGAL STATUS AND THE ISSUES OF ITS ACTUALIZATION IN RUSSIA (THROUGH THE EXAMPLE OF THE BRICS COUNTRIES)

Igor B. Grigoriev

Volgograd Regional Court, Volgograd, Russian Federation;

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the issues of comparative legal characteristics of restrictions on the constitutional rights and freedoms of special legal entities are characterized by fragmentary coverage in both domestic and foreign jurisprudence. At the same time, an appeal to the relevant aspects of the legislation and practice of foreign BRICS countries is of considerable interest due to the deficit of scientific knowledge, due to the diversity of approaches to legal restrictions in various legal systems, and also taking into account the development of international integration processes with the participation of the Russian Federation. **Methods:** the methodological basis of the study is represented by general scientific, dialectical, formal-legal, historical and comparative-legal, logical-syntactic, and semantic methods, as well as methods of forecasting, synthesis, and analysis. **Results:** the study identified common features and main characteristics of various national models of restrictions on the constitutional rights and freedoms of persons endowed with special legal status in the BRICS countries (using the example of Brazil, India, Indonesia, the People's Republic of China, the United Arab Emirates, and the Republic of South Africa). The author paid particular attention to the constitutional formulations of the grounds and criteria for the legal restrictions under study, as well as their comparison with the Russian model of constitutional and legal regulation. Based on the results of the study, the author draws **conclusions** regarding the possibility of updating relevant international experience in the context of improving Russian legislation and law enforcement practice in this area. Of particular interest was the South African model of constitutional regulation of the relevant legal restrictions, which presupposes a highly differentiated, two-tiered structure: principles and factors (criteria). The concept of "constitutional narratives" for restrictions on rights and freedoms, developed in contemporary Russian legal doctrine, can serve as a substantive reference.

Key words: human rights and freedoms, restrictions on rights and freedoms, principles of restriction on rights and freedoms, limits of restriction on rights and freedoms, special legal status, BRICS countries.

Citation. Grigoriev I.B. Foreign Experience of the Legal Regulation of Constitutional Restrictions on the Rights and Freedoms of Persons with Special Legal Status and the Issues of Its Actualization in Russia (Through the Example of the BRICS Countries). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 118-123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.15>

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ПРАВ И СВОБОД ЛИЦ, НАДЕЛЕННЫХ СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРАВОВЫМ СТАТУСОМ, И ВОПРОСЫ ЕГО АКТУАЛИЗАЦИИ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН БРИКС)

Игорь Борисович Григорьев

Волгоградский областной суд, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: вопросы сравнительно-правовой характеристики ограничений конституционных прав и свобод специальных субъектов права отличаются фрагментарным освещением как в отечественной, так и в зарубежной юриспруденции. При этом обращение к соответствующим аспектам законодательства и практики зарубежных стран БРИКС представляет значительный интерес вследствие дефицита научного знания, в силу разнообразия подходов к правоограничению в различных правовых системах, а также с учетом развития международных интеграционных процессов с участием Российской Федерации. **Методы:** методологическая основа исследования представлена: общенаучным диалектическим, формально-юридическим, историко- и сравнительно-правовым, логико-синтаксическим, семантическим, а также методами прогнозирования, синтеза и анализа. **Результаты:** в исследовании выявлены общие черты и основные особенности различных национальных моделей ограничений конституционных прав и свобод лиц, наделенных специальным правовым статусом, в странах БРИКС (на примере Бразилии, Индии, Индонезии, Китайской Народной Республики, Объединенных Арабских Эмиратов, Южно-Африканской Республики). Автор уделит особое внимание конституционным формулировкам оснований и критериев изучаемых правоограничений, а также их сопоставлению с российской моделью конституционно-правового регулирования. По итогам работы автором формулируются **выводы** относительно возможности актуализации соответствующего зарубежного опыта в контексте совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики в рассматриваемой сфере. При этом особый интерес вызвала южноафриканская модель конституционного регулирования соответствующих правоограничений, предполагающая наиболее подробно дифференцированную двухуровневую конструкцию: принципы – факторы (критерии), содержательно соотносимым с которой может выступать развиваемый в современной отечественной правовой доктрине концепт «конституционных нарративов» ограничений прав и свобод.

Ключевые слова: права и свободы человека, ограничения прав и свобод, принципы ограничения прав и свобод, пределы ограничения прав и свобод, специальный правовой статус, страны БРИКС.

Цитирование. Григорьев И. Б. Зарубежный опыт правового регулирования конституционных ограничений прав и свобод лиц, наделенных специальным правовым статусом, и вопросы его актуализации в России (на примере стран БРИКС) // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 118–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.15>

Введение

Ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина неизменно представляет предмет дискуссий как научного, так и практического характера. Совершенствование соответствующих нормативных конструкций и правоприменительных механизмов в современных реалиях выступает одним из императивов правовой политики большинства государств. В свою очередь, проблематика ограничений, установленных

для специальных субъектов права, опосредована не только их более строгим характером, но и задействованием усложненной системы не вполне систематизированных критериев, апробация которых призвана способствовать оптимизации гарантий прав и свобод в целом.

Безусловно, для выработки более целостного комплекса решений указанных выше проблем исключительно важен анализ положительного зарубежного опыта. В данном разрезе в последние десятилетия для нашей

страны была характерна ориентация преимущественно на практику европейских стран и международных организаций (прежде всего Совета Европы, в деятельности которого Россия участвовала с 1996 по 2022 г.). При этом на периферии внимания остается ряд особенностей правоограничений, сложившихся в законодательстве зарубежных государств БРИКС, сотрудничество с которыми выступает одним из наиболее значимых направлений внешней политики нашей страны, в том числе развивавшееся и по линии защиты прав и свобод человека. Особый интерес в данном контексте представляет принадлежность стран-членов (в настоящее время – 10) и партнеров (12) указанной организации к различным правовым системам. В этой связи в настоящем исследовании акцентируется внимание на ключевых аспектах соответствующих правоограничений, характерных для ряда стран БРИКС, а также изучении возможностей актуализации данного опыта.

Общая характеристика конституционных моделей ограничений прав и свобод человека и гражданина в странах БРИКС

В сравнительно-правовых исследованиях традиционно указывается на наличие в мировой практике конституционализма нескольких подходов к моделированию рассматриваемых правоограничений, различающихся с технико-юридической и содержательной точек зрения. Применительно к странам БРИКС они могут выражаться в следующем:

- абстрактная оговорка об основаниях правоограничений (для стран БРИКС не характерна) / отсутствие положений в конституционном тексте (в частности, может подразумеваться отсылка к законодательному регулированию – Конституция Индонезии [4], наиболее содержательно-лаконичная из приводимых);

- указание соответствующих оснований (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [7]) / коррелирующих таковым пределов реализации прав и свобод (ст. 51 Конституции КНР [5]);

- формулирование ограничений применительно к конкретным правам и свободам (конституции Бразилии [2] и ОАЭ [6]);

- выработка критериев правоограничений (ст. 36 Конституции ЮАР [8]).

Безусловно, в чистом виде перечисленные подходы наблюдаются далеко не всегда – например, комплексное (и достаточно сложное в технико-юридическом смысле) решение данной проблемы наблюдается в Конституции Индии [3], где предусматриваются как общие основания правоограничений применительно к отдельным группам прав различной природы (ст. 19), так и ряд ограничений конкретных прав, в том числе посредством оговорок и комментариев; в бразильской Конституции указывается на ограничения либо пределы конкретных прав (ст. 5).

Наиболее интересной в русле исследуемых зарубежных практик видится южноафриканская модель правового регулирования, отличающаяся внесением в конституционный текст Билля о правах, включающего специальную статью 36 об общих основаниях и специальных критериях правоограничений [8]. В то же время далеко не всегда уместно говорить только о «прямых» ограничениях конституционных прав, важно принимать в расчет также и косвенные (как правило, предполагающие отсылку к закону, либо простые или квалифицированные оговорки), а равно регулирование посредством «умолчания» (например, на это обращается особое внимание в бразильской конституционно-правовой доктрине).

Ограничения конституционных прав и свобод специальных субъектов права в странах БРИКС

Рассмотренные подходы к ограничению конституционных прав и свобод человека и гражданина в различной мере соотносятся с субъектной спецификой. В сравнительно-правовых исследованиях правоограничений для специальных субъектов отмечается, что они состоят в изъятиях правомочий, не затрагивающих внутренние аспекты последних; распространяются на лиц, выполняющих публичные функции; основаны на согласии осуществлять профессиональную деятельность; связаны со сроками последней; правомерность обусловлена приоритетом публичных интересов; влияют и на специальный, и на общий правовой статус [1, с. 151]. С учетом изложенного в вышеуказанных зарубежных кон-

ституциях прежде всего представляется возможным выделить основания правоограничений (либо пределы реализации прав), в определенной мере «совместимые» со статусом специальных субъектов права. Так, в ст. 51 Конституции КНР речь идет об «интересах государства, общества и коллектива» (китайская Конституция примечательна и указанием на такие обязанности, как «хранить государственную тайну, защищать государственную собственность, соблюдать рабочую дисциплину» – ст. 53) [5]; в п. 6 ст. 19 Конституции Индии – о квалификационных требованиях [3]. Наконец, некоторые правоограничения непосредственно предусматриваются применительно к тем или иным специальным субъектам в аспекте реализации конкретных прав (например, судьи и прокуроры в Бразилии, члены правительства и депутаты в ОАЭ и т. д.). Систематизации такого рода ограничений в конституционных текстах не наблюдается; равным образом для большинства анализируемых конституций не характерно наличие общих норм о правах и свободах, не подлежащих ограничениям априори.

В то же время сложность формулирования исследуемых специальных ограничений, не систематизированных ни в российской, ни в зарубежных конституциях, в значительной мере опосредована как многообразием соответствующих специальных субъектов и ситуаций реализации ими тех или иных прав и свобод, так и проблематикой соотношения общих и частных оснований ограничений, а также задействованием содержательно-близких юридических конструкций: ограничения – условия реализации – пределы осуществления (защиты) прав [9, с. 10]. Данные обстоятельства, а также «жесткий» характер соответствующих конституционных положений, предполагающий сложность их непосредственного изменения, предопределяют значимость для юридической практики более конкретизированных критериев правоограничений.

Доктрина «ограничения ограничений»: конституционно-правовые критерии (на примере ЮАР)

С учетом специфики статуса отдельных субъектов права исключительно значимой видится разработка критериальной базы рас-

сматриваемых правоограничений. В данном отношении особый подход среди стран БРИКС наблюдается в Конституции ЮАР, что связано с так называемой доктриной «ограничения ограничений» («limits of limits»), сложившейся в ряде государств системы общего права (но не только в ее контуре) [12, с. 35]. Стоит отметить, что это не предполагает «программного» характера конституционного регулирования прав; так, основные направления критики Конституции ЮАР сопряжены со сравнительной фрагментарностью положений о социально-экономических правах и свободах [13].

Согласно ст. 36 названной Конституции, права человека могут быть ограничены «...в пределах, в которых такое ограничение является разумным и справедливым в открытом и демократическом обществе, основанном на человеческом достоинстве, равенстве и свободе, с учетом действия всех соответствующих факторов, включая: (а) природу права; (б) важность цели ограничения; (с) природу и пределы ограничения; (d) отношение между ограничением и его целью; (е) наименее ограничивающие средства для достижения цели» [8].

Таким образом, представляется возможным говорить о своего рода двух уровнях формализации правоограничений: с точки зрения как принципов права, так и критериев применения каждого из них. Тем самым создается необходимый базис для более дифференцированного правоприменения с учетом в том числе и субъектной специфики конкретных правоотношений; кроме того, интегральной для практики при оценке соотношения соответствующих критериев, иерархия которых нормативно не выстраивается, выступает категория «баланса» [13, р. 209]. В свою очередь, также создаются предпосылки и для «конституциализации» законодательства, развивающегося в направлении соответствия (совместимости) с «понятийной сеткой» конституционных положений, проблематика обеспечения которых в последние годы затронула и «обычных» субъектов права [10]. При отсутствии аналога в российском конституционно-правовом регулировании следует отметить, что в современной отечественной правовой доктрине подобному пониманию близок концепт так называемых конституционных нарративов пра-

воограничений, предполагающий системную увязку их принципов, целей и способов с конституционными ценностями [11, с. 17].

Выводы

Правовые системы стран БРИКС характеризуются значительным разнообразием подходов к регламентации ограничений конституционных прав и свобод (как общих, так и применительно к специальным субъектам), отличающихся по ряду формальных и содержательных признаков (в целом наибольшей абстрактностью характеризуются положения Конституции Индонезии, программным характером – Конституция Индии). Используемые конституционные формулировки предполагают ограничения различных типов: прямые, косвенные (отсылка к закону / простые или квалифицированные оговорки), регулирование посредством «умолчания»; кроме того, в различных сочетаниях задействуются содержательно-близкие конструкции: ограничения – условия реализации – пределы осуществления (защиты) прав. При этом не усматривается аналогии с моделью, используемой в Конституции РФ, – формулированием общих оснований ограничений прав и свобод (в данном аспекте наиболее сопоставимые практики предполагают либо акцент на конструкции общих пределов реализации прав (КНР), либо комбинирование общих ограничений для всех прав со специальными – для конкретных прав и их носителей (Бразилия, Индия)).

Особый интерес в контексте возможной актуализации в России, как представляется, имеет южноафриканская модель конституционного регулирования соответствующих правоограничений, предполагающая наиболее подробно дифференцированную двухуровневую конструкцию: принципы – факторы (критерии), содержательно соотносимым с которой может выступать развиваемый в современной отечественной правовой доктрине концепт «конституционных нарративов» ограничений прав и свобод.

В этой связи, думается, было бы плодотворным дальнейшее исследование приведенных факторов (критериев) как возможных ориентиров для правоприменительной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казимирская, Ю. В. Конституционно-правовые основы ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в России и зарубежных странах : дис. ... канд. юрид. наук / Казимирская Юлия Викторовна. – М., 2016. – 228 с.
2. Конституция Бразилии. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=563>
3. Конституция Индии. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=28>
4. Конституция Индонезии. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=29>
5. Конституция КНР. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=31>
6. Конституция ОАЭ. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=89>
7. Конституция Российской Федерации : (принята всенар. голосованием 12.12.1993 ; с изм., одоб. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144.
8. Конституция ЮАР. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78>
9. Лисов, В. В. Ограничения конституционных прав граждан, связанные с поступлением на государственную гражданскую службу Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Лисов Валерий Валерьевич. – Саратов, 2014. – 197 с.
10. Пожарова, Л. А. Государство и права человека: проблемы ограничений в условиях пандемии / Л. А. Пожарова, Н. А. Косолапова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 41–46. – DOI: 10.15688/1c.jvolsu.2020.3.5
11. Умнова-Конюхова, И. А. Конституционные нарративы ограничения прав и свобод человека и их судебное применение в целях реализации ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации / И. А. Умнова-Конюхова // Московский юридический журнал. – 2020. – № 4. – С. 10–22. – DOI: 10.18384/2310-6794-2020-4-10-22
12. Участие общественности в управлении государством в странах БРИКС : монография / Д. А. Авдеев [и др.]. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2019. – 288 с.
13. Amankwah, A. H. Constitutions and Bills of Rights in Third World Nations: Issues of Form and Content / A. H. Amankwah // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. – 1988. – Vol. 21, no. 2. – P. 190–211.

REFERENCES

1. Kazimirskaia Ju.V. *Konstitucionno-pravovye osnovy ogranichenija lichnyh (grazhdanskih) prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii i*

zarubezhnyh stranah: dis. ... kand. jurid. nauk [Constitutional and Legal Basis for Limiting Personal (Civil) Rights and Freedoms of a Person and Citizen in Russia and Foreign Countries. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 228 p.

2. *Konstitucija Brazilii* [Constitution of Brazil]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=563>

3. *Konstitucija Indii* [Constitution of India]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=28>

4. *Konstitucija Indonezii* [Constitution of Indonesia]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=29>

5. *Konstitucija KNR* [Constitution of the PRC]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=31>

6. *Konstitucija OAE* [Constitution of the UAE]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=89>

7. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: (prinyata vsenar. golosovaniyem 12.12.1993; s izm., odobr. v khode obshcheros. golosovaniya 01.07.2020) [Constitution of the Russian Federation. (Adopted by Popular Vote on 12.12.1993 with Amendments Approved During the All-Russian Vote on 01.07.2020)]. *Rossiyskaya gazeta*, 2020, no. 144.

8. *Konstitucija JuAR* [Constitution of South Africa]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=78>

9. Lisov V.V. *Ogranicheniya konstitucionnykh prav grazhdan, svyazannye s postupleniem na gosudarstvennuyu grazhdanskuyu sluzhbu Rossijskoj Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk* [Restrictions on the Constitutional Rights of Citizens Related to

Admission to the State Civil Service of the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2014. 197 p.

10. Pozharova L.A., Kosolapova N.A. Gosudarstvo i prava cheloveka: problemy ogranichenij v usloviyah pandemii [The State and Human Rights: The Problems of Restrictions in the Pandemic]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 41-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.3.5>

11. Umnova-Konjuhova I.A. Konstitucionnye narrativy ogranicheniya prav i svobod cheloveka i ih sudebnoe primenenie v celjah realizatsii ch. 3 st. 55 Konstitucii Rossijskoj Federatsii [Constitutional Narratives of Restrictions on Human Rights and Freedoms and their Judicial Application for the Purpose of Implementing Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation]. *Moskovskij juridicheskij zhurnal* [Moscow Law Journal], 2020, no. 4, pp. 10-22. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-4-10-22

12. Avdeev D.A. et al. *Uchastie obshchestvennosti v upravlenii gosudarstvom v stranah BRIKS: monografija* [Public Participation in Governance in the BRICS Countries. A Monograph]. Tyumen, Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2019. 288 p.

13. Amankwah A.H. Constitutions and Bills of Rights in Third World Nations: Issues of Form and Content. *The Comparative and International Law Journal of Southern Africa*, 1988, vol. 21, no. 2, pp. 190-211.

Information About the Author

Igor B. Grigoriev, Judge, Volgograd Regional Court, Prosp. Lenina, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation; Postgraduate Student, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, igor301030@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1837-108X>

Информация об авторе

Игорь Борисович Григорьев, судья, Волгоградский областной суд, просп. Ленина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация; аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, Университетский просп., 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, igor301030@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-1837-108X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.16>

UDC 343.13

LBC 67.410.2-32

Submitted: 25.05.2025

Accepted: 04.07.2025

CURRENT TRENDS IN INTERNATIONAL COOPERATION IN CRIMINAL CASES AND THEIR LEGAL REGULATION

Oksana S. Kolosovich

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: digitalization, which is taking place in modern society, opens up new opportunities for law enforcement agencies to combat crime. It is now possible to instantly exchange information regardless of distances and state borders. At the same time, the possibilities of information and communication technologies are only growing, and along with that, the effectiveness of their application in the field under consideration is increasing. Wireless data exchange methods, as well as artificial intelligence technologies, are most actively used in the modern world. **Methods:** the research methodology is based on the application of the dialectical method of cognition, the formal legal method, comparative law, and logical methods of cognition. As a **result** of the study, it is found that information and communication technologies have long acquired a large-scale character in international cooperation in criminal cases and affect the emergence of new ways of interaction between competent authorities of foreign states. The effectiveness and efficiency of law enforcement and judicial authorities in international cooperation, including in matters of taking proof and document management, directly depend on the use of information and communication technologies. Meanwhile, crimes committed using information and communication technologies pose the greatest threat to national security. The state is taking certain steps to change the situation. However, although today artificial intelligence technologies are the main element of digital transformation in police activities, the domestic criminal procedure legislator does not pay sufficient attention to these issues. On the contrary, the Russian Federation is actively working on international platforms to develop universal provisions on international cooperation in countering crimes committed using information and communication technologies. **Conclusion:** the author's solution to the identified problems is proposed.

Key words: information and communication technologies, international cooperation in criminal cases, legal regulation, electronic information, data exchange.

Citation. Kolosovich O.S. Current Trends in International Cooperation in Criminal Cases and Their Legal Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 124-130. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.16>

УДК 343.13

ББК 67.410.2-32

Дата поступления статьи: 25.05.2025

Дата принятия статьи: 04.07.2025

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Оксана Сергеевна Колосович

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: цифровизация, происходящая в современном обществе, открывает новые горизонты в деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности. Появилась возможность мгновенного обмена информацией независимо от расстояний и государственных границ. При этом потенциал информационно-коммуникационных технологий только растет, а вместе с этим – и эффективность их применения в рассматриваемой сфере. Наиболее активно в современном мире используются беспроводные способы обмена данными, а также технологии искусственного интеллекта. **Методология** исследования базируется на применении диалектического метода познания, формально-юридического метода, сравнительно-правового, логических методов познания. **В результате** исследования установлено, что в международном сотрудничестве по уголовным делам информационно-коммуникационные технологии давно приобрели мас-

штабный характер и влияют на появление новых способов взаимодействия компетентных органов иностранных государств. Эффективность и оперативность правоохранительных и судебных органов в международном сотрудничестве, в том числе в вопросах получения доказательств и осуществления документооборота, напрямую зависят от использования информационно-коммуникационных технологий. Между тем наибольшую угрозу для национальной безопасности представляют преступления, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий. В целях изменения ситуации государством предпринимаются определенные шаги. Однако несмотря на то что сегодня технологии искусственного интеллекта выступают основным элементом цифровой трансформации в деятельности полиции, отечественный уголовно-процессуальный законодатель этим вопросам не уделяет достаточно внимания. Напротив, на международных площадках Российской Федерацией ведется активная работа по формированию универсальных положений о международном сотрудничестве по противодействию преступлениям, совершенным с использованием информационно-коммуникационных технологий. **Заключение:** предлагается авторское решение обозначенных проблем.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, международное сотрудничество по уголовным делам, правовое регулирование, электронная информация, обмен данными.

Цитирование. Колосович О. С. Современные тенденции международного сотрудничества по уголовным делам и их правовое регулирование // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 124–130. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.16>

Введение

Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) стали неотъемлемой частью деятельности как правоохранительных и судебных органов, так и криминалитета.

В последние годы наблюдается «практически двукратный ежегодный прирост числа таких преступлений» [1, с. 4], и эта тенденция продолжает набирать обороты. Так, за 2024 г. в Российской Федерации, по сравнению с 2023 г., зафиксирован рост преступлений с использованием ИКТ на 13,1 %, составив 40 % от общего количества зарегистрированных преступлений [5].

При помощи ИКТ оптимизируется деятельность правоохранительных и судебных органов. Не стало исключением расследование трансграничных преступлений, где передача доказательств и обмен данными между правоохранительными органами разных государств являются залогом его эффективности и скорости. К сожалению, отечественные ученые отмечают «забюрократизованность и заформализованность уголовного процесса» в рассматриваемой области [3, с. 492].

Новые формы использования ИКТ в международном сотрудничестве по уголовным делам

Для государств-участников Европейского союза (далее – государств-участников)

правовое регулирование использования ИКТ в рамках международного сотрудничества по уголовным делам занимает центральное место, обуславливая наш интерес к изучению опыта европейского законодателя. Здесь отметим, что им разработан новый механизм направления международных запросов о передаче и хранении электронных доказательств по уголовным делам.

Так, с 18 августа 2026 г. в ЕС начнет действовать «децентрализованная ИТ-система», которая обеспечит «быстрый, безопасный и надежный обмен информацией, позволяющий получателю установить подлинность данных», запрошенных на основании Европейского ордера на предоставление доказательств (ЕРОС) или Европейского ордера на сохранение доказательств (ЕРОС-PR) (в том числе данных, находящихся в облачной инфраструктуре) [9].

В соответствии с законодательством для выдачи Европейского ордера не имеет значения фактическое место нахождения поставщика услуг или объекта, не требуется наличие серверов в юрисдикции ЕС. Устанавливается направление ЕРОС непосредственно поставщику услуг другого государства-участника. В качестве гарантий соблюдения основных прав доказательственная ценность таких материалов будет оцениваться национальным судом. Третьими государствами получение подобных доказательств возможно посредством направления международного

запроса в национальные правоохранительные органы, обслуживающие территорию, на которой зарегистрирован или представлен поставщик услуг.

Новым направлением международного сотрудничества ЕС можно назвать предоставление Евроюсту полномочий по созданию централизованного хранилища для хранения, анализа и обмена электронными доказательствами, собранными европейскими наднациональными органами, другими международными организациями, третьими государствами в отношении определенных категорий преступлений (Регламент 2022/838 [12]). Цель создания депозита доказательств – обеспечение сохранности и юридической силы доказательств, их доступности, допустимости и достоверности в будущем для национальных и международных судов.

Закономерным представляется принятие в ЕС Закона об искусственном интеллекте [13], установившего сферу применения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), в том числе в правоохранительной деятельности государств-участников. Согласно положениям закона, государствам-участникам надлежит провести ревизию существующего механизма национального правового регулирования международного сотрудничества по уголовным делам для определения его соответствия вводимым правилам. При необходимости механизм должен быть реорганизован посредством изменения международных договоров.

Эффективности международного сотрудничества ЕС способствует четкое законодательное закрепление международными нормами доказательственного значения электронных данных, возможности электронного способа общения и критериев приемлемости электронных документов, условий автоматизированного обмена данными, процессов внедрения и применения данной технологии по уголовным делам, включая ИИ.

ИКТ в международном сотрудничестве по уголовным делам РФ

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусмотрены возможности использования электронных документов в судебном и досу-

дебном производстве (ст. 474.1, 474.2 УПК РФ), однако международное сотрудничество ими не охвачено.

Вместе с тем уголовно-процессуальным законодателем не решен вопрос о возможных пределах использования ИКТ, доказательственном значении полученной с их помощью информации. Остается открытым вопрос об уголовно-процессуальных гарантиях прав и законных интересов лиц, вовлеченных в эту деятельность.

В свете вышесказанного следует согласиться с высказываниями ученых о необходимости дополнения отечественного уголовно-процессуального законодательства положениями, касающимися сбора «доказательств на электронных носителях информации, включая цифровые следы преступлений, электронные документы, возможность дистанционного участия в уголовном судопроизводстве» [1, с. 5]. Однако этого недостаточно.

Необходима законодательная регламентация более широкого спектра отношений, связанных с использованием в уголовном судопроизводстве ИКТ. В связи с этим своевременны предложения А.Ю. Чуриковой о необходимости установления правил применения ИИ в уголовном судопроизводстве для обработки больших баз данных, включая распознавание лиц; закрепления требований к электронным документам и предоставления возможности их создания и отправки всеми участниками уголовного процесса, а также «практику нормативного регулирования процессов внедрения и применения информационных технологий в уголовном судопроизводстве» [11, с. 16, 18, 28].

Нельзя утверждать, что российский законодатель откровенно игнорирует вопросы использования ИКТ в рамках международного сотрудничества по уголовным делам. Невозможно согласиться и с утверждениями об отсутствии в российском законодательстве положений, которые обязывали бы поставщиков интернет-услуг и услуг связи оперативно обеспечивать сохранность компьютерных данных на определенное время [4, с. 87]. Действительно, в УПК РФ отсутствует специальный раздел или глава, посвященные этому вопросу, положения об электронных доказательствах и иной электронной информации.

Нет и специальных законов, регулирующих использование ИКТ для оказания право-

вой помощи по уголовным делам. На сегодняшний день нормы, регулирующие данную деятельность, содержатся фрагментарно в различных законодательных и подзаконных актах.

К примеру, на основе принципа применения научных и технических достижений, современных технологий и информационных систем осуществляется деятельность полиции (ст. 11 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [7]).

Передача персональных данных, в том числе иностранным государствам, производится, в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [6], для осуществления правосудия, оперативно-разыскной деятельности, прокурорского надзора, обеспечения безопасности, а также в контексте противодействия терроризму и коррупции; на основании международных договоров РФ персональные данные передаются иностранным государствам (п. 6–7.1 ч. 2 ст. 10, ч. 2 ст. 11 ст. 12 Закона о персональных данных), а в ст. 3 закреплено понятие «трансграничная передача персональных данных».

Кроме того, в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8] в ч. 3.1 ст. 10.1 предусмотрена обязанность «организаторов распространения информации в сети “Интернет”» предоставлять информацию «органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность и обеспечение безопасности».

Отсутствие на законодательном уровне процедуры использования ИКТ в международном сотрудничестве по уголовным делам частично восполняется ведомственными актами в сфере оперативно-разыскной деятельности, в частности по линии Интерпола, нередко находящимися в ограниченном доступе.

В ходе проведенного интервьюирования 78 % респондентов высказали неудовлетворенность существующей правовой регламентацией международного сотрудничества в УПК РФ, что послужило причиной сотрудничества вне правового поля. В частности, с целью эффективного и быстрого исполнения запроса о правовой помощи сформировалась практика непосредственного взаимодействия с иностранными правоохранительными орга-

нами. По мнению респондентов, вопросы применения ИКТ и их результатов в уголовном судопроизводстве требуют определенности со стороны законодателя (автором было проинтервьюировано 711 сотрудников следственных подразделений и органов дознания МВД России из 42 субъектов РФ).

В то же время на международных площадках Российская Федерация принимает активное участие в создании положений о международном сотрудничестве по предупреждению, выявлению и расследованию преступлений с использованием ИКТ. Так, она выступила инициатором и одним из разработчиков Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности; за укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям [10] (далее – Конвенция). Ее уже назвали важнейшим эпохальным документом и «первым международным договором по борьбе с преступностью за последние 20 лет...» [2].

Основными достижениями Конвенции следует назвать: оперативный сбор электронных доказательств и совместное их использование в расследовании широкого круга преступлений, совершенных с использованием ИКТ; установление универсальных правил, предусматривающих упрощенный механизм международного сотрудничества, включая непосредственное взаимодействие компетентных органов сотрудничающих государств; криминализация деяний в исследуемой области национальным законодательством государств-участников; комплексный подход к регулированию различных направлений международного сотрудничества, включая обеспечение безопасности; установление прямого запрета нарушения суверенитета государств в ходе поиска и изъятия информации в информационно-коммуникативных системах; установление процедуры сбора, получения, хранения и передачи электронной информации, включая доказательства и документы, для предварительного расследования или судебного разбирательства; фиксацию права создания органов по проведению совместных рас-

следований; использование терминологии, свойственной отечественному праву; признание неправомерным отказа в помощи в связи с сохранением банковской тайны.

Таким образом, инициатива со стороны Российского государства свидетельствует о признании необходимости совершенствования внутригосударственного механизма международного сотрудничества с применением ИКТ. Подтверждение данного вывода мы находим в положении ст. 59 Конвенции о необходимости приведения национального законодательства в соответствие с указанным международным актом.

На основании изложенного можно прийти к следующим **выводам**:

1. В мире ИКТ занимают центральное место в международном сотрудничестве по уголовным делам. В последние годы в этой области развитие получило правовое регулирование передачи и хранения электронных доказательств.

2. Отечественное законодательство уделяет внимание правовому регулированию использования ИКТ в международном сотрудничестве по уголовным делам. Однако существующие положения не соответствуют современным требованиям: не успевают за быстрым развитием технологий и актуальными потребностями взаимодействия компетентных органов. Положения, касающиеся этой сферы, разрознены и фрагментарны и в основном относятся к оперативно-разыскному праву.

3. На международных площадках Российская Федерация продвигает прогрессивные положения в области использования ИКТ, предлагая упрощенный механизм международного сотрудничества, однако внутреннее уголовно-процессуальное законодательство требует аналогичного внимания.

4. Представляется обоснованным включение в УПК РФ порядка использования в международном сотрудничестве ИКТ (наряду с непосредственным взаимодействием компетентных органов), правового статуса электронной информации, обрабатываемой для использования в уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашова, А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-про-

цессуальном доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Балашова Анна Александровна. – М., 2020. – 31 с.

2. В ООН принята Конвенция по борьбе с киберпреступностью. – URL: <https://cgitc.ru/media/v-onn-prinyata-konventsia-po-borbe-s-kiberprestupnostyu/>

3. Гаврилов, Б. Я. Потребность в новом УПК РФ: современные реалии или фантом / Б. Я. Гаврилов // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 491–497.

4. Жданов, Ю. Н. Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие : монография / Ю. Н. Жданов, С. К. Кузнецов, В. С. Овчинский. – М. : Норма, 2022. – 184 с.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2024 год. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/>

6. О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. – URL: <https://web.archive.org/web/20230324174625>

7. О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/

8. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

9. Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2023/1543 от 12 июля 2023 г. о Европейских ордерах на предоставление электронных доказательств и о Европейских ордерах на сохранение электронных доказательств для целей уголовного процесса для исполнения приговоров к лишению свободы, вынесенных в рамках уголовного процесса. – URL: <https://base.garant.ru/408631405/>

10. Решение Генеральной Ассамблеи ООН 78/243. – URL: <https://www.un.org/ru/documents/reaty/A-RES-79-243>

11. Чурикова, А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Чурикова Анна Юрьевна. – Саратов, 2024. – 48 с.

12. Regulation (EU) 2022/838 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 Amending Regulation (EU) 2018/1727 as Regards the Preservation, Analysis and Storage at Euro just of Evidence Relating to Genocide, Crimes Against Humanity, War Crimes and Related Criminal Offences. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/838/oj>

13. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying down Harmonized Rules on Artificial Intelligence and Amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/

2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA Relevance). – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689&qid=1729511739137>

REFERENCES

1. Balashova A.A. *Elektronnye nositeli informacii i ih ispolzovanie v ugolovno-processualnom dokazyvanii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Electronic Media and Their Use in Criminal Procedural Evidence. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2020. 31 p.
2. *V OON prinyata Konventsia po borbe s kiberprestupnostyu* [The UN Has Adopted the Convention on Combating Cybercrime]. URL: <https://cgitec.ru/media/v-on-prinyata-konventsia-po-borbe-s-kiberprestupnostyu/>
3. Gavrilov B.Ya. Potrebnost v novom UPK RF: sovremennyye realii ili fantom [The Need for a New Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Modern Realities or a Phantom]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology], 2021, no. 15, pp. 491-497.
4. Zhdanov Yu.N., Kuznetsov S.K., Ovchinsky V.S. *Kibermafia. Mirovyye tendentsii i mezhdunarodnoye protivodeystviye: monografiya* [Cyber Mafia. World Trends and International Counteraction. Monograph]. Moscow, Norma Publ., 2022. 184 p.
5. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za 2024 god* [Brief Description of the State of Crime in the Russian Federation in 2024]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/>
6. *O personalnykh dannykh: feder. zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ* [On Personal Data: Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006]. URL: <https://web.archive.org/web/20230324174625>
7. *O politsii: feder. zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ* [About the Police: Federal Law No. 3-FZ Dated 07.02.2011]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165
8. *Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii: feder. zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ* [About Information, Information Technologies and Protection Information. Federal Law No. 149-FZ Dated 27.07.2006]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
9. *Reglament Yevropeyskogo parlamenta i Soveta Yevropeyskogo soyuza 2023/1543 ot 12 iyulya 2023 g. o Yevropeyskikh orderakh na predostavleniye elektronnykh dokazatelstv i o Yevropeyskikh orderakh na sokhraneniye elektronnykh dokazatelstv dlya tseley ugolovnogo protsesssa dlya ispolneniya prigovorov k lisheniyu svobody, vynesennykh v ramkakh ugolovnogo protsesssa* [Regulation of the European Parliament and of the Council of the European Union 2023/1543 of July 12, 2023 on European Warrants for the Provision of Electronic Evidence and on European Warrants for the Preservation of Electronic Evidence for the Purposes of Criminal Proceedings for the Enforcement of Custodial Sentences Imposed in Criminal Proceedings]. URL: <https://base.garant.ru/408631405/>
10. *Resheniye Generalnoy Assamblei OON 78/243* [UN General Assembly Decision 78/243]. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243>
11. Churikova A.Yu. *Ispolzovanie informatsionnykh tekhnologiy i sistem v ugolovnom sudoproizvodstve: vozmozhnosti, riski, pravovoe regulirovanie: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [The Use of Information Technologies and Systems in Criminal Proceedings: Opportunities, Risks, Legal Regulation. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2024. 48 p.
12. *Regulation (EU) 2022/838 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2022 Amending Regulation (EU) 2018/1727 as Regards the Preservation, Analysis and Storage at Eurojust of Evidence Relating to Genocide, Crimes Against Humanity, War Crimes and Related Criminal Offences*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/838/oj>
13. *Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 Laying Down Harmonized Rules on Artificial Intelligence and Amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) (Text with EEA Relevance)*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689&qid=1729511739137>

Information About the Author

Oksana S. Kolosovich, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Doctoral Student, Scientific Research Department, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400075 Volgograd, Russian Federation, 1019810198@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1016-5391>

Информация об авторе

Оксана Сергеевна Колосович, кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400075 г. Волгоград, Российская Федерация, 1019810198@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1016-5391>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этичной редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Цифровая трансформация правового регулирования; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует группе научных специальностей 5.1. Право Номенклатуры специальностей научных работников.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Crime Prevention and Legal Liability Differentiation; Procedural Law: Theory and Law Enforcement Issues; Digital Transformation of Legal Regulation; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the group of scientific specialties 5.1. Law according to the Nomenclature of specialties of academic researchers.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://j.volsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, review, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

